

ЛЮДОВИК XIV

Личная жизнь «короля-солнце»

Т.В. Умнова
Е.В. Прокофьева

ЛЮДОВИК XIV

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ
«КОРОЛЯ-СОЛНЦЕ»

HISTORY
FILES

Т.В. Умнова, Е.В. Прокофьева

Людовик XIV

Личная жизнь «короля-солнце»

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3
У54

Умнова, Т.В.

У54 Людовик XIV. Личная жизнь «короля-солнце» / Т.В. Умнова, Е.В. Прокофьева. — М. : Вече, 2014. — 320 с. : ил. — (History files).

ISBN 978-5-4444-0942-8

Знак информационной продукции 16+

Людовик XIV вошел в историю, как «король-солнце», и пожалуй, именно его можно назвать самым знаменитым среди французских монархов. Мало найдется людей, не слышавших о нем. Для одних Людовик — герой захватывающих любовных историй, для других — повелитель великолепнейшего в истории двора, для третьих — основатель Версаля, самого роскошного загородного поместья в Европе. Людовик появляется на страницах популярнейших романов Александра Дюма, Апи и Сержа Голон, Жульетты Бенцони, Людовик становится героем множества кинофильмов и даже знаменитого мюзикла... Научно-популярных книг о нем написано также немало, но большинство из тех, которые доступны русскому читателю, рассказывают о Людовике XIV — короле, политике, военачальнике.

Новая книга Татьяны Умновой и Елены Прокофьевой повествует о личной жизни «короля-солнце», о его семье, о ближайшем окружении, о повседневных привычках, о пороках и добродетелях. Обо всем, что обычно игнорируется серьезными историками, но позволяет создать ясное представление о том, каким человеком был этот великий король.

**УДК 94(100-87)
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4444-0942-8

© Умнова Т.В., Прокофьева Е.В., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

Вступление

VIVE LE ROI!

Вряд ли кто-нибудь будет спорить с утверждением, что Людовик XIV — самый знаменитый и самый блистательный из всей шестнадцатой французских монархов. Среди его предков и потомков были короли, которые превосходили его по части величия, страсти к роскоши, любвеобилия и воинственности. Однако Людовик соединил в себе все эти черты, в результате чего остался в памяти народной как «король-солнце».

Государь, ставший воплощением абсолютной монархии.

Государь, построивший Версаль, сделавший французский двор самым великолепным из королевских дворов в Европе.

Государь, умевший так любить своих фавориток, что его любовные похождения волнуют воображение писателей до сих пор. Равно как и интриги, происходившие при его дворе.

Можно сказать, что Людовик XIV стал кормильцем и поилцем авторов знаменитейших любовных и приключенческих романов: Александр Дюма, Анн и Серж Голон, Жюльетта Бенцони — это только самые громкие и самые

популярные в России имена писателей, строивших свои произведения на былой славе и величии Франции эпохи «короля-солнце». И конечно же, русскому читателю особенно интересно, что правда, а что вымысел в книгах, которыми они упивались в детстве и юности.

В своей книге мы пытаемся разобраться с основными «вопросами истории и литературы». В отличие от других авторов, бравшихся за биографию Людовика XIV, мы мало уделяем внимания политике: настолько мало, насколько это возможно, когда рассказываешь биографию правителя. Нас интересует личная жизнь короля. И не только его отношения с фаворитками, книг на эту тему тоже было много. Главная тема этой книги — Людовик XIV и его семья. Отношения с матерью, королевой Анной Австрийской, и с кардиналом Мазарини, который заменил королю отца. Отношения с братом, Филиппом Орлеанским, который был очень неординарным человеком и которого писатели так часто выбирают на роль главного придворного злодея той эпохи... Отношения с женой, невестками, детьми и внуками.

Конечно, вовсе исключить любовные истории мы не можем, ведь любовницы, как и друзья, тоже неотъемлемая часть личной жизни человека, а уж если человек был так любвеобилен, как «король-солнце», и умел так страстно, отчаянно, безумно влюбляться, — тогда фаворитки и вообще иной раз затмевают для него семью и весь окружающий мир. Ненадолго, правда. Но достаточно, чтобы именно эта часть жизни Людовика XIV стала наиболее интересной для авторов художественных произведений. Поэтому мы разберемся, что правда, а что вымысел в истории взаимоотношений короля с племянницами кардинала, Марисей и Олим-

нией Манчини, с принцессой Генриеттой Английской и «прелестной хромоножкой» Луизой де Лавальер, с «черно-книжницей» герцогиней де Монтеспан и юной красавицей Анжеликой де Фонтанж, и наконец — с главной женщиной в его жизни: Франсуазой де Ментенон, которая начинала отношения с королем как его друг, продолжила — как возлюбленная, а закончила — как тайная супруга.

Итак, любезный читатель, вам предстоит вместе с нами побывать в детской короля, в его кабинете, в его супружеской спальне, в альковах, где он предавался любовным утехам, в покоях его родственников, и наконец — у его смертного одра. Вам предстоит познакомиться со всеми людьми и событиями, оказавшими влияние на личную жизнь Людовика XIV. И понять, почему, именно этот король стал для своих современников «солнцем».

Глава I

ЧУДО МИЛОСТИ ГОСПОДНЕЙ

Появление на свет Людовика XIV было самым настоящим чудом. В течение двадцати двух лет супружеской жизни у короля и королевы Франции не было детей. Время неутомимо уходило, предвещая в скором будущем трагические потрясения. Что будет, если Людовик XIII умрет бездетным и на престол взойдет его брат, не особенно умный, вздорный интриган Гастон Орлеанский? Франция опустится на колени перед Испанией? Будет новая гражданская война? Рухнет все, что было достигнуто мудрой политикой и ценой огромных усилий? Франция еще не успела оправиться после смены династий, она устала от перемен и только

начинала вкушать плоды хотя бы какой-то стабильности. Поэтому Франция истово молилась о ниспослании королю сына и наследника. Надежды на это было мало, оставалось только ждать чуда...

И чуда действительно ждали, в него верили. Преподобная мать Жаппа де Матель с уверенностью предсказывала рождение дофина. Отшельник-августинец Фьякр узрел истину еще более ясно: ему открылось пророчество о рождении не только короля, но и его брата. А юной экзальтированной кармелитке Маргарите Ариго явился сам Иисус в образе младенца и сообщил о том, что королева вскоре родит сына. Спустя два года после этого, в середине декабря 1637 года, младенец-Иисус явился девушке снова, порадовав ее известием, что королева уже беременна. Что интересно, Маргарита Ариго узнала эту новость даже раньше будущей матери.

Французы молили небеса о чуде. Но сильнее всего о нем молил сам король, уже немолодой, слабый здоровьем и предчувствующий, что ему недолго осталось. 10 февраля 1638 года, вскоре после того, как он узнал о том, что его жена в очередной раз в тягости, Людовик XIII подписал грамоту о передаче Франции под покровительство Девы Марии, Богоматери «Пресвятой и Пречистой Девы», прося ее о ниспослании благодати. И, кто знает, может быть, именно благоволение Девы Марии сохранило долгожданного Сына Франции в чреве королевы, потому как сам король скажет позже посланнику Венеции, приподняв полог над колыбелькой поворожденного: «Вот чудо милости Господней, ибо только так и надо называть такое прекрасное

дитя, родившесся после чetyрех несчастных выкидышей у моей супруги».

Беременность королевы протскала не вполне благополучно, что было ожидаемо, учитывая ее возраст и предыдущие неудачи. В первые месяцы Анну мучили головокружения и тошнота, и лейб-медики запрещали ей двигаться, даже вставать с постели. С начала беременности и до самых родов королева не покидала дворец Сен-Жермен. Ее переносили с кровати в кресло, носили из комнаты в комнату и потом возвращали обратно в постель. Королева любила плотно поесть и к моменту родов весьма располнела. Придворные отмсчали, что у нее просто огромный живот, и всерьез опасались, сможет ли она благополучно родить. Анна Австрийская была уже немолода, ей было почти тридцать семь лет, — в те времена этот возраст считался довольно преклонным для рождения первенца. Более юные и более крепкие женщины часто умирали в родах, а детская смертность была просто катастрофически велика. Так что было о чем беспокоиться.

Тем не менее королева благополучно выносила дитя, и с конца августа Франция жила в предвкушении рождения своего будущего государя. Мольбы о благополучном разрешении ее величества от бремени следовали один за другим.

Во дворце тоже шла волнующая подготовка. Согласно правилам этикета, о приближающихся родах следовало заранее известить самых знатных особ, которые должны будут присутствовать при этом знаменательном событии, — принцев и принцесс из дома Бурбонов. В первую очередь

это брат короля Гастон Орлеанский, принцесса де Конде и графиня де Суассон. В качестве особого расположения король разрешил присутствовать при родах и герцогине Вандомской. Помимо них, рядом с королевой должно было находиться еще некоторое количество совершенно бесполезных в родовспоможении людей: гувернантка будущего наследника мадам де Лансак, статс-дамы де Сенесей и де Флотт, две камер-юнгферы и готовая тотчас же приступить к исполнению обязанностей кормилица мадам Лажирудьер.

В комнате, смежной с той, где находилась королева, был специально устроен алтарь, перед которым епископы Льежский, Меосский и Бовеский должны были читать молитвы до тех пор, пока королева не родит.

В большом кабинете королевы, также смежном с комнатой, где ее величеству предстояло рожать, располагались принцесса Гимене, герцогини Тремуйль и де Буйон, г-жи Виль-о-Клерк, де Мортемар, де Лианкур, герцоги Вандомский, Шеврез и Монбазон, г-да де Лианкур, де Виль-о-Клерк, де Брион, де Шавиньи, архиепископы Бургский, Шалонский, Манский и прочие старшие придворные чины.

Но эти люди хотя бы не путались под ногами у докторов и акушерки, которым, как ни странно, тоже нашлось место возле королевы. Принимать роды должен был главный медик ее величества Бувар и акушерка мадам Перонн.

В книге «Король нищих» Жюльетта Бенцони, автор множества исторических романов, довольно подробно описывает роды королевы. Разумеется, к ее описаниям не следует относиться как к абсолютно достоверному источнику, но они вполне годятся для того, чтобы примерно представить себе, как все происходило.

«В ночь с 4 на 5 сентября начались схватки. Об этом сообщили королю, находившемуся в Старом замке, и разбудили всех людей, кому полагалось быть свидетелями при родах. Курьер выехал в Париж для того, чтобы известить брата короля.

Около полуночи начались роды, но через три часа атмосфера стала невыносимой в спальне, где корчилась от боли будущая мать, окруженная женщинами в парадных туалетах, которые, казалось, присутствовали здесь на спектакле, не проявляя особого волнения или сострадания. Боясь ночной прохлады, окна опять закрыли, и в спальне снова стало нечем дышать. Схватки были мучительными, потому что плод в утробе матери находился в поперечном положении. Около шести утра доктор проговорил, что дела идут все хуже...

...И возобновилось бесконечное ожидание, изматывающее даже тех, кто отстраненно наблюдал за происходящим. Раздираемый между надеждой и ужасом, Гастон Орлеанский стоял с посеревшим лицом...

В половине двенадцатого следующего дня, когда приступы боли у королевы немного успокоились, Бувар посоветовал королю не откладывать обед. Король поспешно согласился, пригласив всех присутствующих в спальню присоединиться к нему, но успел лишь сесть за стол, как прибежал паж, объявивший, что королева разродилась.

— Кто же родился? — как можно спокойнее произнес король.

— Государь, меня послали к вам, как только вышла головка...

Отпихнув салфетку, Людовик XIII бросился в комнату к жене. На пороге спальни его встретила глубоким поклоном госпожа де Сенессей, обратившись к нему со словами:

— Государь, королева произвела на свет его величество дофина...

Король подбежал к постели; акушерка госпожа Перонн держала на руках сверток из тонких льняных пеленок, в котором что-то шевелилось.

— Примите вашего сына, государь! — сказала она.

Людовик XIII упал на колени, вокруг громко зазвучали приветственные возгласы, а с дворцового двора донесся сигнал: во все стороны королевства помчались гонцы. Вознесся благодарственную молитву, король повелел распахнуть двери в парадную прихожую».

В воскресенье 5 сентября 1638 года, в двенадцатом часу утра, Анна Австрийская родила сына!

Главным образом, это известие следовало доставить в Париж. Мост через Сену был разрушен паводком, и уже несколько дней на разных берегах реки постоянно находились люди, готовые передать благую весть. Согласно уговору, со стороны замка Сен-Жермен глашатаи должны были радостно кричать и размахивать шляпами в случае, если у королевы родится мальчик, и понуро склонить головы, скрестив руки на груди, если родится девочка.

Можно себе представить, с каким восторгом размахивали шляпами вестники, передающие прекрасную новость, и как нещадно гнали коней в столицу те, кто эту новость принял.

Едва узнав о рождении дофина, Париж взорвался ликованием. Весь день без прерыва звонили церковные колокола, благодарственные молебны следовали один за другим, по улицам шествовали процессии со Святыми Дарами, горожане славили Господа, подарившего королю наследника.

Вечером начался праздник. Под грохот пушек и свертание фейерверков люди танцевали на улицах. Городские власти приказали выкатить из погребов бочки, и вино лилось рекой.

«Все дворянские дома были иллюминированы большими из белого воска факелами, вставленными в большие медные канделябры. Кроме того, все окна были украшены разноцветными бумажными фонарями, дворяне вывесили на транспарантах свои гербы, а простые горожане нарисовали множество девизов, относившихся к причине праздника. Большой дворцовый колокол не умолкая звонил весь этот и последующий день; то же происходило и на Самаритянской колокольне. Колокола эти звонили в том случае, когда у французской королевы рождался сын, а также в день рождения королей и в час их кончины. В продолжение целого дня, равно как и на другой день, в Арсенале и Бастилии стреляли из всех орудий. Наконец, в тот же день вечером — так как фейерверк не мог быть приготовлен ранее следующих суток — на площади городской ратуши были разожжены костры, и каждый приносил вязанку горючего материала, так что был разожжен такой сильный огонь, что на другом берегу Сены можно было читать самую мелкую печать.

По всем улицам были расставлены столы, за которые все садились выпить за здоровье короля, королевы и дофина. Пушечные выстрелы не умолкали и горели веселые огни, зажигаемые жителями в соревновании друг с другом».

Александр Дюма «Жизнь Людовика XIV».

Празднование продолжалось три дня, — с понедельника по среду. И хотя к вечеру вторника вино иссякло, люди не уставали бурно радоваться. Пораженный всем этим невиданным размахом веселья шведский посланник Гуго Гроций писал: «Никогда ни один народ, ни при каком событии не выказал большего восторга».

Первый министр Франции кардинал Ришелье находился в то время в Сен-Кантене, где руководил военными действиями. К нему Людовик XIII приказал отправить нарочного в первую очередь. Он знал, с каким нетерпением ждет новостей его преосвященство, знал, как сильно его обрадует рождение дофина, — возможно, даже больше, чем самих венценосных супругов. Ришелье сильнее прочих переживал за будущность государства, процветанию которого отдал всю свою жизнь, теперь он мог быть спокоен. «Я верю, что Бог, давший вам сына, даровал его миру для великих дел», — написал он королю. Если только Бог не поступит коварно и не заберет к себе это славное дитя раньше срока...

А дитя действительно было чрезвычайно славным, хорошеньким пухлощким ангелочком с золотистыми кудряшками. Дофин появился на свет с двумя зубками, что послужило причиной для разнообразных инсинуаций, вос-

торжественных или настороженных, в зависимости от того, кто их высказывал. Французы радовались: младенец здоров и кушает хорошо. А вот Гуго Гроций в шутку писал своему министру, что следовало бы «принять меры предосторожности при виде алчности в столь раннем возрасте». Что ж, впоследствии выяснится, что в этой шутке довольно много истины. Ну а пока тяжело приходилось лишь кормилицам, в течение нескольких месяцев девять раз сменявшимся при монаршей особе.

Сразу после рождения дофина первый капеллан Франции кардинал Сегье совершил над ним обряд малого крещения, после чего кормилица унесла ребенка в его покои. А уже во вторник 6 сентября новорожденный Сын Франции приступил к исполнению своих обязанностей, давая аудиенции сановным господам. Посланники иностранных государств, представители «дворянства ппаги» и «дворянства маггии» являлись, чтобы преклонить колени перед своим будущим государем.

Генеральный прокурор Матье Моле так описал свою первую встречу с Людовиком XIV: «Он был под большим, в ширину комнаты, балдахином из белой ткани, вытканной цветами, с двух сторон были поставлены загородки от ветра: большая балюстрада спереди, так что младенца можно было видеть издали за 12—15 футов... Мадам де Ласанк, его гувернантка, сидела в глубине на возвышении и держала спящего дофина, у которого лицо было открыто, голова лежала на подушечке с наволочкой из белого шелка с вытканым узором, и показывала его, говоря, что он откроет глаза, чтобы увидеть своих верных слуг».

Чрезвычайно важным считалось составить гороскоп наследника престола, в то время в астрологию, как в науку, верили даже самые просвещенные люди — многие из них сию и увлскались, пытаясь расшифровать предзнаменования в расположении звезд и планет. И чрезвычайно набожная Анна Австрийская и кардинал Ришелье, не желая полагаться исключительно на милость Господню, пригласили своих астрологов, с нетерпением ожидая вердикта. Одним из самых выдающихся авторитетов в этой области был философ Томазо Кампанелла. Кардинал Ришелье настоятельно попросил его поведать о судьбе дофина все, без утайки. Кампанелла, будучи многим обязан сго прсосвященству, старался как мог.

«Его представили ко двору и привели к дофину, которого он попросил раздеть донага и внимательно его осмотрел, затем он отправился к себе домой, чтобы составить предсказание. Все с нетерпением, как и следовало, ожидали последствий наблюдений, но когда увидели, что астролог не только не является ко двору, но и не дает о себе никаких известий, королева, потеряв терпение, сама послала за ним. Кампанелла явился, но объявил, что его наблюдения над телом дофина еще не полны. Дофина снова раздели, астролог снова внимательно осмотрел его и впал в глубокое раздумье. Наконец, упрашиваемый кардиналом, выразил на латинском языке гороскоп в следующих словах: "Этот младенец будет очень горд и расточителен, как Генрих IV; он будет вместе с тем иметь много забот и труда во время своего царствования; царствование его

будет продолжительно и в некоторой степени счастливо, но кончина будет несчастной и повлечет беспорядки в религии и государстве”».

Александр Дюма «Жизнь Людовика XIV»

Что ж, такое туманное предсказание вполне могло бы подойти практически любому европейскому монарху в те времена: труды, заботы, беспорядки и религиозные волнения бесконечно сопутствовали правлению. А насчет несчастной кончины — тут Кампанелла ничем не рисковал. Дожить до нее было не суждено ни ему, ни его паниматсям.

Королева и кардинал были вполне довольны: звезды пророчили дофину долгую и славную жизнь, это было самое главное.

Гуго Гроций составил свое предсказание, не делая выводов и только излагая факты: «Созвездие, под которым родился наследник Франции, состоит из 9 звезд, или из 9 Муз, как их называют астрологи, они расположены по кругу и обозначают: Орел — гениальность, Пегас — кавалерийское могущество, Стрелец — сухопутные, пехотные успехи, Водолей — морское могущество, Лебедь — славу, которую будут восхвалять поэты, историки, ораторы. Созвездие, под которым родился дофин, то есть наследник, касается небесного экватора — признак справедливости. Рожден в воскресенье, день Солнца».

Удачный расклад, внушающий оптимизм.

В свою очередь, историки тоже упражнялись в предсказании величия будущему королю, изучая его генеалогию.

Сонмище великих предков навсерняка наградили его множеством талантов. Все были уверены, что у своего деда Генриха IV Людовик позаимствует храбрость, хитрость и скрытность, а у своего прадеда короля Испании Филиппа II — разум и мудрость. Предки жалкие, безумные и никчемные в расчет не принимались, и это — правильно!

Глава 2

КТО НАСТОЯЩИЙ ОТЕЦ?

При всей своей набожности и пламенной вере в чудеса, французы не были ни наивны, ни бесхитростны, и в столь удивительном событии, как рождение наследника у своего меланхоличного государя, чувствовали какой-то подвох. И если простые люди, бывшие не в курсе некоторых тонкостей взаимоотношений между королем и его супругой, могли принять это «чудо» за знак божественной милости, то знать и в особенности придворные, у которых вся жизнь венценосной четы проходила перед глазами, относились к нему с большим сомнением. И не без оснований.

Говорили разное.

Ходили слухи, что Людовик XIII вообще не может иметь детей, потому что перенесенная еще в юности болезнь сделала его импотентом.

«Когда Людовик XIII опасно заболел в Лионе и думал, что не выживет, он доверил Беренгсену тайну и приказал открыть ее только после его смерти, — пишет Ги Бретон в книге “Истории любви в истории Франции”. — Анри с первых лет своей службы пользовался особым расположением короля. Кардинал, откуда-то прослышавший об этом,

пытался уговорить камердинера сказать ему, о чем шла речь, но преданный хозяину слуга отказался. Король выздоровел, и кардинал, вошедший к тому времени в доверие, убедил его уволить Беренгьена и приказал ему никогда не появляться не только при дворе, но и во Франции...».

Читатель, наверное, помнит, что в Лионе в сентябре 1630 года король мучился от сильного «гниюного воспаления в нижней части живота». Не это ли таинственное заболевание, подробности которого неизвестны, сделало его импотентом? Что ж, вполне возможно. Может, в этом и состояла тайна, которую Людовик XIII доверил своему дорогому Беренгьену...

Есть еще более убедительный факт. Господин Вернадо в своем труде «Врач королевы» сообщает, что после смерти Людовика XIII врачи, проводившие вскрытие тела, обнаружили, «что он не мог иметь детей»...

Разумеется, эта деталь не нашла своего отражения в протоколе вскрытия, но стала предметом секретного отчета, который врач королевы, Парду-Гондине, передал в 1679 году своему зятю Марку де ла Морели. Последний, потрясенный новостью, что Людовик XIV не является сыном Людовика XIII, по какой-то непонятной причине решил отнести попавший ему в руки отчет шефу полиции Ла Рени. Полицейский тут же кинулся показать странный документ королю, который приказал засадить Марка де ла Морели в одиночную камеру.

Если эти изыскания и не соответствуют истине, то все равно слишком странно, чтобы от чресл уже весьма нездо-

рового в то время короля мог появиться на свет такой чудесный и крепкий ребенок.

Отмечалось также неодолимое отвращение его величества к плотским утехам вообще и к своей супруге в частности. У Людовика XIII и Анны Австрийской были, мягко говоря, прохладные отношения и король практически не посещал ее спальню. Обзаведение потомством, конечно, дело святое, ради этого можно преодолеть неприязнь. Но почему именно теперь, а не раньше?

Ясно почему. Кардинал тяжело болен, ему недолго осталось. Король тоже совсем не блещет здоровьем. Собственно — тянуть дальше уже некуда. Остается либо смириться с тем, что корона перейдет к Gaston Орлеанскому, либо срочно что-то предпринимать. Любой ценой. Даже ценой фальсификации отцовства.

Кандидатур на роль «настоящего отца» дофина придворными силовиками и псевдоисториками было найдено множество.

Ги Бретон пишет: «Еще при жизни Анны Австрийской называлось много имен: Ранзо, Крески, Ронфор, Мортмар. В 1693 году Пьер Марто опубликовал в Кельне сочинение, озаглавленное “Любовная связь Анны Австрийской, супруги Людовика XIII, с сеньором C. D. R., подлинным отцом Людовика XIV, ныне короля Франции”.

Речь шла, — пишет автор, — только о том, чтобы привести к ней какого-нибудь сострадательного человека, который бы восполнил супружескую недостаточность бедного короля, и использовать для этого совершенно посторонних людей, не из близкого окружения, средство, которым

сегодня не пользуются, если надо помочь распадающейся семье».

Вот тогда-то Ришелье приказал привести ко двору этого С. D. R. (графа де ла Ривьера), молодого сеньора, с которым Анна Австрийская танцевала, — а значит, и флиртowała, — на балу, устроенном в Пале-Кардиналь, взял его под свое покровительство и назначил его камер-офицером королевы.

Если верить автору, после этого события развивались стремительно. Однажды вечером граф де ла Ривьер вошел к Анне в комнату, набросился на нее и стал обнимать ее с такой страстью и жаром, которые легче вообразить, чем описать, что королева пришла в восторг, воля ее была побеждена и уже ни глаза, ни руки, ни дыхание не в силах были противиться. Так как королева совершенно отдалась его воле, этот С., не встречая сопротивления, стал наслаждаться радостью обладания и принес любви многочисленных жертвы... Страсть королевы разгоралась тем сильнее, чем крепче и продолжительнее становились объятия, и в конце концов она стала предаваться плотским утехам с тем же усердием, с каким раньше молилась в церкви...

У нас нет никаких сведений об этом графе де ла Ривьере, но известно, что один из офицеров королевы действительно носил это имя, потому что мадам де Мотвиль упоминает его в своих «Мемуарах».

Отцом дофина назначали кардинала Мазарини, игнорируя тот факт, что его в те годы вообще не было во Франции. Им называли самого кардинала Ришелье, якобы дошедшего в своей амбициозности до того, чтобы пожелать стать родоначальником новой династии, пусть даже и тайно. Пол-

нейшая глупость. Даже если не брать во внимание то, что здоровье кардинала было в ту пору еще хуже, чем у короля, Риппельс никогда не подверг бы опасности престолонаследие, что неизменно произошло бы, если бы у кого-то появились хоть какие-то сомнения в том, что в жилах дофина течет кровь Бурбонов. Поэтому правдоподобнее всего та версия, что на роль отца — если уж действительно Людовик XIII оказался несостоятелен — был определен кто-то из многочисленных бастардов Генриха IV. И не красавчик герцог Бофор, он уж слишком заметная фигура, а кто-то неизвестный, всеми забытый. Слава богу, бастардов у покойного Беарнца было хоть отбавляй.

Эта версия и придворными и впоследствии историками рассматривалась довольно серьезно. Говорили, что Риппельс разыскал в Гаскони какого-то бедного дворянчика, и именно он стал отцом Людовика XIV, а еще два года спустя и его брата Филиппа. Что ж, это было бы логичней всего...

Ги Брестон шипит: «Остается еще одна личность, которую некоторые историки выдвигают на эту роль, не имея, впрочем, для этого достаточных доказательств: речь идет об Антуане де Бурбоне, бастарде Генриха IV, которого ему в 1607 году родила Жаклин де Бюэй, графиня де Морс, и который был легитимирован в 1608 году. Антуан де Бурбон имел судьбу полковника Шабера. Оставленный в числе убитых на поле боя под Кастельнодари в 1632 году, он, несмотря на раны, выжил и стал отшельником, чтобы скрыться от Людовика XIII, своего сводного брата, который хотел его уничтожить. Прожив некоторое время в Италии, он затем переселился в Анжу и жил по-прежнему

в уединении, неподалеку от владения, принадлежавшего м-м де Шеврез. Там он и умер в 1671 году, после того как оказался объектом долгого и неослабевающего в простонародье любопытства по причине своего невероятного сходства с Генрихом IV...»

Отличная кандидатура!

Существует еще версия, будто бы Людовик XIII был обманутым мужем и даже не догадывался о том, что не является отцом ребенка. Слишком уж странно произошло его свидание с королевой, во время которого якобы произошло зачатие.

Король хорошо помнил эту ночь. Было не трудно запомнить. Потому что она была единственной за много лет.

Счастливая случайность или чья-то незримая воля воссоединили королевскую чету на супружеском ложе 5 декабря 1637 года.

Выглядело это действительно так, будто было подстроено.

Отец Гриффс в «Истории правления Людовика XIII» пишет: «В начале декабря король покинул Версаль, чтобы провести ночь в Сен-Море, и, проезжая через Париж, он сделал остановку в монастыре Пресвятой Девы Марии на улице Сент-Антуан, чтобы навещать м-ль де Лафайет. Пока они беседовали, в городе разразилась гроза, да такая сильная, что он не мог ни вернуться в Версаль, ни добраться до Сен-Мора, где ему приготовили комнату и постель и куда прибыли уже офицеры его свиты. Он решил переждать грозу, но, видя, что она все усиливается, а тем временем приближается ночь, он почувствовал замешательство:

из Лувра его кровать увезли в Сен-Мор, и теперь он не знал, куда податься.

Гито, начальник охраны, у которого давно вошло в привычку разговаривать с королем довольно свободно, заметил, что у оставшейся в Лувре королевы он мог бы и поужинать, и провести ночь со всеми удобствами. Но король отверг это предложение, говоря, что надо надеяться на улучшение погоды. Подождали еще, но гроза становилась все сильнее, и Гито снова предложил отправиться в Лувр. Король ответил, что королева и ужинает, и ложится спать слишком поздно для него. Гито заверил его, что королева охотно подстроится под его привычки. Наконец король принял решение ехать к королеве. Гито на всех парах помчался вперед, чтобы предупредить о времени приезда короля на ужин. Королева распорядилась, чтобы были выполнены все желания короля. Супруги поужинали вместе. Король провел с нею ночь, и через девять месяцев Анна Австрийская родила сына, появление на свет которого вызвало всеобщее ликование в королевстве».

Разумеется, поползли слухи, будто бы королева воспользовалась ситуацией, чтобы завлечь в свои покои короля, будучи уже беременной от кого-то другого. И Гито получил от нее указания, привезти к ней своего господина во что бы то ни стало. Но в таком случае, в интриге, видимо, принимала участие и мадмуазель де Лафайет, много лет всеми силами пытавшаяся примерить Людовика с женой, а это выглядит немного странно, учитывая ее весьма тесные дружеские отношения с королем, и тот факт, что когда-то давно она с большим возмущением отвергла предложение кардинала

Ришелье шпионить за его величеством. Вряд ли теперь она согласилась бы предать его.

Так что, вполне возможно, что все эти подозрения совершенно беспочвенны, и королева действительно забеременела от своего мужа в ту грозную ночь.

Во всяком случае, доказательств ее измены нет никаких. Было ли чудесное зачатие дофина даром небес или его сотворили люди, руководствуясь мудрой истиной, что на Бога надейся, но сам не шлохай, скорее всего, навсегда останется тайной.

Глава 3

ЛЮДОВИК XIII: ИЗЛИШНЕ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ

Образ Людовика XIII нам знаком в основном по роману Александра Дюма «Три мушкетера», в котором этот король предстанет не в самом выгодном свете. Он вял, безынициативен, склонен к депрессиям, не особенно умен и имеет множество увлечений, которые скорее пристали бы простому буржуа, нежели монарху. На счастье, у него есть первый министр, кардинал Ришелье, охотно взявший на себя роль правителя государством. И хотя Людовик XIII терпеть не может этого злого гения, он вынужден мириться с его существованием, потому что сам исполнять королевские обязанности не в состоянии.

Так ли это было на самом деле?

Известно высказывание Дюма, что история для него это только гвоздь, на который он вешает свои картины, поэтому полагаться на написанные им портреты безоглядно не стоит. Впрочем, не только у него, но и у многих историков

XIX века отношение к Людовику XIII неоправданно пренебрежительно. На самом деле его величество был неглупым человеком и свои обязанности старался исполнять. Собственно, его уважение к кардиналу Ришелье и тот факт, что он сохранял свое к нему расположение, несмотря на коварные интриги врагов его пресвященства, — тоже свидетельствуют об этом. Королем не так-то просто было манипулировать. Он умел ставить интересы государства выше собственных амбиций, выше личных симпатий или антипатий. Король и кардинал почти всегда были заодно.

Однако Людовик XIII действительно был довольно странным человеком.

Он родился 27 сентября 1601 года в Фонтенбло. Долгожданный законный наследник у немолодого уже короля, — Генриху IV в то время было 54 года, а его второй супруге, Марии Медичи, только исполнилось 26 лет.

Первый брак короля оказался бесплодным. Маргарита Валуа не смогла ему родить детей. И хотя кое-кто из любовниц короля весьма надеялся стать королевой, тот подошел к вопросу серьезно и выбрал в жены племянницу герцога Тосканского, за которой давали большое приданое, ввиду вечной нехватки средств, это было весьма кстати.

Брак оказался вполне удачным с точки зрения воспроизведения потомства. Уже через год после свадьбы на свет появился будущий Людовик XIII. Еще через год родилась дочь Елизавета, которой суждено будет выйти замуж за короля Испании Филиппа IV и стать матерью восьмерых его детей, из которых выживет только самая младшая дочь, Мария-Терезия, будущая супруга Людовика XIV. В 1606 году

родилась Мария-Кристина, будущая герцогиня Савойская. В 1607 году — Николя; к сожалению, мальчик умер, не прожив и четырех лет. В 1608 году благополучно явился миру будущий смутьян и заговорщик Гастон, герцог Орлеанский. В 1609 году родилась Генриетта-Мария, которая станет королевой Англии и на долю которой выпадет много суровых испытаний.

Между тем отношения между супругами оставляли желать лучшего. Мария Медичи была властной и гордой женщиной с сильным характером, она не желала безропотно терпеть многочисленные измены мужа и устраивала ему скандалы. А Генрих не особенно к ней прислушивался. Он был королем, он считал, что ему можно все.

Детство Людовика XIII трудно назвать счастливым. Мария не любила его, и практически не занималась его воспитанием, хотя мальчик тянулся к ней — как всякий ребенок тянется к матери. С отцом отношения были лучше. Генрих уделял внимание сыну, можно даже сказать, что они были дружны, но... Король слишком часто бывал занят. Сколь не удивительно, теплые чувства к мальчику питала первая супруга его отца — Маргарита Валуа. Она дарила ему подарки, была с ним ласкова. И малейший Людовик отвечал ей тем же. Он был нежным и чувствительным ребенком и нуждался в любви и заботе.

По-настоящему близкими людьми маленькому дофину были его гувернантка мадам де Монгя, женщина довольно суровая, но искренне привязанная к своему воспитаннику. И доктор Франсуа Эроар, приставленный к нему с рождения и скрупулезно записывающий в дневник все, что имело

хотя бы какое-то отношение к подопечному. Благодаря ему мы можем составить настоящее представление о характере короля и об образе его жизни.

Королевский двор был совсем не тем местом, где стоило бы растить детей. Генрих IV имел веселый нрав, был весьма любовообилел и не думал это скрывать. Примеру короля следовал и его двор, и, как жаловался венецианский посланник своему государю, — королевский двор походил на огромный бордель.

«Молодой Людовик XIII воспитывался вместе со своими сводными братьями на коленях у возлюбленных собственного отца, — пишет в книге “Повседневная жизнь жен и возлюбленных французский королей” Ги Шоссипан-Ногаре. — Эроар оставил своеобразную хронику, и сегодня поражающую своей игривостью, о взаимоотношениях дофина и маркизы де Верней, об играх, служивших им любимым времяпрепровождением.

4 апреля 1603 года: “Она надела ему на шею цепь, он этим гордится; глядя в зеркало, кладет руку ей на грудь, а потом целует кончики своих пальцев. Она накрывает его своим платком, он снимает его, а потом дотрагивается до нее, как и прежде... Маркиза часто засовывает руку ему под платье. Он забирается на кровать своей кормилицы, где она играет с ним, часто засовывая руку ему под одежду”.

Между тем окружение не дремало и не всегда доброжелательно судило об этих ребячествах. Послушаем Эроара еще раз.

7 июля 1604 года: “Он не допускает ничего сверх того, что маркиза (де Верней) касается его сосков. Его корми-

ца пыталась его наставить, говоря: “Месье, не позволяйте никому касаться ни ваших сосков, ни чего другого, или вам это отрешут”.

Дофин никогда не проявлял терпимости или снисходительности к любовным похождениям своего отца и иногда выражал ему свою досаду в весьма крепких выражениях. Мадам дез Эссар только что родила от короля дочь. Маленький дофин, когда ему сообщили, что у него появилась еще одна сестра, пришел в ярость и отказался признать ее, ибо «она вышла не из утробы маман». А новоиспеченную мать он выставил: “Это блудница, я не могу ее любить”. Что до своих незаконнорожденных братьев и сестер, которых он на своем детском языке называл “фсфе”, то он никогда не желал их признавать и со знанием дела классифицировал их в зависимости от степени своего презрения. Вандом, сын Габриэль д’Эстре? “Сучья порода”. Верней? “Еще одна сучья порода”. Порядок следования пород? “Сначала моя, потом фсфе Вандома, потом фсфе Шевалье, затем фсфе Верней и, наконец, маленького Морс. Этот последний для меня просто смешон...” Ему досталась похвала, достойная того “уважения”, с которым дофин относился к его матери, графине де Морс, с забавной напыщенностью он называл ее “мадам де Фуар”. Король же, напротив, никогда не скрывал своего расположения к незаконному потомству».

Ги Брестон в книге «Истории любви в истории Франции» цитирует:

«23 мая 1604 года. Восемь утра, встал с постели. Доброе выражение лица, весел, одет. Он спускает (скатывает вниз) свой чулочек, говоря при этом:

— Смотрите, какая красивая пожка.

М-ль де Вантеле снова поднимает чулок и с помощью голубой ленты подвязывает его к рубашонке; ребенок замечает, что лента сдвинулась немного назад, и с улыбкой говорит:

— Ха-ха! Я вижу, вы хотите сделать псевальс из моей задницы.

21 июня. Время ужина, шесть вечера. Кормилица спрашивает, не хочет ли он пососать, и открывает ему грудь; он поворачивается к ней спиной и холодно произносит:

— Пусть пососут мою задницу...»

«15 сентября 1602 года. В восемь утра пришел паж монсеньера де Лонгвиля, чтобы поинтересоваться новостями. После того, как он поговорил с м-м де Монгла и собрался уйти, дофин позвал его, крикнув „Э-э!“, задрал рубашонку и стал показывать свой “хлястик”.

16 сентября. Он показывает свой “хлястик” г-ну д'Эльбену.

23 сентября. Довольный и очень оживленный, требует, чтобы все появлявшиеся целовали его “хлястик”.

27 сентября. Играет со своим “хлястиком”, втягивает живот, чтобы тот не мешал ему разглядывать свой член».

Известно, что дети копируют поведение взрослых, так что вполне можно себе представить, что творилось в окружении маленького дофина. Немудрено, что при таком образе жизни можно было вырасти либо развратником, у которого нет ничего святого, либо получить отвращение к плотским утехам на всю жизнь.

Людовик был ребенком чувствительным, нервным и раздражительным, часто устраивал истерики. Бывало, он топал ногами, царапал мадам де Монгла с воплями: «Я вас убью! Я воткну вам нож в горло! Я порежу вам руки!» Мальчик замахивался на слуг пикой, угрожал докторам ножом, запускал шахматные фигуры в голову гувернантки. Отказывался повиноваться. Случались у него и проявления жестокости к животным, — и обрывание крылышек насекомым было еще не худшим из зол.

Генрих говорил жене, что у сына ее характер — упрямый и свосправный и предрекал, что если его не станет, она еще хлебнет с ним горя. Так и вышло в конце концов. Мария Медичи закончила свои дни в ссылке, в одиночестве и забвении.

Методы воспитания наследника сводились в основном к порке, так было принято в то время, что детей лупили, не взирая на титулы и начиная с очень раннего возраста, придерживаясь правила, что «тот, кто жалует розги, губит ребенка». Доставалось Людовику частенько...

Порка чаще всего поручалась мадам де Монгла.

Вот несколько отрывков из дневника Эроара:

«09. 10. 1603. Разбужен в восемь утра. Упрямылся, выпорот впервые.

22. 10. 1603. Король прискал в полдень, он его поцеловал и обнял. Король ускал, он кричал, гневался, был выпорот.

22. 12. 1603. Король пригрозил ему поркой; он упрямылся, не желая идти в свою комнату. Введенный в нее королевой, продолжал. Король приказал его выпороть. Он был выпорот мадам де Монгла.

23. 10. 1604. Он рассердился на короля, отобравшего у него шапочку, палочки и барабан, которые он требовал, топая ногами. Это была маленюкая трагедия, его насильно унесла Монгла, он разрывался от ярости... Он не желал ни поцеловать ее, ни обнять, ни попросить прощения, лишь когда почувствовал, что его платье задирают, завопил: “Эй, порите сверху”».

Трудно назвать такого ребенка нестемпераментным. Да и в зрелом возрасте Людовик был весьма эмоционален. Так что неправы те, кто называет его всегда унылым и вялым. Людовик легко приходил в возбуждение. И в то же время легко впадал в самую черную меланхолию, когда его совершенно ничего не радовало. Помните, как у Дюма:

«Господин де Тревиль между тем смело вошел в кабинет короля и застал его величество в самом дурном расположении духа. Король сидел в кресле, похлопывая рукояткой бича по ботфортам. Де Тревиль, не смущаясь, спокойно осведомился о состоянии его здоровья.

— Плохо, сударь, я чувствую себя плохо, — ответил король. — Мне скучно.

Это действительно была одна из самых тяжелых болезней Людовика XIII. Случалось, он уводил кого-нибудь из своих приближенных к окну и говорил ему: “Скучно, сударь! Давайте поскучаем вместе”».

Людовик был порывист и очень искренен в чувствах. Он умел любить. И очень сильно привязывался к тем, кого любил. Только вот любовь его имела исключительно пла-

тонический характер, что приводило в недоумение его современников — да и потомков тоже.

Историки давно и безуспешно ведут спор на тему сексуальных предпочтений его величества. Его привязанность к друзьям была слишком велика и наводила на подозрения. Его отношения с женщинами были слишком целомудренны, и одна только мысль о том, чтобы лечь с кем-то из них в постель, вызывала у Людовика отвращение. Не значит ли это, что король имел гомосексуальные наклонности? Свидетельств этому нет, точно так же, как и доказательств обратному. Возможно, даже питая определенного рода интерес к лицам своего пола, Людовик никогда не преступал черту, переводящую от влюбленности к шлютским утехам. Он был слишком набожен для того, чтобы предаваться одному из самых отвратительных, по мнению церкви, грехов? Или был лишен возможности заниматься сексом из-за болезни, пережитой в юном возрасте? Или, может быть, секс был отвратителен ему с тех пор, как он посмотрелся на него вдосталь при дворе своего отца и тот казался грязным и недостойным занятием? Что было причиной, а что следствием его целомудрия? Вопросы, — на которые, наверно, никогда не найдется ответа.

Как пишет французский историк Клод Дюлон: «Людовик XIII уже в юности проявлял слишком сильные чувства к кучеру Сент-Амуру, псарю Арану и сводному брату Александру Вандомскому; с Люинем одно время соперничал в своей любви к королю юный маркиз де Монпуйан-Лафорс. Конечно, неподимый подросток может испытывать неосознанное влечение к молодым людям, особенно если они

разделяют его вкусы, как, например, пристрастие к охоте. Допустим. Допустим и то, что Люинь, более старший, чем его предшественник, возможно, стал для сироты Людовика воплощением исчезнувшего отца. Как видите, я осторожен в своих суждениях и учитываю “облегчающие вину обстоятельства”. Но как быть с последующими увлечениями короля? Баррада, которого король любит “страстно”? Сен-Мар, которого он любит “исступленно”? Короли нуждаются в фаворитах? Это не всегда так. Фаворита не всегда любят страстно или исступленно. И фаворит не всегда обладает прекрасной внешностью, какой могли бы похвастаться Баррада или Сен-Мар».

Людовик рано лишился отца. Ему было всего девять лет, когда удар кинжалом на улице Медников оборвал жизнь Генриха IV. Регентшей стала Мария Медичи, и ее фаворит Кончино Кончини получил абсолютную власть как над королевством, так и над малолетним королем, обращаясь с ним пренебрежительно и высокомерно. Людовик крайне болезненно относился к унижениям и ненавидел любовника матери от всей души. Но что он мог сделать?

Шарль д'Альбер, будущий герцог де Люинь, был старше Людовика на двадцать три года и годился ему в отцы. Какие именно отношения их связывали — доподлинно не знает никто, известно только, что Людовик питал к фавориту большую привязанность. Возможно, действительно тот просто заменил ему отца и — в отличие от отца — проводил с ним много времени и поддерживал во всем.

Как пишет французский историк Симон Бертье: «С Люинем король проводил все дни и большую часть ночей. Тог-

да уже Мария начала подозревать сына в гомосексуальных наклонностях. Историки до сегодняшнего дня не знают истинный характер отношений Людовика и его фаворита. Но, возможно, отношения были платоническими. Люинь представлял собой крепкого красивого мужчину, который всегда уделял много внимания женскому обществу».

Именно Люинь помог Людовику избавиться от Кончини, уговорив его дать разрешение на убийство всесильного фаворита матери. Сам Людовик никогда на это не решился бы, он был в то время совсем еще мальчишкой.

В 1617 году капитан гвардейцев Витри застрелил Кончини. И власть переменилась. Мария Медичи отправилась в ссылку, а Людовик наконец стал настоящим королем.

Люинь будет его фаворитом еще четыре года, он получит все, — почести, титул, богатство. А после его смерти в 1621 году к управлению государством постепенно вернется кардинал Ришелье. С 1624 года он будет первым министром короля бессменно восемнадцать лет до самой своей смерти в 1642 году.

Сам Людовик к управлению государством проявлял мало способностей и желания и охотно переложил решение всех важных политических вопросов на надежные плечи первого министра. Единственное, что увлекало его, — это война. Но и тут стратегического таланта он не обнаружил.

Способности Людовика проявлялись в других областях, не особенно привычных для аристократа, и тем более для короля.

Эмиль Мань в книге «Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII» пишет: «Под крышей Лувра он завел для себя

и кузницу, и пскарию, и хлев, и ручной печатный станок, и собственную кухонную печь, и множество самого разнообразного инструмента. Он умел обтачивать и шлифовать железные изделия; отливать малеськие пушечки; чипить любое оружие; делать печатные оттиски; чсканить монеты; плести корзины; пить; прибивать гвоздями ковры; изготавливать силки и сети. В бритье он мог бы посоревноваться с самым искусным цирюльником. Он огородничал и садовничал на своих версальских землях, а выращенные им многие буасо раннего зеленого горошка за бешеные деньги скупал у него богач Монторон. Людовик запросто мог занять место кучера, каретника, тележника, копоха, кузнеца... Если во время прогулки экипаж Людовика терпел бедствие, его это нисколько не тревожило: он вооружался топором, брал в руки нужный инструмент и делал все, что нужно для ремонта... Он самостоятельно взнуздывал и седлал свою лошадь, кормил лошадей, при необходимости мог и подковать. У одного из своих министров, сеньора де Нуайс, он выучился устанавливать оконные рамы, у пиротехника Мореля — изготавливать петарды для фейерверков, у конюшего Жоржа — шпиговать мясо. Он стал великолепным поваром, посещая — среди прочих дворцовых служб — и кухню, где колдовали кондитеры и куда его влекла детская страсть к лакомствам».

Утверждали, что он был умелым охотником и неплохим фехтовальщиком. И Александр Дюма не преминул упомянуть об этом в своем бессмертном романе, пытаясь придать образу короля хоть сколько-то привлекательности.

«“Fidelis et fortis”. То была большая честь, но малая прибыль. И, умирая, главный соратник великого Генриха оставил в наследство сыну всего только шпагу свою и девиз. Благодаря этому наследству и своему незапятнанному имени г-н де Тревиль был принят ко двору молодого принца, где он так доблестно служил своей шпагой и был так верен неизменному девизу, что Людовик XIII, один из лучших фехтовальщиков королевства, обычно говорил, что, если бы кто-нибудь из его друзей собрался драться на дуэли, он посоветовал бы ему пригласить в секунданты первым его, а вторым г-на де Тревиля, которому, пожалуй, даже следовало бы отдать предпочтение».

Александр Дюма «Три мушкетера»

Нежные дружеские чувства Людовик питал не только к мужчинам. В 1630 году он впервые воспылил чувствами к женщине. Это была Мари д'Отфор, фрейлина его матери. Король был так влюблен, что оставил ее при дворе, когда Мария Медичи отправилась в ссылку. Анна Австрийская поначалу отнеслась весьма холодно к фаворитке супруга. Но потом женщины стали подругами, быть может, потому, что Анна поняла, что избранница короля не станет ей конкуренткой, — любовь Людовика к Мари д'Отфор была исключительно платонической.

Когда однажды отец герцога де Сен-Симона, оставившего знаменитые мемуары, возымел намерение помочь его величеству осуществить его любовь к мадемуазель д'Отфор, заподозрив в нем робость, то получил гневную отповедь:

— Это правда, я влюблен в мадмуазель д'Отфор, я это чувствую. Я ишу с ней встречи, охотно беседую с ней и еще болес охотно о ней думаю. Но правда и то, что все это происходит со мной помимо моей воли, ибо я мужчина и не могу противиться этой слабости. Но чем болес возможности удовлетворять мои желания даст мне мой королевский титул, тем болес должен я удерживать себя от греха и соблазна этим воспользоваться. На этот раз я прощаю вашей молодости, но не вздумайте когда-либо давать мне подобные советы, если хотите, чтобы я по-прежнему любил вас.

Его величество был так привязан к Мари, что совершенно не мог без нее обходиться, но ни разу не позволил себе ничего лишнего. Известен совершенно курьезный случай: однажды Мари читала какое-то письмо и Людовик захотел взглянуть на него. Девушка не позволила ему это сделать, и ревнивый король решил отнять у нее послание. Тогда Мари спрятала его у себя на груди и сказала:

— Если хотите, можете достать письмо оттуда!

Что же сделал король? Чтобы не дотрагиваться до женской груди, он взял в руки каминные щипцы и собрался с их помощью достать записку из-за корсета девушки. Пораженная до глубины, Мари предпочла отдать ее сама.

Можно ли говорить только о целомудрии, после такой откровенной демонстрации отвращения к женскому телу?

Нравы при дворе Людовика XIII в корне отличались от тех, что царили при его отце. Придворные были вынуждены вести себя гораздо болес скромно, и шютские утехы болше не выставлялись напоказ. Изменились и туалеты дам, став болес скромными. Провинция не успевала сле-

доть за всеми этими изменениями, и однажды произошел еще один случай, очень хорошо характеризующий короля и его отношение к женщинам, его подробно описывает Ги Бретон:

«Весной 1630 года Людовик XIII отправился в Гренобль, чтобы встретиться там с Ришелье, который воевал в Савойе с войсками императора и с испанцами. 27 апреля он сделал остановку в Дижоне, где в его честь был устроен большой банкет. Женщины, еще помнившие доброго короля Генриха и, конечно, не знавшие изданного в 1617 году указа, полагали, что правильно поступают, появившись на банкете в платьях с весьма смелым декольте. Одна из них явилась к столу и вовсе с обнаженной грудью. Такое чрезмерное бесстыдство невероятно шокировало короля. Он надвинул платок на глаза и принялся за обед с угрюмым лицом и с глазами, устремленными в тарелку. Возникло ощущение большой неловкости, но именно виновница ситуации этого и не заметила и продолжала срывать на стул, “чтобы поэффектнее потряхивать своей грудью”.

На протяжении всей трапезы Людовик XIII ни разу на нее не взглянул. Однако во время десерта он медленно выпил содержимое своего бокала и, удержав во рту глоток вина, точно направленной струей брызнул на обнаженную грудь. Бедная девушка лишилась сознания».

Кардинал Ришелье всегда старался найти общий язык с фаворитами и фаворитками короля и никогда ему это не удавалось. Язвительная, гордая красавица Мари д'Отфор с презрением отвергла его предложение шпионить за его

величием. Когда чувства Людовика к ней немного охладели, Ришелье воспользовался ситуацией и постарался ввести в его окружение престелную юную девицу Луизу де Лафайет, особу чрезвычайно добродетельную. И снова у него ничего не получилось. Нет, Луиза действительно привлекла Людовика своей наивностью и чистотой, и он тут же сделал ее своей наперсницей и советницей в делах, но быть шпионкой она не согласилась. Даже напротив, когда Людовик XIII однажды упомянул в разговоре с Луизой о своем недовольстве кардиналом, та стала настраивать его оказать сопротивление «тирании» первого министра. Людовик очень опечалился. Он нуждался в сочувствии и утешении, а вовсе не в том, чтобы его призывали к бунту.

В 1637 году Луиза де Лафайет ушла в монастырь. Людовик сожалел об этом, хотя, конечно, не мог не одобрять отказа своей дорогой подруги от мирской тцеты. Он поддерживал с ней переписку и неоднократно навещал. Но постепенно его любовь остыла. Об этом очень печалилась Анна Австрийская. Она дружила с Луизой Лафайет так же, как некогда с Мари Отфор, — та всеми силами пыталась помириться короля с супругой, и Анна была ей за это благодарна. Примирения случались, — возможно, во время одного из них и был зачат Людовик XIV, только, к сожалению, они никогда не были долгими...

Между тем Ришелье не оставлял попыток ввести в королевское окружение своего человека. Его следующим протеже стал маркиз де Сен-Мар, юноша ангельской красоты и феноменальной глупости, который стал последней и самой мучительной любовью Людовика XIII. Король был совер-

шенно очарован им, и Анри, видя это, считал, что ему позволено все, был слишком требовательным и неучтивым.

«Я не могу больше выдерживать его высокомерие, — жаловался в письмах Людовик кардиналу, — он считает всех недостойными себя и только корчит из себя вельможу».

Король страдал и при этом с каким-то мазохистским упорством продолжал любить своего «ангела».

Сен-Мар никак не желал хранить целомудрие и втайне от короля посещал любовниц, — Марион де Лорм и мадемуазель де Шемро. Людовику, конечно же, об этом докладывали. Сен-Мар был транжирой с огромными запросами, он хотел денег, титулов, земель, и стоил королю безумно дорого. А самое главное, — он захотел занять место кардинала Ришелье и устроил очередной заговор с целью свержения его высокопреосвященства.

Этот заговор был верхом глупости и коварства, он был последней каплей, переполнившей чашу терпения короля. Сен-Мар был схвачен, осужден и, вместе со своим другом де Ту, приговорен к казни. Он до последнего надеялся, что Людовик пощадит его, но этого не произошло.

Сен-Мар был казнен в сентябре 1642 года. Еще через три месяца умер и его враг кардинал Ришелье. А уже через год в мир иной отправился и Людовик XIII.

С ранней юности Людовик был чрезвычайно слаб здоровьем. Перечисление всех недугов, которыми он страдал, могло бы занять несколько страниц и привести в ужас читателя. Общая ослабленность организма закончилась тем,

что у Людовика развился туберкулез, который в итоге и свел его в могилу.

Последние месяцы жизни короля были крайне тяжелыми.

Людовик умирал и знал об этом. К счастью, о самом главном он успел позаботиться, — у него был наследник, который займет его трон.

Его отношения с сыном были не очень хороши. Мальчик был еще слишком мал, проводил много времени с матерью и любил ее, а отца видел не так уж часто. А когда видел — король был чаще всего мрачен и угрюм, естественно, ребенок его боялся.

Людовика расстраивало это, но вместо того, чтобы попытаться быть хорошим отцом, он предпочитал жаловаться.

«Я недоволен своим сыном, — писал он кардиналу Ришелье, — стоит ему увидеть меня, как он заходится в крик, словно перед ним возник дьявол, и вечно взывает к матери. Нужно отучать его от этих злых замашек и как можно скорее, насколько это возможно, отлучить его от королевы».

Предпринять что-либо по этому поводу Людовик не успел. Времени у него оставалось совсем немного, и нужно было решить особенно важные государственные дела, оставить завещание. Все еще не доверяя своей супруге, король не желал давать ей полноту власти и назначил регентский совет. Во главе его поставил своего брата Гастона Орлеанского. В совет также входили принц Конде, канцлер Сегье, суперинтендант Бутийе, государственный секретарь Шавиньи и ставленник Ришелье — кардинал Мазарини.

И совсем уже незадолго до смерти Людовик назначил крещение дофина.

Торжественный обряд произошел 20 апреля 1643 года.

Крестными родителями его стали кардинал Мазарини и принцесса Конде.

Рассказывали, что после крещения мальчик подошел к постели больного отца.

— Как вас теперь зовут? — спросил его король.

— Людовик XIV, папочка, — ответил малыш.

— Пока еще нет, сын мой, — слабо улыбнулся Людовик XIII, — но, возможно, уже скоро...

Через двадцать пять дней, 14 мая 1643 года, он умер.

Глава 4

АННА АВСТРИЙСКАЯ: КОРОЛЕВА С АЛМАЗНЫМИ ПОДВЕСКАМИ

Благодаря Александру Дюма она стала одной из самых знаменитых королев в истории человечества. И это не преувеличение. Во всем мире на протяжении многих поколений подростки читают, а взрослые — с наслаждением пересчитывают «Трех мушкетеров». А если кто-то не прочитал — то уж фильм-то видел точно, ведь эта книга экранизировалась не меньше пятнадцати раз в разных странах, в разные времена. Поэтому все слышали про Анну Австрийскую. Про королеву, которую любил английский герцог Бэкингем. Про королеву, которую ненавидел, тайно к ней вожделся, кардинал Ришелье. Про королеву, которой муж подарил алмазные подвески, — а она отдала их Бэкингему — а об этом узнал кардинал. Алмазные подвески на

голубом парчовом багте... Из-за них в романе — и в фильмах — было столько суэты! А больше про нее, как правило, ничего и не знают. Для большинства она так и осталась героиней Дюма — королевой с алмазными подвесками.

«Если король казался благороднейшим дворянином своего королевства, то королева, бесспорно, была прекраснейшей женщиной Франции».

Александр Дюма «Три мушкетера»

Анна родилась в августе 1601 года в Испании, — а «Австрийской» звалась всю жизнь потому, что мать ее, принцесса Марианна, была родом из Австрии, из дома Габсбургов. Габсбурги по происхождению — австрийская династия, однако «Австриячка» (как ее называли в народе) Анна никогда в жизни не была в Австрии. В отличие от другой французской королевы из династии Габсбургов — Марии-Антуанетты, которую во Франции также будут называть «Австриячкой», но ее уже — по праву происхождения.

От матери Анна унаследовала свою ослепительно-белую, нежную, прозрачную кожу, роскошные рыжевато-белокурые волосы и крупный, очень яркий рот с полной нижней губой: эта губа была отличительной чертой всего рода Габсбургов, у одних — как у Анны — она казалась «надменно вывернутой», у других — «отвисшей».

От отца, испанского короля Филиппа III, Анна унаследовала высокий рост, точеный нос с горбинкой и большие, чуть нависшие, ярко-голубые глаза.

А в общем-то, она была красивой девочкой, а с возрастом превратилась в еще более красивую женщину. Все современники — даже те, у кого не было причин льстить — отмечали ее высокий рост, царственную осанку, великодушную фигуру, соблазнительную полноту груди и плеч, необыкновенной красоты руки. Но особенно много комплиментов Анна Австрийская получала благодаря своей коже. Некоторые даже говорили, что кожа ее так прозрачна, что, когда королева пьет красное вино, видно, как оно течет в горле... Сейчас этот комплимент кажется сомнительным и даже не слишком аппетитным. Но тогда нежность кожи была признаком бесспорно аристократического происхождения — вспомнить хотя бы «Принцессу на горошине»! — только у настоящих принцесс кожа так нежна, что они чувствуют горошину сквозь двенадцать тюфяков и двенадцать перин! Кожа Анны Австрийской была так чувствительна, что прикосновение обыкновенного полотна вызывало на ней раздражение. Она не признавала иного постельного и постельного белья, кроме батистового. Простыни, которые делались на заказ для Анны Австрийской, были так тонки, что каждую можно было протянуть сквозь кольцо. Кардинал Мазарини, ее возлюбленный и тайный супруг, сказал как-то раз: «Если Вы, сударыня, попадете в ад, то вместо обещаемых всем грешникам мучений для Вас достаточно будет стлать на постель парусинные простыни!» Анна сочла эту шутку изысканной и милой...

Анна Австрийская любила комфорт и роскошь.

Казалось бы — кто их не любит? Но у этой королевы вкусы отличались особенной изысканностью.

Самой большой ее страстью — после тонкого белья — были благовония: Анна их коллекционировала, и парфюмеры старались превзойти друг друга, дабы снискать милость королевы Франции, а купцы и побывавшие в дальних странах дворяне считали обязательным привезти королевске какую-нибудь благоуханную диковинку: ароматические курения, сандаловые фигурки или шарики из овечьей шерсти, пропитанные душистыми маслами, — их арабские женщины носят в драгоценных флакончиках-ароматницах на груди, они сохраняют свои свойства по многу лет.

Еще Анна обожала душистые цветы, и для нее одной было разбито несколько оранжерей — она желала каждое утро видеть свежий букет в своем будуаре!

Единственно — она не выносила запах розы. Настолько, что, даже видя розу на картине, теряла сознание от одной мысли о ее запахе. В современной психиатрии это явление называется «идиосинкразией» и считается болезнью. Впрочем, даже болезнь у Анны Австрийской — причиной которой наверняка были несколько столетий родственных браков между Габсбургами! — изысканная: идиосинкразия к розам — что может быть романтичнее...

Два с половиной столетия спустя сын писателя, обесмертившего Анну Австрийскую, — Александр Дюма-сын — обесмертит ее болезнь: в «Даме с камелиями» прекрасная Маргарита Готье не выносит запаха роз.

В августе 1612 года, сразу после того, как Анне исполнилось одиннадцать лет, ее отец подписал брачный контракт с Марией Медичи, французской королевой-регентшей: пре-

лестная маленькая принцесса была предназначена в жены своему ровеснику — французскому королю Людовику XIII.

Свадьба состоялась три года спустя.

Анна была девочкой веселой и беспечной — поездка во Францию представлялась ей чудесной прогулкой.

Но Людовик — замкнутый, угрюмый, неуверенный в себе подросток — боялся предстоящей свадьбы.

Дело в том, что Мария Медичи поручила де Люиньо, известному при дворе своим распутством, объяснить Людовику суть супружеских взаимоотношений... И сделанные им открытия глубоко потрясли юного короля. С тоской Людовик говорил: «Я ее совсем не знаю, без меня ее выбрали мне в супруги, и какова она ни есть — уродлива или красива, — я все равно должен буду уложить ее в свою постель и целовать, обнимать и любить до конца жизни... Разве это справедливо?» Он очень боялся, что испанская инфанта окажется некрасивой. Он, конечно, получил портрет, но понимал, что придворные живописцы чаще всего льстят ценным моделям. А увидеть невесту он мог только в день свадьбы.

Люиньо был наслышан о красоте Анны Австрийской и предложил королю развеять его страхи единственным возможным способом — тайком посмотреть на инфанту. Король согласился, и друзья отправились в Кастр, где кортеж инфанты остановился на отдых. Из окна гостиницы им удалось увидеть, как Анна садится в карету, но это был лишь краткий миг — король почти не разглядел свою нареченную. Кортеж инфанты тронулся в путь, а потому король сел в собственный экипаж и приказал догнать испанцев. Когда

чужая карета на полном скаку поравнялась с карстой, в которой сжала инфанта, девочка выплянула, чтобы как следует разглядеть наглеца. И Людовик, пораженный ее красотой и смущенный собственной отвагой (нелепым прежде для сына властной Марии Медичи), крикнул ей: «Я — король инкогнито!» Тем же вечером Анна и Людовик познакомились во дворце епископа Бордо. Они поправились друг другу, и король очень мило ухаживал за своей невестой. Кажется, он наконец осмелел и даже заинтересовался этой очаровательной девочкой.

Свадьба состоялась 25 ноября. Венчание закончилось в пять часов пополудни, день был изнурительно-жаркий, и даже свадебный пир — вопреки традиции — отменили. Усталые новобрачные поцеловали друг друга — и отправились каждый в свою опочивальню, где тут же заснули крепким детским сном.

Но Мария Медичи считала, что Людовик непременно должен исполнить свой супружеский долг в первую же ночь. Она сама разбудила юношу и сказала: «Сын мой, обряд венчания — это всего лишь прелюдия к бракосочетанию. Вы должны отправиться к королеве, вашей супруге. Она ждет вас...»

Людовик привык во всем подчиняться матери, поэтому покорно ответил: «Мадам, я только ждал вашего приказа. Я пойду к жене вместе с вами, если вам так угодно».

Накинув халат и сунув ноги в домашние туфли, он направился в опочивальню Анны.

Следом за ним туда вошли Мария Медичи, две кормилицы, гувернер короля господин Сувре, лейб-медик Эроар,

маркиз де Рамбуйс, хранитель королевского гардероба с обнаженной шпагой в руке, старший камердинер Брснген с подсвечником, граф де Гиз, граф де Граммон и еще несколько придворных.

Анна Австрийская, вопреки утверждениям свекрови, вовсе не ждала супруга, а крепко спала, и была изумлена и даже испугана, когда увидела всю эту процессию, входящую в ее покои.

«Дочь моя, я привела к вам короля — вашего супруга. Пропу вас: примите его и любите!» — громогласно произнесла Мария Медичи.

И Анна, покраснев от смущения, проворботала по-испански: «У меня нет иного желания, мадам, как только повиноваться Его Величеству, моему супругу, и угождать ему во всем».

К счастью, здесь же находились несколько камеристок и придворных дам, выбранных Филиппом III для своей дочери из числа испанок, знавших французский язык. Они перевели слова юной королевы.

В присутствии множества свидетелей король сбросил халат и лег рядом с женой. Оба они выглядели смущенными и несчастными. Мария Медичи подошла к ложу и тихо произнесла несколько фраз. Что именно она сказала — неизвестно. Но, видимо, давала некие советы, называя при этом все своими именами... Потому что, пока она говорила, Анна Австрийская покраснела как маков цвет, а Людовик стал бледнее подушки.

«Теперь всем пора уйти», — объявила Мария Медичи и покинула опочивальню. Действительно — ушли все, кро-

ме кормилиц и камсристок, а также — лейб-врача, которые должны были проследить за тем, чтобы король и королева надлежащим образом исполнили свои супружеские обязанности. После свершения сего действия доктор осмотрел супругов и снова пригласил в опочивальню королевую-мать и придворных. И дал подробный отчет о случившемся.

Неудивительно, что уже на следующее утро король и королева не могли без смущения смотреть друг на друга и старались вовсе не разговаривать.

После своей первой брачной ночи король проникся таким глубоким отвращением к плотской любви, что остался в истории под именем Людовика Стыдливового.

Четыре года после свадьбы он воздерживался от близости с супругой.

Только в январе 1619 года, когда Людовик подписывал брачный контракт между своей сестрой, Кристиной Французской, и принцем Виктором-Амадеем Савойским, папский нунций смог несколько подвинуть его в сторону со стези добродетели, шепнув: «Сир, я не поверю, что вы допустите, чтобы ваша сестра родила сына раньше, чем у Вашего Величества появится дофин».

После этого король стал регулярно посещать королевую для исполнения супружеских обязанностей. Эту радостную новость сообщили всем послам европейских держав, и кардинал Боргезе писал папскому нунцию: «...выполнение королем своих супружеских обязанностей положительно воспринято в Риме, а сам Папа выразил свое глубокое удовлетворение». Для Анны и Людовика супружеские отношения были в полном смысле слова «обязанностью» —

причем наитягостнейшей. И, несмотря на совместные старания, произвести на свет дофина им никак не удавалось...

В общем, брак Анны Австрийской оказался на редкость несудачным.

«Самым главным мужчиной» в жизни Анны Австрийской стал, конечно же, Джордж Вильерс, герцог Бэкингем. Об их любви, о тайных встречах и о том, что королева подарила герцогу алмазные подвески, знают все — благодаря Александру Дюма. Но вряд ли кто-нибудь из читателей Дюма предполагает, что при всей пылкой и нежной страсти, связывавшей этих двоих, они так и не стали любовниками.

История герцога Бэкингема печальна — но типична для тех времен.

В 1603 году, после смерти «королевы-девственницы» Елизаветы I Тюдор, на трон взошел тридцатисемилетний Яков I Стюарт — сын ее самого ненавистного врага: королевы Шотландии Марии Стюарт, казненной по приказу Елизаветы. Яков был женат на датской принцессе, имел детей, но при всем при этом — питал постыдное и неодолимое влечение к красивым мальчикам: так же, как французский король Генрих III. Заняв престол, Яков стал приближать к себе и осыпать милостями мальчиков-подростков. Очень скоро при английском дворе — как некогда при французском — среди молодых людей началось соперничество за должности и земли, полученные через королевскую постель.

Но великой и единственной любовью для короля Якова стал Джордж Вильерс.

Джордж Вильерс родился в 1592 году, а ко двору прибыл в 1612 году, в возрасте двадцати лет, а любовником короля стал, как многие считают, в 1614 году — или к тому моменту он стал главным и постоянным фаворитом.

Джордж происходил из благородной и богатой семьи, но — богатства и знатности достаточно не бывает никогда, поэтому его мать, Мэри Бомонт, поощряла в сыне честолюбие и уничтожала любые ростки негужной добродетели... Если вообще хоть когда-то этот красивый рыжеволосый юноша был добродетелен! Король начал выделять Джорджа Вильерса, а потом и вовсе позабыл все другие привязанности. Недоброжелатели шипели, что Яков нашел «в характере этого юноши неумеренную восторженность и склонность к распутству». Король называл своего возлюбленного Стини: сокращение от святого Стефана, чье лицо, по Библии, «сияло, словно лик ангела».

Джордж Вильерс действительно был очень красив. В этом легко убедиться, взглянув на знаменитый портрет работы Рубенса. Это надменное точеное лицо, пронзительный, прожигающий взгляд синих глаз, сияющая белая кожа, мягкие локоны рыжеватых волос, — исключительно красивый человек! Можно представить, каким он был в двадцать лет, когда его впервые увидел Яков.

Джордж Вильерс с раннего детства отличался умом и силой воли. Он полностью подчинил себе влюбленного короля. Яков готов был ради Джорджа на все. В письмах король называл «своего Стини» то «женой», то «возлюбленным супругом». Он даровал любовнику титул графа, затем — герцога Бэкингема. Расставил родственников Джорджа на

руководящие посты и, в конце концов, сделал любовника министром финансов. И пока Джордж услаждал и развлекал короля, Мэри Бомонт именем и властью своего сына распоряжалась раздачей привилегий и постов тем, кто был полезен семье Вильерс. Или тем, кто платил ей за услуги звонкой монетой.

Сам Яков Стюарт сравнивал свое отношение к Бэкингему с отношением Христа к его любимому ученику — юному апостолу Иоанну. Без малейшего стеснения он говорил: «У Христа был его Иоанн, а у меня есть мой Джордж». Расставаясь даже ненадолго, король писал Бэкингему нежнейшие письма: «Я хочу жить только ради тебя и предпочел бы быть изгнанным в любой конец земли вместе с тобой, чем жить печальной вдовьей жизнью без тебя. И да благословит тебя Бог, мое сладкое дитя и жена, чтобы ты всегда был утешением моему дорогому папе и супругу». Более того, Яков мечтал о том, к чему в Британии пришли только в ХХI веке, то есть о браке со своим возлюбленным: «Молю Бога о нашем брачном союзе на Рождество. Да осенит тебя благословение Божье, жена моя, да пребудешь ты утешением великим моего старого отца и мужа»

К собственному родному сыну — Чарльзу — Яков был не просто безразличен, а относился с какой-то странной неприязнью. Принц Чарльз Стюарт рос несчастным, запуганным ребенком. Наследником считался старший, принц Генри. Чарльз был более слабым, неуклюжим, к тому же заикался, и при дворе над ним посмеивались. Чарльз был моложе Джорджа Вильерса на восемь лет, и будущий герцог Бэкингем пригрел и защитил мальчика. Сомнительно, что

это могло быть расчетом... Никто никогда не предполагал, что Чарльз станет королем. Но принц Генри Уэльский скончался в возрасте восемнадцати лет от тифа. И оказалось, что ближайшим другом будущего короля стал фаворит короля правящего!

Бэкингем втягивал принца во всевозможные авантюры. Вместе они совершили почти самоубийственную поездку в Испанию, когда Джорджу пришла в голову мысль, что брак принца Чарльза с испанской инфантой принесет мир давним врагам — Англии и Испании. Ничего из этого не получилось, испанская католичка не хотела выходить замуж за протестанта, но зато — это было настоящее приключение!

Яков ревновал Бэкингема к сыну. Умеренно: он понимал, что это не более чем мужская дружба. Единственным мужчиной в жизни Джорджа оставался король. Правда, у него было много женщин, благо к женщинам Яков его не ревновал. Бэкингем посватался к красавице и богатой наследнице Кэтрин Мэнперс. Ее отец отказал «королевскому содомиту», тогда Джордж попросту похитил Кэтрин. И ее отцу пришлось согласиться на брак, ведь его дочь считалась обесчещенной, проведя ночь в доме Бэкингема. Впрочем, герцог сам был рабом условностей своего времени и жениться хотел на девственнице, поэтому ночь Кэтрин провела в покоях его матери. Но в глазах общества она считалась погибшей... Кэтрин было все равно. Она была влюблена в Джорджа. Она родила ему дочь Мэри и сына Джорджа. Девочка умерла в младенчестве, а мальчик стал наследником отца. Кэтрин была идеальной женой для Бэкингема. Любящей и во всем с ним согласной.

В 1625 году Яков Стюарт скончался.

На трон взвился его сын — Карл Стюарт, бывший нелюбимый королевич принц Чарльз.

Бэкингем получил еще больше власти в правление своего друга. Карл Стюарт умел быть благодарным.

Во Францию герцог Бэкингем прибыл для проведения переговоров относительно сватовства своего лучшего друга — короля английского Карла I — и младшей сестры короля Франции, очаровательной Генриетты-Марии. Предложение было весьма соблазнительным для Людовика XIII, и он дал согласие. Если бы он только мог предвидеть, как печально все закончится! Если бы мог предугадать, что Генриетта-Мария страстно полюбит своего венценосного супруга, но потеряет его и двоих детей во время буржуазной революции... Что король Карл I станет первым монархом, сложившим голову на эшафоте! Увы, Нострадамуса в то время давно уже не было в живых, поэтому предсказать будущее Генриетте-Марии было некому. Но даже если бы появилось такое предсказание — оно не изменило бы решения Людовика XIII. Этот брак был политически выгоден. А значит — он был неизбежен.

Герцог Бэкингем произвел огромное впечатление на Анну Австрийскую.

Во всем он казался противоположностью ее нелюбимому мужу!

Людовик был несловок и нехорош собой.

Герцог Бэкингем ослеплял красотой, казавшейся просто-таки нереальной и языческой.

Людовик XIII заслуженно получил прозвище «Стыдливый»...

Герцог Бэкингем не скрывал своего интереса к красивым женщинам.

Людовик XIII был патологически скуп.

Герцог Бэкингем как-то явился на бал в камзоле, богато расшитом крупными жемчужинами. Во время танца несколько жемчужин оторвалось, и придворные бросились собирать их, дабы отдать английскому посланнику. Но Бэкингем отказался, сказав: «Ах, оставьте их себе!»

Но самое главное — Людовик XIII был равнодушен к ней, Анне.

А Бэкингем влюбился с первого взгляда — отчаянно, пылко, дерзко...

Анну восхищала его пылкость и дерзость. Однажды, протанцевав целый вечер с английским посланником, Анна не сдержала своих чувств и, вернувшись к себе в опочивальню, в присутствии придворных дам вдруг сжала в объятиях герцогиню де Шеврез и принялась пылко целовать ее, плача и бормоча слова нежности, адресованные Бэкингеми. В эту ночь Анна не могла заснуть до утра, и до утра герцогиня сидела рядом с ее постелью, беседуя о Бэкингеми.

2 июня 1625 года принцесса Генриетта-Мария отбыла из Лувра к мужу в сопровождении герцога Бэкингема, своей матери Марии Медичи, своей невестки Анны Австрийской и свиты, в которую входила и герцогиня де Шеврез.

В Амьене будущей английской королеве предстояло проститься с семьей. Чтобы развеять печаль разлуки, в Амьене устроили несколько балов с фейерверками. Пользуясь

отсутствием мужа и кардинала, Анна Австрийская почти все время проводила с Бэкингемом. Они не в силах были скрыть свои чувства... Да и незачем было скрывать — все окружающие, включая сестру и мать французского короля, сочувствовали влюбленным — таким красивым и таким несчастным! Все были уверены, что любовь английского герцога к французской королеве так и останется платонической. Все, кроме самого Бэкингема.

Как-то ночью, прогуливаясь с королевой по аллеям — и заметив, что следовавшая за ними свита заметно отстала, — Бэкингем вдруг дал волю своей страсти, да так, что до смерти напугал Анну, не знавшую иной мужской ласки, кроме опасных прикосновений своего целомудренного супруга! Герцог сжал королеву в объятиях, повалил на траву, задрал на ней юбки и попытался овладеть... Но — не удалось. Перепуганная, оскорбленная королева принялась звать на помощь. Сбежались придворные, появилась герцогиня де Шеврез. Вырвавшись из объятий Бэкингема, Анна разрыдалась на груди своей лучшей подруги. Бэкингем, очень смущенный, поспешил удалиться...

В более «просвещенные» времена таковое событие могло стать причиной международного скандала или даже войны. Но даже в царствование Людовика Стыдливого французы еще сохраняли свободные взгляды эпохи Франциска I и Генриха IV. Современник и свидетель этого экстраординарного события — Филипп Тома — отмстил в своей книге «Интриги при дворе Людовика XIII», вышедшей в 1680 году: «Эти люди привыкли ко всему при дворе, поэтому большинство из них подумали, что герцог просто

чересчур темпераментно выразил свои чувства к королеве». Собственно, это соответствовало истине!

Всю ночь Анна проплакала в объятиях герцогини де Шеврез. Золотое шитье на панталонах герцога до крови расцарапало нежную кожу королевы... Но плакала она из-за того, что поступок герцога оскорбил ее высокие чувства к нему, а еще — из-за того, что она боялась больше никогда его не увидеть!

На следующий день герцог Бэкингем должен был покинуть Амьен, чтобы сопровождать Генриетту-Марию дальше к ее жениху. И вот в последний момент, когда принцесса уже сидела в карете, герцог с помутневшим взглядом вдруг заявил, что должен попрощаться с королевой-матерью... Заглянув на мгновение к Марии Медичи — и очень удивив ее своим визитом, герцог ворвался в комнату Анны Австрийской.

Молодая королева еще находилась в постели, и герцог упал на колени перед ее ложем и принялся осыпать поцелуями край простыни, на которой лежала Анна... Графиня де Лануа, пожилая почтенная дама, обычно присутствовавшая при пробуждении Анны Австрийской, сказала ему: «Сударь, держите себя в руках! У нас во Франции так вести себя не принято!»

На что герцог ответил: «Я иностранец и законы вашего государства соблюдать не обязан!»

И вернулся к своему занятию...

Наконец Анна нашла в себе силы сказать, что своим поведением герцог ее компрометирует, и приказала ему удалиться. Но на прощание она позволила ему поцеловать

свою прекрасную нежную руку, так что герцог отбыл во Францию прощенный — и вознагражденный!

Далее были тайные встречи, так поэтично описанные Александром Дюма, и история с алмазными подвесками на голубом парчовом банте.

История с подвесками произошла в реальности. Только роль леди Винтер — коварной Миледи — сыграла леди Карлейль, любовница Бэкингема, отвергнутая им и желающая отомстить. Ришелье ловко использовал ее ревность...

Что же касается тайных встреч — если бы их не было, как бы Анна сумела передать герцогу подвески?

«— Но вы никогда не говорили мне и того, что не любите меня. И, право же, произнести такие слова — это было бы слишком жестоко со стороны вашего величества. Ибо, скажите мне, где вы найдете такую любовь, как моя, любовь, которую не могли погасить ни разлука, ни время, ни безнадежность? Любовь, готовую удовлетвориться оброненной ленточкой, задумчивым взглядом, нечаянно вырвавшимся словом? Вот уже три года, сударыня, как я впервые увидел вас, и вот уже три года, как я вас так люблю! Хотите, я расскажу, как вы были одеты, когда я впервые увидел вас? Хотите, я подробно опишу даже отделку на вашем платье?.. Я вижу вас, как сейчас. Вы сидели на подушках, по испанскому обычаю. На вас было зеленое атласное платье, шитое серебром и золотом, широкие свисающие рукава были приподняты выше локтя, оставляя свободными ваши прекрасные руки, вот эти дивные руки, и скреплены застежками из крупных алмазов. Шею прикры-

вали кружевные рюши. На голове у вас была маленькая шапочка того же цвета, что и платье, а на шапочке — перо цапли... О да, да, я закрываю глаза — и вижу вас такой, какой вы были тогда! Я открываю их — и вижу вас такой, как сейчас, то есть во сто крат прекраснее!

— Какое безумие! — прошептала Анна Австрийская, у которой не хватило мужества рассердиться на герцога за то, что он так бережно сохранил в своем сердце ее образ. — Какое безумие питать такими воспоминаниями бесполезную страсть!

— Чем же мне жить иначе? Ведь нет у меня ничего, кроме воспоминаний! Они мое счастье, мое сокровище, моя надежда! Каждая встреча с вами — это алмаз, который я прячу в сокровищницу моей души. Сегодняшняя встреча четвертая драгоценность, обретенная вами и подобранная мной. Ведь за три года, сударыня, я видел вас всего четыре раза: о первой встрече я только что говорил вам, второй раз я видел вас у госпожи де Шеврез, третий раз — в амьенских садах...

— Герцог, — краснея, прошептала королева, — не вспоминайте об этом вечере!

— О нет, напротив: вспомним о нем, сударыня! Это самый счастливый, самый радостный вечер в моей жизни. Помните ли вы, какая была ночь? Воздух был неясен и напоен благоуханиями. На синем небе поблескивали звезды. О, в тот раз, сударыня, мне удалось на короткие мгновения остаться с вами наедине. В тот раз вы готовы были обо всем рассказать мне — об одиночестве вашем и о страданиях вашей души. Вы опирались на мою руку... вот на эту

самую. Наклоняясь, я чувствовал, как ваши дивные волосы касаются моего лица, и каждое прикосновение заставляло меня трепетать с ног до головы. Королева, о королева моя! Вы не знаете, какое небесное счастье, какое райское блаженство заключено в таком мгновении!.. Все владения мои, богатство, славу, все дни, которые осталось мне еще прожить, готов я отдать за такое мгновение, за такую ночь! Ибо в ту ночь, сударыня, в ту ночь вы любили меня, клянусь вам!..

— Милорд, возможно... да, очарование местности, прелесть того дивного вечера, действие вашего взгляда, все бесчисленные обстоятельства, сливающиеся подчас вместе, чтобы погубить женщину, объединились вокруг меня в тот роковой вечер. Но вы видели, милорд, королева пришла на помощь слабеющей женщине: при первом же слове, которое вы осмелились произнести, при первой вольности, на которую я должна была ответить, я позвала свою прислужницу.

— О да, это правда. И всякая другая любовь, кроме моей, не выдержала бы такого испытания. Но моя любовь, преодолев его, разгорелась еще сильнее, завладела моим сердцем навеки. Вы думали, что, вернувшись в Париж, спаслись от меня, вы думали, что я не осмелюсь оставить сокровища, которые мой господин поручил мне охранять. Но какое мне дело до всех сокровищ, до всех королей на всем земном шаре! Не прошло и недели, как я вернулся, сударыня. На этот раз вам не в чем было упрекнуть меня. Я рискнул милостью моего короля, рискнул жизнью, чтобы увидеть вас хоть на одно мгновение, я даже не коснул-

ся вашей руки, и вы простили меня, увидев мое раскаяние и покорность».

Александр Дюма «Три мушкетера».

Интриги Анны Австрийской против кардинала Ришелье, которые Дюма в своем романе преподносит как милые развлечения прелестнейшей из женщин, на самом деле были опасны для Франции как для государства.

Анна Австрийская, объединившись с Гастоном Орлеанским, младшим братом короля, — существует версия, что Анна и Гастон были любовниками, — неоднократно замышляла убийство Ришелье и заточение короля. Поддержка при этом ожидалась со стороны Испании и Австрии: от родственников Анны. Испании за это обещались южные провинции Франции, Австрии — северные провинции, а в той части, которая останется, Анна и Гастон должны были править в мире и согласии. Анна нашла безоговорочную поддержку своим планам у испанских и австрийских родственников, и только стараниями гениального Ришелье и его «шпионов» во главе с отцом Жозефом и графом де Рошфором, планы ее рушились раз за разом.

Почему Дюма так сокрушается о победах Ришелье?

Почему так скорбит о смерти Бэкингема?

Разве он не был патриотом?

Был.

Но, наверно, он слишком любил красивых женщин и слишком уважал отвагу и дерзновение в мужчинах. А Анна Австрийская была красива — современники говорили, что ни один портрет не мог передать прелести ее лица и граци-

озной фигуры, — а уж о дерзновенности и отваге Бэкинге-
ма нечего и говорить...

В 1627 году герцог Бэкингем развязал «священную войну» в поддержку протестантов города-крепости Ла-Рошель, вступивших в конфликт с кардиналом за право на форт на острове Ре: форт исконно принадлежал ларошельцам, но кардинал не хотел, чтобы ближайший к враждебной Англии бастион оставался во владении протестантов.

Ришелье в ответ начал осаду города.

Англичане так рьяно поддерживали своих братьев по вере в осажденной Ла-Рошели, что все шло к началу новой Столетней войны, но вот во время одного из боев в плен к англичанам попал господин де Сен-Сервен. Его привели к Бэкингему — герцог пожелал принять француза в своей опочивальне — и, войдя, тот сразу же увидел огромный портрет Анны Австрийской над кроватью герцога. Бэкингем пообещал освободить Сен-Сервена, если тот добьется аудиенции у королевы и расскажет ей о портрете, а кардиналу скажет, что Бэкингем готов прекратить военные действия и поставки оружия Ла-Рошели, если его примут в Париже как английского посла.

Господин де Сен-Сервен все в точности исполнил, только на свою беду начал с визита к кардиналу. Ришелье был взбешен наглостью Бэкингема и во избежание распространения сплетен заточил Сен-Сервена в Бастилию.

Не получив ответа из Франции, Бэкингем начал готовиться к отплытию в Ла-Рошель с целой армией... Но ему не повезло. И жителям Ла-Рошели — тоже.

23 августа 1628 года герцог Бэкингем был убит пуританином Фельтоном.

Корабли в Ла-Рошель так и не отплыли.

Крепость пала после долгой и мучительной осады.

Зато господин де Сен-Сервен обрел свободу — в обмен на обещание никогда не возвращаться в Париж.

Анна Австрийская была потрясена смертью Бэкингема. Горе ее не имело границ. Она заперлась в своей молельне и день и ночь молилась за душу любимого, совершенно позабыв о том, что для католической церкви Бэкингем был еретиком...

И вот тут-то Людовик XIII решил отомстить супруге за ее нескрываемое безразличие и за все обиды, которые он от нее претерпел. В первых числах сентября он назначил в Лувре «домашний спектакль» с балетом, в котором Анна должна была танцевать одну из главных партий.

Анна пыталась отказаться... Король настаивал. В результате она все-таки согласилась, но на первой же репетиции упала в обморок и на несколько недель слегла в первой горячке.

Говорили, будто королева так никогда и не забыла Бэкингема. И якобы даже хранила у себя в шкатулке нож Фельтона, заржавевший от крови герцога... Этой легендой также воспользовался Александр Дюма. Но было ли это на самом деле? Кто знает?

В 1631 году Анна Австрийская забеременела, но через несколько месяцев произошло несчастье: они с герцогиней

де Шеврез совершали кошную прогулку, и герцогиня предложила на полном скаку преследовать овраг... Лошадь королевы на краю оврага оступилась, упала и подмяла под себя Анну. Королева получила тяжелые травмы и потеряла ребенка.

Король был в гневе, счел безответственный поступок герцогини де Шеврез диверсией и отдал приказ о заточении ненавистной интриганки в Бастилию!

Герцогине де Шеврез пришлось бежать в Швейцарию.

Королева осталась без подруги — и без желанного ребенка.

Любимого мужчины в ее жизни в ту пору тоже не было...

Глава 5

ДЖУЛИО МАЗАРИНИ: КАРДИНАЛ-МИРЯНИН

Вторым по значимости человеком — после Бэкингема — стал для Анны Австрийской кардинал Мазарини. Он помог ей окончательно исцелиться от скорби по блистательному англичанину.

Джулио Мазарини был на год моложе Анны. Он родился 14 июля 1602 года в итальянском городке Пешина в поместье, принадлежавшем семье его матери. Его отцом был сицилийский дворянин Пьетро Мазарини, выгодно устроившийся служить управляющим поместьями и сбором налогов в одно из знатнейших аристократических семейств — Колонна и немало обогатившийся на этой должности. В Риме он познакомился с Гортензисой Буффолини, девушкой из знатной и богатой семьи, к тому же еще и красавицей. Впрочем, Пьетро и сам был недурен собой. Моло-

дыс люди были без ума друг от друга, поженились, и вскоре у них родился первенец — Джулио.

Ходили слухи, что отцом мальчика был вовсе не Пьетро, а Филиппо Колонна, якобы питавший к Гортензии — своей крестнице — чувства несколько далекие от отцовских, и поспешивший выдать ее замуж, чтобы скрыть грех. Иначе почему он дал ей богатое приданое? И почему всю жизнь так заботился о Джулио и следил за его карьерой?

Истины, как водится, никто не узнает, но Джулио всю жизнь очень любил и почитал отца, и они были похожи. И внешне. И по характеру.

В семье было семеро детей, — Гортензия родила еще двух сыновей и четырех дочерей, — но Джулио был самым умным и талантливым. Он единственный сделал блистательную карьеру.

«Джулио с юных лет отличался феноменальной памятью, имел серьезный и пытливый ум, удивительно сочетавшийся с непомерной подвижностью и шаловливостью. При этом мальчик внешне походил на ангелочка. Эти качества привлекали к нему всеобщее внимание и любовь. Бессенку с ликом ангела все прощали», — пишет Людмила Иволина в книге «Мазарини».

Филиппо Колонна, любивший мальчика, поспособствовал тому, чтобы в семь лет он был определен на обучение в иезуитскую Римскую коллегию, где Джулио делал большие успехи. Латынь, теология, риторика, логика, ораторское искусство — ему легко давалось все, перед ним открывалась возможность блестящей духовной карьеры. Тринадцать лет Мазарини учился у иезуитов, по ходу дела получив степень

доктора права на юридическом факультете Римского университета. И он сбсжал из Рима, как только выдалась возможность.

Потому что терпеть не мог иезуитов.

Потому что ему была отвратительна духовная карьера.

Потому что он хотел интересной жизни и приключений.

Будучи в Испании, — он там учился в университете Алькала, — Мазарини вел образ жизни далский от благостного. Вместе с друзьями-сокурсниками он проводил вечера в кутежах и попойках, за игрой в карты, и, как говорят, проявлял необычайную ловкость, хотя однажды и проиграл свои шелковые штаны. Он был замечен в связях со знатными дамами, из-за чего произошло немало семейных скандалов. Он участвовал в драках. И вместе с веселой компанией приятелей не гнушался даже грабежами припозднившихся прохожих.

А потом он вступил в ряды папской армии в Испании в качестве простого солдата.

Впрочем, солдатом Мазарини был недолго. Выдающиеся способности и покровительство Филиппо Колонны поспособствовали его быстрому продвижению по карьерной лестнице. Очень быстро Джулио стал капитаном и исполнял в основном обязанности, связанные с дипломатией.

Именно в то время произошло одно удивительное событие, возможно, в какой-то мере определившее его дальнейшую судьбу. В 1624 году Джулио встретился с пармским астрологом, который предсказал, что ему суждено сделать блистательную карьеру во Франции и получить кардинальскую мантию в сорок лет.

Возможно, это только легенда. Но как знать, может быть, именно это предсказание обратило взор Мазарини в сторону Франции? И побудило к правильным действиям?

Тем временем папская армия была распущена ввиду своей бесполезности. Но Джулио уже определился в своем предназначении — его поприщем должна была стать дипломатия. Представлять интересы Рима было делом непростым, но Мазарини справлялся великолепно, он прекрасно разбирался в людях и умел обзаводиться полезными знакомствами, он всегда точно знал, чего от него хотят и что нужно сделать и сказать для того, чтобы добиться успеха. Тридцатилетняя война была в самом разгаре, и его услуги были просто необходимы папскому престолу.

Вот что писал венецианский посланник граф Сагрето о Мазарини еще в 1630 году: «Ясновельможный синьор Джулио Мазарини обладает приятной наружностью и хорошо сложен; вежлив, ловок, бесстрастен, неустоим, сметлив, прозорлив, скрытен, умест молчать, точно так же, как и говорить красно и убедительно; не теряется ни при каких обстоятельствах. Одним словом, он одарен всеми качествами, необходимыми искусному дипломату; первый его дебют на этом поприще обличает мастера своего дела; на светской сцене он, конечно, займет одну из первых ролей. Судя по его здоровой комплекции, он, если не ошибаюсь, еще долго будет пользоваться готовящимися ему почестями, путь к которым затруднен ограниченным его состоянием».

Первая встреча Мазарини с кардиналом Ришелье произошла 29 января 1630 года в Лионе. У Джулио была не-

простая задача: урегулировать конфликт между французами и испанцами.

Ришелье был крайне не расположен к Мазарини, считал, что тот прибыл с целью шпионить. Но в ходе беседы предубеждение постепенно рассеялось. «Вежливая и ненавязчивая манера Джулио, его готовность слушать собеседника и воспринимать стиль беседы покорили Ришелье», — пишет Людмила Иволина. Позже он так охарактеризует Мазарини в «Мемуарах»: «Мой инстинкт подсказал мне, что передо мной гений». Вот даже так!

Успехи Мазарини в дипломатии весьма впечатлили папу, но чтобы продолжать карьеру, Джулио было необходимо принять духовный сан. Он сомневался долго, но все же решился. Перспективы были уж больно заманчивы.

Впервые Мазарини посетил Францию в январе 1631 года и пробыл там всего три месяца. В следующий раз он приехал в апреле 1632 года. И тогда был представлен Анне Австрийской. Джулио был в Париже всего шесть недель и встречался с королевой лишь раз, но этого оказалось достаточно, чтобы между ними проскочила искра взаимной симпатии.

Когда Мазарини прибыл ко двору, Ришелье, со свойственной ему язвительной дерзостью, сказал, представляя Мазарини королеве: «Ваше Величество, я уверен, что этот человек понравится Вам: он так похож на герцога Бэкингема!»

Изящный брюнет Мазарини не был похож на рослого, рыжесветлого, синеглазого Бэкингема.

Но Анне Австрийской он действительно понравился.

Конечно, никакой любви с первого взгляда не было. Папский посланник был хорош собой, почтителен и крас-

норсчив. Он был умным и интересным собеседником. Но и только... Анна вряд ли даже заметила последовавший вскоре отъезд красивого и обходительного итальянца.

В следующий раз Мазарини прибыл в Париж 26 ноября 1634 года в качестве чрезвычайного нунция папы римского. И были им достаточно долго — до 1636 года. После чего были снова отозван в Рим.

И только в конце 1639 года он окончательно вернулся во Францию, по личному приглашению Людовика XIII. А на самом деле, конечно, — Ришелье. После смерти его друга и советника, отца Жозефа, Ришелье нуждался в человеке, который смог бы его заменить, и не видел кандидатуры более достойной, чем Джулио Мазарини.

Тогда же Ришелье подал прошение в Рим о присвоении Мазарини кардинальского сана. Папа долго не мог принять решение, прекрасно зная, насколько Джулио далек от желания посвятить себя церкви, — и все же в 1641 году, он соблаговолил оказать ему эту милость.

«Когда Джулио узнал о своем новом статусе, он медленно опустился на землю и произнес следующую фразу: “Теперь я богат!” Воистину для многих это было ярчайшим подтверждением жадности Мазарини, — пишет Людмила Ивонина. — Но учтем, что целых два года ему пришлось владеть худшее в финансовом отношении после Рима существование. Он даже заметно похудел за это время, но скорее из-за постоянно снедаемого его душу беспокойства о своем положении и своей карьере во Франции, нежели из-за недостатка в яствах. Вообще же, плотно покушать Джулио всегда любил. Пока, разумеется, позволяло здоровье...

И еще — мало кто знал, что параллельно Джулио получил грамоту о получении подданства, согласно французским законам дававшую иностранцу право владеть, приобретать и даже передавать по наследству имущество и доходы во Франции, в том числе бенефиции духовных лиц».

Стоит также упомянуть, что, даже получив кардинальский сан, Мазарини настоящим священником не был. До 1917 года в католической церкви существовал так называемый чин «кардинал-дьякон». Носившие его не могли, в отличие от кардиналов-священников или кардиналов-епископов, совершать таинства и не давали обета безбрачия. Это обстоятельство даст возможность Джулио спустя некоторое время обвенчаться с Анной Австрийской.

Мазарини вполне подтвердил высокое о себе мнение всесильного первого министра Франции. Более того, — он подтвердил свои намерения трудиться на благо страны, которая не была его родиной, но которая дарила ему такие радужные перспективы. Никто не бескорыстен. Глупо ждать альтруизма от человека, наделенного амбициями. Но Мазарини был готов продолжать политику Ришелье — это было главным. И он мог это сделать — это было не менее важно. Ришелье признавал, что его протект более тонкий и умелый дипломат, нежели он сам. И незадолго до смерти он объявил Мазарини своим преемником.

«У Вашего Величества есть кардинал Мазарини, — сказал он Людовику XIII, — я верю в его способности на службе королю».

Людовик не воспротивился этой рекомендации и уже в день смерти своего первого министра вызвал к себе Мазарини и объявил, что назначает его главой Королевского совета.

В провинции и парламенты городов было отправлено уведомление, в котором говорилось: «Богу угодно было призвать к себе кардинала де Ришелье. Я принял решение сохранять и поддерживать все установления его министерства, продолжать все проекты, выработанные при его участии, как во внешних, так и во внутренних делах, не внося в них никаких изменений. Я сохранил в моем совете тех же людей, которые мне там уже служили, и призвал к себе на службу кардинала Мазарини, в способностях и верности которого я имел возможность убедиться...»

Джулио всеми силами старался прижиться при французском дворе. Он заводил друзей, он был обходителен и мил — проявляя в полной мере свои великолепные дипломатические способности. Он часто навещал королеву и своего крестника дофина, постепенно приучив их к своему постоянному присутствию. И в отличие от отца, которого маленький Луи боялся, к Мазарини он испытывал самую крепкую привязанность.

Джулио был галантным и услужливым кавалером. Он постоянно заверял Анну в своей любви и преданности, и это ей очень нравилось. Она чувствовала себя красивой и желанной. Она была очарована им. И очень скоро уже не могла представить себе жизни, если его не будет рядом.

Никто не знает наверняка, когда Анна Австрийская и Джулио Мазарини стали любовниками. Некоторые историки предполагают, что это случилось в 1640 или 1641 году. Другие — что только после смерти Людовика XIII, и тогда же Мазарини и Анна якобы вступили в тайный брак. Об этом есть сведения в мемуарах многих приближенных ко двору лиц.

А вот в мемуарах д'Артагьяна, к примеру, написано, что между ними не было ничего, кроме дружбы. И вообще, что Мазарини руководствовался лишь корыстными интересами: «...не было ничего такого, на что бы он не пошел, лишь бы завоевать расположение особ, близких к королеве, он даже притворился влюбленным в одну из ее камеристок по имени Бовс... находившуюся в самых лучших отношениях с ней. Бовс, настолько любившая всякую лесть... сделала под ее именем все, что он хотел. Она молила ее не только устранить Шавиньи, но еще и содержать в секрете все обещания, данные ей кардиналом Мазарини».

«Джулио действительно одно время притворялся влюбленным в хорошенькую и распутную Бовс, — пишет Людмила Иволина, — но только чтобы возбудить ревность Анны и заставить ее простить ему все то, что, по его мнению, могло ей не понравиться. Несомненно, Мазарини и королева уже давно любили друг друга, независимо от того, когда они реально вступили в любовную связь. Дневников, где бы Джулио описывал свои чувства к Анне, он не оставил. Сохранилась только его переписка. В письме герцогу Пармскому в декабре 1642 года Мазарини бросает такую фразу: “Сейчас я летаю, как на крыльях. И виновата в этом прекраснейшая из женщин”».

Анна хватилло мужества бороться за любимого человека. Исторический факт: она добилаась для Мазарини возможности жить рядом с ней и входить в любой момент в ее покои. Многие современники и историки считают фактом так же и то, что Анна и Мазарини были обвенчаны. Ги Брестон, конечно, прежде всего собиратель сплетен, однако сплетни он собирает из прижизненных мемуаров, так что на него вполне достойно сослаться, когда он разбирает доказательства супружества королевы и «светского» кардинала.

«Проявив изумительную отвагу, она заявила 19 ноября в присутствии всех членов совета, что ввиду недомогания господина кардинала, ввиду того, что ему тяжело каждый день проходить через сад, дабы попасть в Пале-Рояль, и учитывая, что ежечасно происходят события, о которых ему следует докладывать, она считает необходимым предоставить ему апартаменты в Пале-Рояле, дабы иметь возможность должным образом обсуждать означенные дела».

«Решение королевы, — писал тем же вечером Годен, — было одобрено под рукописескания господ министров».

Министры имели полное право аплодировать, ибо на сей раз влюбленные соединились под одной крышей. Кардиналу отвели покои «во дворе, который выходит на улицу Бонзанфан»; отныне счастливому любовнику, чтобы попасть к королеве, нужно было лишь подняться по потайной лестнице, которая еще существовала во времена принцессы Пфальцской: та уверяет, что он проходил здесь каждую ночь.

Несобыкновенная отвага со стороны женщины, которая еще два месяца назад краснела при одном упоминании Мазарини и стремилась всеми средствами — вплоть до самых экстравагантных — скрыть свою связь с ним, настолько удивила публику, что вскоре в городе стали шептаться, что любовники вступили в тайный брак. Так впервые было высказано предположение, над разгадкой которого будут биться многие поколения историков. Прежде чем мы в свою очередь займемся им, предоставим слово современникам.

Автор «Гражданского прошения», вышедшего в свет в 1649 году, пишет, например, о королеве и кардинале следующее: «Если правда, что они тайно поженились и что отец Венсан утвердил брачный контракт, они вправе делать то, что все видят, и много больше того, что всем известно».

Автор брошюры «Следствие умолчания на кончике пальца», также появившейся в 1649 году, вторит предыдущему: «К чему порицать королеву за любовь к кардиналу? Это ее обязанность, если правду говорят, что они поженились и что отец Венсан утвердил их брак, полностью его одобряя».

Другие высказываются на сей счет куда более определенно.

Так, аббат Ледипьяна, каноник Алеса и доктор теологических наук Марк Ангуан Деруа не подвергают никакому сомнению вероятность брачного союза. В весьма любопытном сочинении, вышедшем в свет в 1659 году под заглавием «Героическая муза, или Изображение достопамятных деяний его преосвященства с присовокуплением некоторых

размышлений на различные темы», он выводит Мазарини в качестве тайного мужа Анны Австрийской.

И уж совсем категорична принцесса Пфальцская. В своих «Мемуарах» она без тени колебаний утверждает: «Королева-мать, вдова Людовика XIII, не только была любовницей кардинала Мазарини, но и вступила с ним в брак; он не был священником и не давал обета безбрачия, а потому ничто не мешало ему жениться. В Пале-Рояле до сих пор можно видеть потайную лестницу, по которой он каждый вечер отправлялся в покои королевы. Об этом тайном браке знала старуха Бове, главная камеристка регентши, и королеве приходилось сносить все прихоти своей наперсницы».

Уже этих свидетельств достаточно, чтобы предположение превратилось в уверенность. Но самое убедительное доказательство исходит от самого Мазарини. 27 октября 1651 года кардинал, находившийся тогда в изгнании, отправил королеве письмо, составленное шифрованным языком. Текст, который мы приведем, служит весомым подтверждением слов принцессы Пфальцской.

«Уверен, что даже если все люди из вашего окружения, и среди них те, кто более всего обязан морю (имеется в виду Анна. — Прим. автора), изменят ему и соединятся, дабы настроить против него, они ничего не добьются, потому что они связаны узами, в отношении коих мы оба мыслим согласно, полагая, что не грозит им ни время, ни злокозненные усилия, от кого бы они ни исходили...

...Я видел послание Серафима к Н (имеется в виду Мазарини. — Прим. автора), чьи заключительные слова дают

услладу, больше которой и вообразить ничего нельзя; ибо он (вместо "она", так как Серафим мужского рода) пишет, что даже на смертном одре последней его мыслью будет) (любовь к Мазарини). Вы не представляете, как это запечатлелось в уме Н, в какое волнение привело его. Должно быть, сам Господь внушил Серафиму эти слова: ибо в том состоянии, в каком был Н, его необходимо было утешить всеми средствами. Ему нужно сострадать, ибо малышу трудно перенести, что он находится в браке и одновременно в разлуке (Мазарини в письмах часто называл себя «*cet enfant*» — «этот ребенок». — Прим. автора) и что браку его продолжают чинить препятствия. Будем надеяться, что он скоро обретет то, чем больше всего дорожит.

Итак, Мазарини и Анна Австрийская, судя по всему, состояли в тайном браке. Впрочем, дополнительным подтверждением может служить поведение священнослужителей и монахинь.

Анна Австрийская отличалась набожностью и регулярно навещала монастырь в Валь-де-Грас. Однако, по словам Жюль Люазлера, "совершенно немисливо представить, чтобы святые сестры так долго терпели связь, о которой не могли не знать и которую, конечно, сочли бы преступной".

Следовательно, в силу того, что с королевой не порывал будущий святой Венсан де Поль и что сама она продолжала с должным благочестием исполнять все предписанные обряды, есть все основания полагать, что сожительство двух прославленных любовников "было введено в надлежащие рамки".

Остается выяснить, отчего союз этот пребывал под покровом тайны, хотя оглашение его пресекло бы все пересуды, оскорбительные для репутации королевы. Ибо никаких формальных препятствий не существовало: Мазарини был светским кардиналом и не давал обета безбрачия. Граф де Сен-Олер вкладывает в уста сторонников брака аргумент, не лишенный оснований: "Сохранение тайны преследовало политические цели: избежать в сто раз худшего скандала, ибо к любовной связи народ отнесся бы гораздо снисходительней, нежели к замужеству королевы; избежать толков, которые привели бы публику в еще большую ярость, что нерушимость брачных уз означает несменяемость министра..."

Итак?

Видимо, можно почти наверняка утверждать, что королева, обращаясь к Мазарини, имела полное право называть его Жюль, супруг мой или же монсеньер...»

Ги Бретон «От Великого Конде до «короля-солнце»

Во время Фронды распространялись памфлеты, из которых следовало, что отцом малолетнего Людовика XIV является вовсе не король, а кардинал Мазарини. Распространяли памфлеты, разумеется, сторонники Конде.

Но кто бы ни был отцом будущего короля Франции — Мазарини здесь в любом случае ни при чем.

С 1636 по 1639 год он не покидал Рим.

А «король-солнце» с появился на свет в сентябре 1638 года.

Глава 6

САМЫЙ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МАЛЬЧИК

С раннего детства и Людовик и Филипп были очень привязаны к матери. Это было вообще очень нетипично и странно для королевской семьи в то время, — чтобы мать уделяла так много внимания детям и сама занималась их воспитанием, а не сдавала их на руки кормилицам, гувернанткам и учителям.

В книге «Людовик XIV» Франсуа Блюш пишет: «Еще при жизни Людовика XIII любовь Анны Австрийской к своим сыновьям удивляла двор. Когда малюшкис принцы останутся без отца, она не липит их своей любви. “Она их воспитывала, не отпуская от себя, — пишет мадам де Лафайет, — обращаясь с ними с нежностью, которая порой переходила прямо-таки в ревность по отношению к людям, с которыми дети хотели поиграть”. А Лапорт в своих мемуарах обвинит королевскую мать в том, что она очень балует своего старшего сына. Факт недостоверный, он говорит лишь о том, что часто взрослые напускают холодность, в то время как для испанской принцессы были естественными и та полнота чувств, и такое их проявление, которые охотно приписывают средиземноморцам. Впрочем, XVII век менее чопорный и напыщенный, нежели об этом думают: материнскую любовь выдумал вовсе не романтизм.

Но кто любит сильно, тот и наказывает строго. Дети контрреформистского века, даже из королевского дома, — не сахарные ангелы и не шоколадные христосики; и хорошие родители, даже королевской крови, считают своим долгом исправить собственное чадо. Когда маленький де-

вятилистный король однажды в присутствии своей матери от каприза перешел к дерзости, Анна Австрийская, как рассказывает камердинер Дюбуа, покраснела от гнева и сказала Людовику XIV: “Я вам покажу, что у вас нисколько нет власти, а у меня она есть. Уже давно вас не секли, я хочу вам показать, что порки устраивают в Амьене так же, как и в Париже”. Через несколько минут Людовик бросился перед матерью на колени и объявил ей: “Мама, я у вас прошу прощения; я вам обещаю никогда не идти против вашей воли”. Королева тогда простила, нежно его поцеловала. Эта история, которая очень похожа на правду и которую добрый Дюбуа (он не был таким озлобленным, как его коллега Лапорт) так живописал, как будто видя и слыша участников этой сценки, имеет еще одно достоинство: здесь король не говорит “мадам”, он говорит “мама”, как маленький буржуа или крестьянин».

С рождением детей Анна Австрийская очень переменилась. Ни кардинал Ришелье, ни Людовик XIII не успели этого понять. Встрепой интриганки, предающей интересы Франции ради своей настоящей родины Испании, больше не было. Анна стала мудрой и осторожной, и очень ответственной. Теперь ее главной задачей стало сохранить Францию неприкосновенной для своего сына, будущего короля. Так что ее покойный супруг напрасно опасался, не доверяя ей всю полноту власти.

Как уже упоминалось ранее, в своем завещании Людовик XIII повелел, чтобы его супруга «стала регентшей во Франции» и «чтоб она занималась воспитанием и образованием Людовика и Филиппа», а также «администриро-

ванием и управлением королевством» до момента исполнения 13 лет старшему сыну, ограничив ее права советом.

Король Людовик XIII умер 14 мая, а уже 18 мая произошел государственный переворот, — на своем первом заседании в парламенте его величество король Людовик XIV отменил завещание своего отца.

Маленькому Людовику еще не было и пяти лет, и, конечно, он совершенно не понимал, что происходит, когда его, одетого согласно церемониалу в фиолетовую робу, принесли в зал заседания и посадили в королевское кресло.

Как только воцарилась тишина, и мать вместе с мадам де Лансак подняли его с трона, он произнес заученную фразу: «Господа, я пришел, чтобы засвидетельствовать вам свою добрую волю. Господин канцлер скажет остальное».

И канцлер Сегье объявил, что Его Величество король Франции доверяет своей матери единолично управлять государством.

Вот так запросто регентша взяла власть в свои руки, отстранив от нее Гастона Орлеанского и принца Конде. Она удивила всех еще раз, когда назначила своим первым министром ставленника ненавистного Ришелье — кардинала Мазарини. В ту пору «итальянского выскочку» никто еще не воспринимал всерьез и не расценивал как сильную политическую фигуру. Более того, — и Гастон и Конде даже ему покровительствовали...

Этим шагом Анна доказала серьезность своих намерений. Она не выбирала человека. Она выбирала будущий

стиль политики государства, намереваясь продолжать дело, начатое ее мужем и его первым министром. Личная симпатия к Мазарини, конечно, тоже имела значение. Но это вовсе не значило, что «любовь затмила взор». Анна отдавала должное талантам своего первого министра, его уму и хитрости. И его лояльности лично к ней самой. Если у ее супруга отношения с первым министром были не всегда наполнены симпатией, то у нее был шанс работать с человеком, на которого она могла положиться всегда и во всем, в идеальном тандеме.

Воля короля — закон. Никто не посмел бы противиться ей. Никто не посмел бы так просто оспорить заявление маленького Людовика XIV. Гастон Орлеанский и принц Конде вынуждены были смириться с его решением и проглотить обиду и возмущение. Впрочем, Генрих де Бурбон, принц Конде, был уже слишком стар и вряд ли стал бы устраивать заговоры. В отличие от герцога Орлеанского, который после смерти Рипельс успел уже заскучать. Пройдет несколько лет, и Гастон попытается вернуть свои права, приняв участие в Фронде вместе с неугомонными детьми к тому времени почившего Генриха Конде.

Первой ласточкой грядущего противостояния стал так называемый заговор Важных, во главе которого встали высокомерный и легкомысленный красавчик Франсуа де Вандом герцог де Бофор, внук Генриха IV и прекрасной Габриэль д'Эстре, и вечная интриганка герцогиня де Шеврез.

Сразу же после смерти Людовика XIII Анна Австрийская призвала ко двору всех, кого выслал покойный король:

свою подругу госпожу де Шеврез, своего камердинера Ла Порта, а также фрейлин — госпожу д'Отфор, госпожу де Сенеси. Но, вернувшись, они не узнали прежнюю прекрасную и беспечную Анну в этой нервной, исхудалой, преждевременно состарившейся женщине, одержимой любовью к двум людям: к старшему сыну, малолетнему королю Людовику XIV, и к кардиналу Мазарини.

Мазарини имел абсолютную власть над королевой, над ее мыслями и чувствами.

Все при дворе — и в народе — знали, что новый кардинал не чета умершему, что соблюдать целомудрие он и не думает, что между ним и королевой уже много лет существует любовная связь. Анна Австрийская изо всех сил старалась разубедить окружающих в том, что было совершенно очевидно. Она один раз даже разыграла приступ откровенности с герцогиней де Шеврез, заявив ей: «Хочу тебе признаться в том, что я люблю его, и люблю нежно; но мое отношение к нему не из области чувств; один лишь мой разум преклоняется перед мощью его интеллекта».

Но Мазарини проводил ночи в опочивальне королевы. Об этом немедленно доложил герцогине де Шеврез и всему двору камердинер Ла Порт. Непонятно, что так возмутило «верного» слугу, в прежние времена скрывавшего многочисленные интрижки венценосной госпожи...

Герцогиня де Шеврез неслыханно обиделась, узнав, что королева солгала ей и пыталась использовать то доверие, которое существовало между ними в былые времена, чтобы скрыть свой грех. Она не смогла скрыть своего возмущения и осуждения.

Заговорщики намеревались убить Мазарини, чтобы вернуть свое влияние на королеву. Когда эти планы были разоблачены, Анна пришла в ярость.

Герцог де Бофор был заключен под стражу и препровожден в Венсенский замок. Герцогиня де Шевраз снова отправилась в ссылку.

После этого некоторое время все шло своим чередом. И ничто не предвещало серьезных потрясений.

Как и полагалось, до семи лет Людовик рос в окружении женщин, рядом с матерью. «Он запросто играл с дочерью горничной своей матери. Малышка изображала королеву, а он прислуживал ей то в качестве пажа, то в качестве лакея. Узнав об этом, мать запретила ему изображать слуг и нашла ему более подходящих приятелей: сына герцога де Куалена, юного Вивонна, сына маркиза де Мортемара и других отпрысков благородных семей... — пишет еще один биограф Людовика Эрик Дешодт. — Король серьезен, терпелив, сдержан, и у него доброе сердце. Его находят немного медлительным. Впоследствии скажут, что он, будто наследка, высиживал свою власть. Его брат, герцог Анжуйский, отличается более живым нравом, и они часто ссорятся».

В то же время детство Людовика XIV совсем не было похоже на детство его сверстников. С самого раннего возраста из него растили короля, и все усилия воспитателей и учителей были направлены прежде всего на это. Если Людовик XIII воспитывался «в борделе» и то, что из него вырастет, никого особенно не волновало, то к воспитанию, и к

образованию будущего «короля-солнце» отнеслись со всей ответственностью.

Его лично контролировал кардинал Мазарини.

В марте 1646 года Анна Австрийская назначила Мазарини суперинтендантом при особе короля «чтобы он руководил его образованием и воспитанием» и маркиза Вильруа на должность его гувернера.

Луи было пять лет, когда аббат Ардуэн де Персфикс был назначен его воспитателем.

«Персфикс контролирует небольшую группу учителей: Жана Лебе (правописание), Лекамю (счет), Антуана Удена (итальянский и испанский языки), Давира (рисование), Бернара (чтение). Но воспитанием короля не занимаются ни Вильруа, куртизан, лишенный индивидуальности, ни Персфикс, церковнослужитель, больше ханжа, чем духовник. Только Мазарини, вопреки бытующему мнению, отнесся со всей серьезностью к своей должности суперинтенданта», — пишет Франсуа Блюш.

Через некоторое время Персфикс будет заменен на известного философа и члена Французской академии Франсуа де Ламотт-Лавуайе, талантливого педагога, который до того занимался воспитанием младшего брата короля.

Людовик не особенно любил учиться, ему больше пришлись по душе игры на свежем воздухе. Он любил танцы, игру в мяч и охоту. Много времени он отдавал спортивным упражнениям, сделавшим его в итоге физически сильным юношей.

«Специальный учитель посвящает короля в секреты военного мастерства, — пишет Ж.-К. Птифис, — обучая его

стрельбе из мушкета и владению пикой. Другой учит его обращаться с короткой и длинной пшлагами. Мазарини вслит построить для девятилетнего короля небольшой форт в саду Пале-Рояля, в котором Луи может на досуге играть с детьми своего возраста, входя в курс непростого умения разбивать лагерь. Военное дело — необходимый и важный элемент королевского образования».

Тем не менее Людовик прекрасно знал латынь и в 13 лет уже легко мог переводить главы из «Записок о Галльской войне» Цезаря. Он любил историю. Еще в раннем детстве Ла Порт читал ему вслух перед сном отрывки из «Истории Франции» Мезере, а позже Людовик с удовольствием читал сам главы из книги своего наставника Персефикса, посвященной истории короля Генриха Великого.

Людовика обучали игре на лютне, и у него неплохо получалось, хотя больше он предпочитал гитару и, как только выдастся возможность, берет уроки у лучших учителей.

Но главной задачей Мазарини было вырастить из Людовика короля.

И больше всего он уделял внимание именно этому.

Людовик присутствовал на заседаниях Королевского совета с очень раннего возраста и вовсе не бездумно, он старается во все вникать.

Он послушно и со всей ответственностью исполняет королевские обязанности.

Когда будущий «Великий Конде», а пока еще только герцог Энгиенский, одержал свою первую большую победу при Рокруа, Людовик даст ему аудиенцию, чтобы выразить благодарность.

«Газетт» в ответ на это пипсет: «Каждому было приятно видеть ласковое обхождение юного монарха с героем, оно показывало, на что можно надеяться, когда король достигнет более зрелого возраста».

«Следующей весной он, сидя в карете, присутствует на смотре своего швейцарского гвардейского полка в Булонском лесу; он уже вошел во вкус военных парадов. В Великий четверг 1645 года он моет ноги двенадцати бедным из своего прихода (Сент-Эташ) и обслуживает их за столом. Летом 1647 года по совету Мазарини Людовик едет с матерью осматривать границу: речь идет о том, чтобы мобилизовать дворянство, заставить всех в королевстве осознать силу испанской опасности, так как в этот момент осажденный Армантьер сдастся. А ведь этому королю, уже воину, всего лишь восемь лет», — пипсет Франсуа Блюш.

Людовику было девять, когда впервые его жизнь подверглась серьезной опасности. Он заболел оспой и едва не умер. Учитывая какими методами проходило в то время лечение — обычно это были бесконечные кровопускания и клизмы, ему пришлось вынести немало страданий, прежде чем сильный организм справился с недугом. Но несколько дней мальчик находился буквально между жизнью и смертью. И все свидетели тех ужасных дней единодушно восхищались его мужеством и смирением.

Точно с такой же твердостью Людовик будет бороться с недугами всю свою жизнь...

Анна Австрийская дни и ночи не отходила от постели сына и переживала так сильно, что как только мальчику стало лучше — сама слегла в горячке, к счастью не продол-

жительной. Очень беспокоился за здоровье короля и Мазарини. Хотя у Анны был еще один сын, в Луи уже было очень много вложено. Да и задатки у него были по-настоящему королевские. Тогда как в Филиппа Мазарини не верил. Он никогда не воспринимал его всерьез и не особенно обращал внимание на его воспитание. Что в общем-то странно, учитывая, насколько уязвима в ту пору была человеческая жизнь. Уверенность в том, что Людовик доживет до совершеннолетия, не могла быть абсолютной, однако почему-то ко вниманию это не принималось. Может быть, и Анна и Мазарини свято верили астрологам, предсказавшим королю долгую жизнь?

Глава 7

«ВЕЛИКИЕ КОРОЛИ НЕ БЫЛИ ВЗРАЩЕНЫ В РАДОСТИ»

Людовик был умным мальчиком с сильным характером, но вместе с тем он был чувствителен и часто неуверен в себе. Он крайне болезненно переживал неуважение к своей особе и к своей власти. Он боялся оказаться недостаточно хорошим королем.

Гражданская война, вспыхнувшая во Франции в 1648 году, была для Луи тяжелым испытанием, заставившим его почувствовать себя слабым и незащищенным, уязвимым перед разрушительной силой хаоса, но вместе с тем и воспитавшим в нем стойкость.

Как это ни ужасно, Фронда была лучшей школой для маленького короля, в совсем еще юном возрасте он научился понимать и принимать вещи, трудные и болезненные даже

для взрослого, чего уж говорить о ребенке. Понимать коварную сущность своих подданных, которые могут уверять в любви и преданности и тут же строят козни, предают, легко и непринужденно, заботясь исключительно о собственной корысти. Принимать тот факт, что верить никому нельзя и сегодняшние друзья завтра запросто могут стать врагами. А вчерашние враги... Их придется прощать, скрепя сердце, потому что так диктует политика. Слава богу, что за спиной у Луи все же были люди надежные как скала, всегда верно отстаивающие его интересы, на которых он слепо мог положиться. Самые близкие его люди — мать и крестный отец.

Войны никогда не случаются внезапно, и, конечно, Фронда не вспыхнула в один миг. Тридцатилетняя война измучила страну, для того, чтобы содержать армию, вводились все новые налоги, народ бедствовал, восстания вспыхивали то здесь, то там и случались все чаще. В какой-то момент упала последняя капля, и плотину просто прорвало.

«Уже в январе 1648 года появляются первые признаки гражданской войны, — пишет Э. Дешодт. — С 7 по 9 января несколько сотен торговцев с улиц Сен-Дени и Сен-Мартен протестуют перед Дворцом правосудия против новых налогов. В субботу 11-го направляющуюся на богослужение в собор Парижской Богоматери королеву осаждает толпа из двухсот женщин и с вошлями следует за ней до собора. В ночь с 11-го на 12-е на улице раздаются выстрелы. 12-го излечившийся от оспы Людовик должен идти в собор, дабы возблагодарить Господа за выздоровление. Вид сопровождающего его внушительного отряда телохранителей лишь усугубляет недовольство толпы».

Умер великий Ришелье, разжалась рука, надежно державшая в повиновении и парламент и знать. Король был мал... Регентша не внушала особого почтения... А сс первый министр и вовсе вызывал одно лишь возмущение и отвращение. Как это так: какой-то выскочка, итальянский пройдоха вознамерился править Францией!

Французский парламент был далек от того, чтобы принимать решения столь же суровые, как парламент в Англии, низложивший королевскую власть и поставивший во главе страны лорда-протектора, и все же пример Туманного Альбиона весьма вдохновлял.

13 мая 1648 года парламент призвал судебные палаты собраться, чтобы провести общую государственную реформу для спасения королевства.

И одной из самых важных задач на повестке дня являлось — спасти короля от влияния Мазарини.

Из страха оказаться заложниками у толпы, Анна и Мазарини вынуждены тайно бежать из Парижа, они увозят короля и его брата в Рюэль, бывшую резиденцию Ришелье, одновременно с этим приказывая победителю при Рокруа принцу Конде осадить мятежный Париж.

В Венсенском замке герцог Бофор кусает локти от досады. Как же так: в столице мятеж, а он не может принять в нем участие? Как только выдастся возможность, он совершает побег и присоединяется к фрондерам.

Парижане хоть и испуганы, но не собираются сдаваться, Конде понимает, что четыре тысячи его солдат не смогут взять город штурмом и навести порядок, о чем и заявляет королеве.

Анна Австрийская в ярости. Но она вынуждена идти на уступки. Она возвращает детей в Париж. Она соглашается подтвердить силу принятого парламентом закона, отдающего королевскую власть под его контроль. Чуть позже она отомстит за свое унижение... и отомстит жестоко...

Тридцатилетняя война закончилась подписанием Вестфальского мира, армия теперь свободна от военных действий на чужой территории и имеет возможность послужить своему королю в самом сердце его государства. Верный Конде, прекрасный Конде, ведет к Парижу двенадцатитысячную армию. Вот теперь мятежный город получит сполна.

И снова Анна, Мазарини и дети тайно покидают город.

«В морозную ночь с 5 на 6 января, после праздника Богоявления, они прибывают в Сен-Жермен, — пишет Эрик Десподт. — Ледяной холод царит в Шато-Вье, где они останавливаются; кое-где в окнах нет стекол».

В комнатах нет мебели, королевской семье и придворным приходится спать на полу, на тюфяках, набитых соломой, на рваных простынях. Зато Сен-Жермен — практически неприступная крепость. Замок стоит на вершине горы, у подножия его несет свои воды Сена. Взять его в осаду практически невозможно.

Вынужденные вести такой походный образ жизни придворные жалобно стонут. Король и его брат серьезны и сосредоточены, — они понимают всю сложность своего положения. На неудобства не обращают внимания только два человека — Анна Австрийская и Мазарини. Они свободны. Они имеют возможность действовать.

Парламент «именем короля» требует изгнания Мазарини и возвращения Людовика в столицу.

Конде берет Париж в блокаду.

Уезжая из столицы, регентша и ее первый министр забрали с собой большую часть королевской казны, у них есть возможность платить солдатам, но те и без того не бедствуют.

«В деревнях близ Парижа насмники Конде, которым не спешили платить, вели себя как в завоеванной стране: разоряли церкви, насиловали девочек девяти-десяти лет, жгли и разрушали дома, убивали мужчин и женщин, воровали и уносили все, что могли, и портили то, что не могли унести с собой, — пишет Людмила Ивопина. — Свидетельства этих ужасов оставили парижские священники. Аббатиса Пор-Рояля де Шам мать Анжелика писала аббатисе Пор-Рояля в Париже: “Ужасную картину представляет собой эта несчастная страна... солдаты врываются на фермы, забирают зерно, не оставляя бедным труженикам даже крох, которые они просят как подаяния. Нет никакой возможности послать вам хлеба и достать его для самих себя. Крестьяне вынуждены скрываться в лесах, и они счастливы, если хоть там сумеют избежать смерти...”

Мазарини не мог не пойти на крайние меры — только так можно было удержать близ Парижа насмников Конде. Кто думал тогда о бедном народе! По сути, каждый думал о собственном положении, выживании и состоянии».

В огромном городе практически нет припасов, и очень быстро начинается голод. Да и зима в этом году такая суровая, что даже Сена покрылась льдом. Парламентарии умо-

ляют королеву пропустить в Париж обоз с зерном, но та несприсклонна. Она требует капитуляции.

Тут в очередной раз отличился любимец народа герцог де Бофор.

Благодаря его отваге в город прорывается значительный обоз с продовольствием.

«Обоз попытались остановить королевские войска под началом Нерлье, — пишет Людмила Ивонина. — У деревни Витри завязался упорный бой, в котором Нерлье был убит. Обоз прошел, Париж воспрянул духом. Более ста тысяч горожан вышли встретить победителей во главе с герцогом де Бофором. Герцога, словно триумфатора, проводили до ратуши под приветственные крики толпы».

Внук Генриха IV на их стороне!

Все это внушает уверенность, дает надежду на победу.

Париж бунтует и клочечет ненавистью к хитрому временщику, подчинившему себе королеву, которая настолько ослеплена страстью, что не желает замечать, как губит страну.

Доктор Ги Патен пишет: «Все время продолжается печатание новых пасквилей на Мазарини и на всех, кто примыкает к его несчастной партии, и в стихах, и в прозе на французском языке и на латинском, хороших и плохих по качеству, сдких и сатирических; все бегут за публикациями как на пожар, и никогда ничего так не правилось, как то, что говорится и делается против этого несчастного тирана, мошенника, старьевщика, комедианта, фигляра, итальянского разбойника, которого все сообща проклинали». Проклятия все громче, цены растут каждый день.

В июле пресса выпускает печальный памфлет «Полог
ложе королевы», написанный александрийским стихом в
грубых выражениях, автор в нем развивает тему, в кото-
рой Мазарини выступает в роли любовника Анны Ав-
стрийской: «Народы, не сомневайтесь больше, это прав-
да, что он ее с...».

Маленький король не читает памфлеты, но до него,
разумеется, долетают брызги всей этой грязи, заставляя
страдать и укрепляя в нем все больше неприязнь к жите-
лям столицы. Эти нанесенные в детстве травмы до конца
не заживут никогда, Людовик так и не сможет простить
и полюбить Париж. Он будет сбегать из него при первой
же возможности, а потом и вовсе бросит, переселившись
в Версаль.

Не добившись того, чтобы король своей волей изгнал
Мазарини из Франции, парламент объявил его вне закона.
«Виновник всех беспорядков, возмутитель общественного
спокойствия, враг короля и государства» должен как мож-
но скорее покинуть страну, если же он этого не сделает —
каждый честный француз обязан приложить все усилия,
чтобы убить его, словно бешеного пса.

«Нетрудно себе представить возмущение Джулио пове-
дением парламента, — пишет Людмила Ивопина. — В пу-
стой комнате Сен-Жермена он рвал на себе дорогую одеж-
ду и волосы, метался из угла в угол как загнанный зверь.
Подобного сопротивления он не ожидал. Джулио заметно
похудел, как будто он сидел без хлеба, а не парижане, но не
позволял королеве видеть свое отчаяние. Они вместе раз-
мышляли, как найти выход из положения».

Нсизвестно чем закончилось бы противостояние королевы и Парижа, если бы на сторону Фронды не перешел один из виднейших восначальников Франции маршал Тюренн. Это был жестокий удар... Анне пришлось соглашаться на уступки. И 11 марта она подписала с парламентом мирное соглашение.

Это лишь временная передышка.

Мазарини принимает меры: армия Тюренна подкуплена и больше не представляет угрозы. Сам маршал был вынужден бежать.

Но король уже возвращается в столицу, и народ приветствует его с восторгом и обожанием. Парижанам вернули их сокровища. Маленький Луи так хорош собой, что похож на ангелочка и вызывает всеобщее умиление. Король улыбается толпе — потому что так надо, — но в глазах его ненависть и страх. Он уже знает, на что способны его «добрые поданные», и вряд ли его могут обмануть их радостные вопли.

Счастье народное так велико, что даже Мазарини временно не вызывает ненависти. Это ничего не значит. Просто парижане в эйфории, ведь примирение враждующих сторон — это возможность хотя бы какое-то время пожить в мире, вернуться к работе, досыта накормить детей.

Конде упивается манисей величия. Он считает, что сделал очень много для короля и требует того, чего лишили его отца — главенствующего места в Королевском совете, возможности править государством. Королева благодарна ему и во многом идет на уступки, хотя это и вызывает у нее

раздражение. Конде требует все больше и больше. В конце концов он становится просто невыносим...

5 сентября 1649 года в Ратуше бал по случаю одиннадцатилетия короля. Конде пользуется случаем, чтобы в очередной раз доказать свою значительность. Но на сей раз он совершает непростительную ошибку, он посягает на святое: на правила этикета, требуя для супруги своего друга принца Марсийяка «права табуретки», то есть возможности сидеть в присутствии королевы, а также права въезжать в Лувр в карете. Правом этим доселе пользовались лишь герцоги и пэры, а Марсийяк таковым вовсе не являлся, поэтому требования Конде вызвали возмущение не только у ее величества, но и у всех придворных. Политика — одно дело, но нельзя же нарушать этикет! Конде был сурово осужден обществом и вынужден отступить, что для героя Рокруа было совершенно невыносимо. Во всех своих несчастьях он винит Мазарини и, чтобы разлучить с ним Анну, измышляет совершенно идиотскую интригу: подговаривает своего друга, красавца и щеголя маркиза де Жарзе, притвориться влюбленным в королеву и начать за ней ухаживать.

— В возрасте Ее Величества начинают интересоваться юношами, — уверил Конде маркиза. — Постарайтесь быть с ней как можно более обходительным, и ваша будущность обеспечена.

Но Анна быстро поставила де Жарзе на место. Как-то раз, во время торжественного приема, когда маркиз, как всегда, стоял неподалеку, бросая на «предмет чувств» томные взгляды, Анна прервала беседу и раздраженно сказала: «Господин де Жарзе, вы ставите себя в смешное положение».

нис. Мне сказали, что вы влюблены. Посмотрите на себя со стороны. У вас жалкий вид. Вас следовало бы отправить в больницу для умалишенных. И я несколько не удивлена вашему безумству. В вашем роду уже случалось нечто подобное». Маркиза словно молнией поразило, а потом он поспешил покинуть залу, чтобы никогда после не появляться при дворе.

Выносить Конде становилось все сложнее, в какой-то момент терпение Анны Австрийской иссякло. 18 января 1650 года принц Конде, его брат Конти, а также их зять герцог де Лонгвиль были арестованы в Пале-Рояле, куда явились на заседание Королевского совета, и препровождены в Венсенский замок.

Временно лояльный законному правительству Гастон Орлеанский радостно заявил на это: «Прекрасно расставленная западня! В одну сеть попали лев, обезьяна и лис!»

В тот знаменательный день Фронда перешла в свою вторую, совершенно безумную и фесрическую стадию.

Глава 8

ЛЕВ, ОБЕЗЬЯНА И СУПРУГА ЛИСА

Луи де Бурбон, принц Конде, получивший свой титул, а также звание «первого принца крови» после смерти отца в декабре 1646 года, был, безусловно, талантливым военачальником, великолепным тактиком и храбрым солдатом. Что не мешало ему быть бездарным стратегом и совершеннейшим глупцом, когда дело касалось вопросов политики.

Он родился 8 сентября 1621 года в Париже. Старший сын и наследник самой высокопоставленной и самой близкой к королевскому дому семьи был обожаем и матерью и отцом. Он с детства подавал большие надежды и получал великолепное образование. Луи обучался в иезуитской коллегии Святой Марии в Бурже. И уже в десять лет свободно говорил на латыни, греческом и испанском языках. Читал философов. Осваивал естественные науки. В 15 лет он поступил в военную академию в Париже. И уже в 17 лет успешно начал военную карьеру.

Луи никогда не был красавцем, но умел быть обаятельным, и в глазах его горел некий огонь, привлекательный для женщин. Хотя, конечно, не последнее значение имели и знатность, и богатство, и воинская слава.

Бюсси-Рабютен так описывает Конде в своей «Любовной истории галлов»: «У принца Тиридата были живые глаза, орлиный нос с узкими ноздрями, выпалые щеки, длинное лицо, выражением напоминавшее орла, вьющиеся волосы, кривые желтоватые зубы, небрежный и неухоженный вид, стройный стан. Принц обладал искрометным умом, но не отличался здравомыслием. Он много смеялся весьма неприятным смехом. Природа одарила его замечательными способностями, особенно к военному делу. В день битвы он бывал чрезвычайно приветлив с друзьями и надменен с врагами. Никто не мог с ним сравниться четкостью и силой мысли, быстротой решения. В важных случаях ему были свойственны верность и честность. Он родился дерзким и непочтительным, однако превратности судьбы научили его сдерживаться».

Госпожа де Моттвиль описывает Конде сходным образом: «У принца был орлиный нос, некрасивый большой рот и кривые зубы, однако во всем его лице сквозило что-то величественное и гордое, что делало его похожим на орла».

Еще в 1633 году в возрасте двенадцати лет Луи был помолвлен с пятнадцатилетней племянницей кардинала Ришелье Клэр-Клеменс де Майе. И в феврале 1641 года, незадолго до смерти его преосвященства, состоялась свадьба. Луи не питал нежных чувств к невесте и пытался протестовать, но отец не желал его слушать. Соблюдение договоренностей подобного рода — дело чести, к тому же за Клэр-Клеменс давали отличное приданое.

Некоторые историки предполагают, что, заключая этот союз, Ришелье преследовал далеко идущие цели, желая ослабить опасный для короны род Конде. Дело в том, что его родная сестра Николь, мать Клэр-Клеменс, страдала психическим заболеванием. Ей казалось, что она сделана из хрусталя, и боялась «разбиться», поэтому ее сложно было уговорить сесть или лечь, не говоря уж о более сложных и потенциально травматичных действиях. Клэр-Клеменс было пять лет, когда ее навсегда разлучили с матерью. Та была заперта в замке Милли в Анжу, где и прожила до самой своей смерти.

По описаниям, Клэр-Клеменс была очень мала ростом и некрасива, и — что самое печальное — она унаследовала болезнь своей матери, которая принесла несчастья роду Конде. Единственный выживший сын супругов Анри-Жюль страдал припадками ярости, которыми третировал жену — чрезвычайно набожную и милую женщину — детей и слуг.

А под конец жизни он и вовсе «заболел ликантропией». Что это значит? Вообразал себя волком? Всех кусал? С тех пор те или иные психические отклонения передавались в роду Конде из поколения в поколение, пока он и вовсе не утас...

Луи никогда так и не полюбил свою жену, более того — вскоре после женитьбы он потребовал аннулировать брак, потому что без памяти влюбился в другую женщину — Марту де Пуссар дю Вижан, и та отвечала ему взаимностью. Из этой затеи ничего не вышло. И в конце концов поняв, что женой принца сй не стать, Марта постриглась в монахини.

В 1643 году в возрасте 22 лет принц Конде, — впрочем, тогда еще герцог Энгиенский, — одержал поистине великую победу при Рокруа, разгромив испанскую армию и тем самым практически сломав хребет главному врагу Франции в Тридцатилетней войне. Трудно переоценить такую победу.

Луи вернулся в Париж героем, обожасмым народом и знатью, был обласкан королем. Перипетии народных волнений некоторое время не трогали его, принц упивался сиянием своей полководческой славы, и ему этого было достаточно.

Возможно, с пути истинного его свернула любимая сестра.

Анна-Женевьева была старше Луи на два года. Главная вдохновительница и самая деятельная участница Фронды появилась на свет в Венсенском замке, где в то время из-за противодействия Кончини томились в заточении ее родители.

Может быть, именно этот факт и повлиял на неискоренимость сс бунтарского духа?

В 1642 году Анну-Женевьеву выдали за герцога де Лонгвиля, который был старше ее в два раза. Как и брату, ей не повезло с замужеством. Но Анна-Женевьева отнюдь не унывала, сс деятельная натура не была создана для того, чтобы сидеть в четырех стенах и рожать детей. Да и хранить верность старому мужу она не собиралась.

В романе «Двадцать лет спустя» герцогиня де Лонгвиль любовница Арамиса — Дюма всегда подкладывал в постель будущего генерала Иезуитского ордена самых отчаянных интриганок. Сначала это была герцогиня де Шеврез. Потом ее сменила герцогиня де Лонгвиль. Арамису всегда доставалось самое лучшее. О чем немало печалился д'Артаньян, отчаянно завидуя.

«В самом деле, герцогиня де Лонгвиль могла хоть кого заставить задуматься: она была одной из знатнейших дам королевства и одной из первых придворных красавиц. Ее выдали замуж за старого герцога де Лонгвиля, которого она не любила. Сперва она слыла любовницей Колиньи, убитого впоследствии из-за нее на дуэли посреди Королевской площади герцогом де Гизом; потом говорили об ее слишком нежной дружбе с принцем Конде, ее братом, и стыдливые души придворных были этим сильно смущены; наконец, говорили, что эта дружба сменилась подлинной и глубокой ненавистью, и в настоящее время герцогиня де Лонгвиль была, по слухам, в политической связи с князем де Марсильяком, старшим сыном старого герцога де Ларош-

фуко, которого она старалась натравить на своего брата, господина герцога де Конде.

Д'Артаньян думал обо всем этом. Он думал, что в Лувре он часто видел проходившую мимо него ослепительную, сияющую красавицу, герцогиню де Лонгвиль. Он думал об Арамисе, который ничем не лучше его, а между тем был когда-то любовником герцогини де Шеврез, игравшей в прошлое царствование ту же роль, как теперь мадам де Лонгвиль. И он спрашивал себя, почему есть на свете люди, которые добиваются всего, чего желают, будь то почести или любовь, между тем как другие застревают на полдороге своих надежд — по вине ли случая, или от незадачливости, или же из-за естественных помех, заложенных в них самой природой».

Александр Дюма «Двадцать лет спустя»

Насчет «слишком нежной дружбы» Анны-Женевьевы с принцем Конде слухи и впрямь ходили, брат и сестра были действительно очень привязаны друг к другу. Но так как доказательств «порочности» их отношений ни у кого не было, все эти предположения так и остались домыслами.

А кардинал де Рец в «Мемуарах» их даже с возмущением отрицает: «Вы понимаете сами, что свету не надобно большего, чтобы сочинить вздорные пояснения к истории, побудительные причины которой оставались загадкой. Я никогда не мог в них проникнуть, но всегда держался убеждения, что все, говоренное об этом при дворе, было неправдою, ибо, примешайся и впрямь к их дружбе любовная страсть, принц де Конде никогда не сохранил бы к се-

стре нежности. Страстная любовь к герцогине де Лонгвиль принца де Конти бросила на эту семью тень кровосмешения, на деле незаслуженную».

Не совсем понятна логика утверждения, что любовная страсть не позволила бы брату и сестре сохранить нежность отношений. Казалось бы, напротив... Но Поль де Гонди был довольно близко знаком с обоими, так что будем считать, что ему виднее.

Упомянутый им принц де Конти — младший брат Конде. Судьба обошлась с ним излишне сурово. Природа не озаботилась тем, чтобы поделить свои дары поровну между отпрысками Генриха Конде, и наделила множеством достоинств двоих старших его детей и вручила сплошные недостатки младшему. Арман родился очень слабеньким и болезненным. Помимо того, что он был нехорош собой, — напомним, Луи тоже не блистал красотой, — он был еще и горбат и не обладал никакими выдающимися талантами, вынужденный вечно находиться в тени своего великолепного брата. Как второму сыну в семье, да еще и слабому здоровьем, Арману прочили духовную карьеру. Но как только выдалась возможность, он тут же сбросил сутану и взял в руки шпагу. Принц Конти был такой же отчаянный фрондер, как и его сестра. И он действительно любил ее всем сердцем. Любил — и ревновал к брату. Так же, как ревновал к нему удачу, славу и талант.

Конде и герцогиня Лонгвиль очень любили друг друга, но это совсем не мешало им поначалу находиться по разные стороны баррикад. Только представьте себе: принц с армией осаждает Париж, в стенах которого его сестра с другими

знатными дамами, столь же пламенными фрондерками, воодушевляют народ держаться стойко и не сдаваться.

Вот еще один отрывок из «Мемуаров» де Реца: «Хоть ветряная оспа и умалила красоту герцогини де Лонгвиль, однако сохранила ей весь ее блеск, а красота герцогини Бульонской, хотя и несколько поблекшая, все еще оставалась ослепительной. Представьте же себе на крыльце ратуши этих двух красавиц, еще более прекрасных оттого, что они казались неубранными, хотя на самом деле туалет их был тщательно обдуман.

Каждая держала на руках одного из своих детей, таких же прекрасных, как их матери. Гревская площадь была запружена народом, взобравшимся даже на крыши. Мужчины кричали от восторга, женщины плакали от умиления. Такие сцены были частыми в январе 1649 года».

Все это выглядит как какая-то игра.

Интересное захватывающее приключение, в которое скучающие знатные дамы погрузились с головой и которому отдавались всем сердцем.

Зачем бы еще было нужно им это фрондерство?

После подписания мирного соглашения с парламентом и ареста ее мужа и братьев приключения герцогини де Лонгвиль продолжались и были не менее захватывающими, чем в осажденном Париже. Она бежала в Нормандию, провинцию, в которой ее муж был губернатором, где попыталась поднять восстание против короля. Но парламент Руана весьма прохладно отнесся к ее пламенным призывам.

После того как королевская армия вошла в Руан, герцогиня бежала в Гавр, но город не открыл перед нею ворота.

Анна-Женевьевна устремилась в Дьепп и укрылась в замке верных ей людей. Но он был осажден. И снова герцогиня пустилась в бегство. На сей раз в приморский городок Пурвиль, где напаяла судно.

Надвигалась буря, и матросы не сразу согласились выйти в море, однако герцогиня была настойчива: она гораздо сильнее опасалась гнева Анны Австрийской, чем буйства стихии. Корабль не мог подойти близко к берегу, и один из матросов поднял герцогиню на руки, чтобы отнести на борт. Однако сильная волна сбила его с ног. Анна-Женевьевна упала в воду и едва не утонула. К счастью, ее все же успели вытащить на берег. Едва оправившись от потрясения, она хотела предпринять еще одну попытку взойти на борт корабля, но тут уж матросы наотрез отказались ее слушать. Пришлось герцогине путешествовать по суше.

В конце концов прекрасная бунтарка оказалась в Голландии, где эрцгерцог Леопольд не только принял ее, но и пообещал отдать в ее распоряжение свою армию. Почему бы и нет, — раз герцогиня де Лонгвиль собиралась восвать с королем Франции.

Тем временем принц Конде скучал в Венсенском замке.

Не зная, чем бы развлечь себя, он разбил под окнами грядки и выращивал гвоздики, ухаживая за ними с большой любовью и нежностью и радуясь каждому распустившемуся цветку ничуть не меньше, чем победам на поле боя.

Писательница Мадлен де Сюдери, настолько обожавшая принца, что даже написала с него образ Кира Велико-

го, однажды посетила Конде в Венсенне и пришла в крайнее умиление от этой трогательной заботы о цветах.

Позже она написала: «При виде этих гвоздик, которые славный воин поливает своей победоносной (выигравшей столько сражений) рукой, вспомни, что и Аполлон строил стены, и не дивись видеть Марса садоводом».

Пока Марс занимался садоводством, его супруга Клэр-Клеманс организовывала восстание в Бордо.

Узнав об этом, Конде пришел в изумление и воскликнул: «Не чудеса ли! В то время как испытанный воин растит старательно свои гвоздики, жена его ведет ожесточенную политическую войну и выходит из нее победительницей!»

С той поры красная гвоздика стала эмблемой приверженцев Конде и служила выражением преданности не только ему самому, но и всему дому Бурбонов.

Париж ненавидел Конде за недавнюю осаду и грабежи предместий.

Париж простил Конде тотчас же, как только его лишили свободы.

«Освобождения Конде, Контти и герцога де Лонгвиля требуют все, — пишет Ж.-К. Птифис. — Почему их удерживают в заключении? — ведь против них невозможно возбудить процесс в правильной надлежащей форме! В иерархическом обществе того времени принц крови — персона почти сакральная. Узник Конде в глазах общества неожиданно обретает все возможные добродетели, вмиг забыты его неуступчивость, надменность и высокомерие, теперь о нем говорят не иначе, как о жертве “тирании” презренного

“итальянца”. “Долой Мазарини!” — во весь голос восклицают все».

Гастон Орлеанский тоже вдруг начал ратовать за освобождение принцев. Ему к тому времени надоело быть верным королю и хотелось снова побунтовать, но он никак не мог решиться сделать это открыто и долго метался из стороны в сторону. Эти метания были настолько очевидны, что маленький Людовик однажды не удержался.

— Мой добрый дядя, — сказал он ему, — мне нужно, чтобы вы признались, к чьей же партии — моей или господина принца — вы желаете примкнуть.

И когда опшломленный Гастон пытался уверить его в своей преданности, продолжил:

— Мой милый дядя, раз вы хотите быть в моей партии, сделайте так, чтобы я не сомневался в этом.

Это почти мольба. Это попытка призвать родного человека вести себя так, чтобы на него можно было опереться. Но наивно ожидать от герцога Орлеанского, что он когда-либо переменится...

В январе 1651 года президент парламента является к королеве и в не самых почтительных выражениях ходатайствует об освобождении припцев. Королева слушает его с застывшей на губах улыбкой. Маленький Людовик шокирован и возмущен.

— Мама! — восклицает он после ухода парламентария. — Если бы я не боялся прогневить вас, я бы трижды велел президенту умолкнуть и выйти!»

Обстановка в Париже снова накалена до предела.

Опасаясь за свою жизнь, Мазарини вынужден бежать. 6 февраля 1651 года, переодевшись кавалеристом, кардинал тайно покинул Пале-Рояль и отправился в Сен-Жермен. Королева и дети должны были присоединиться к нему там, но на сей раз вывезти Людовика из Парижа не удастся. Добрый дядя Гастон и Поль де Гонди перешли на сторону бунтовщиков. И стерегут короля как зеницу ока.

В ночь на 10 февраля Анна Австрийская и дети уже готовы к побегу, но кто-то их предал. Парижане приходят в волнение: пополз слух, что у них снова собираются отнять короля. Говорят даже, что короля уже нет в Пале-Рояле. Тщетно Анна Австрийская пытается убедить толпу, что король спокойно спит в своей постели. Ей не верят. У нее требуют доказательств. И Анна сдастся — она репашет допустить всех этих кипящих от ярости людей в спальню сына, она понимает, что если будет упорствовать — они попытаются войти сами и начнется резня...

Эта ночь навсегда останется самым ужасным детским воспоминанием Людовика.

Он не забудет никогда, как полностью одетый лежал в своей постели, застыв от страха, и притворялся спящим, когда какие-то люди топтались вокруг его кровати. Их злоба утихла сразу же, когда они увидели маленького Людовика, они снова умилялись тому, как он хорош и как похож на ангелочка. Они не сознавали, как сильно унизили своего короля, заставив его почувствовать в очередной раз свое бессилие и беззащитность.

Анна Австрийская тоже чувствует бессилие и опустошенность.

Теперь и она, и король заложники у фрондеров и у парламента.

Ей не останется ничего иного, как подписать приказ об освобождении принцев.

И Конде с триумфом въезжает в Париж.

«Он намеренно держит себя вызывающе по отношению к Анне Австрийской, — пишет Эрик Дешодт. — 31 июля, проезжая вместе с герцогом де Немуром по Кур-ла-Рен и встретив карету короля, он не останавливается, что является неслыханной дерзостью. Людовик в ту пору не правится Конде: он считает короля вялым и глупым. Придет день, когда он вынужден будет признать, что заблуждался».

И этот день наступит уже скоро.

Не за горами совершеннолетие короля.

Период регентства заканчивался, Анна Австрийская и Мазарини ждали этого с нетерпением, рассчитывая на то, что смутам наступит конец. Совершеннолетний король уже не нуждается в опеке своих подданных, он может править сам и сам принимать решения, кого он хочет видеть в кругу своих друзей и советников.

Мазарини в изгнании, он вынужден покинуть Францию и уехать в Германию, где живет у архиепископа-курфюрста Кельнского и ведет постоянную переписку с королевой, поддерживая ее, давая советы и утешая в одиночестве.

То, что творилось в те дни в Париже, понять было практически невозможно. Принцы метались, принимая то одну, то другую сторону, заключали тайные коалиции, и тут же разрывали их, чтобы создать новые.

«Мне крупно повезет, если среди этих интриг и предательств я не сойду с ума... Я теряюсь среди бесконечного числа лиц, ведущих переговоры», — писал Мазарини королеве из-за границы.

А принцы во всю развлекались, пока Джулио пытался разобраться в их политических играх, они сочинили указ, где приговорили его к смертной казни:

...за то, что он, прибегая к различным ухищрениям, сорвал заключение Всеобщего мира;

за то, что совершил множество убийств, чему есть достаточно доказательств;

за то, что похитил и вывез за пределы Франции деньги короля;

за то, что открыто продал бенсфиции, вакантные со времен регентства;

за то, что хотел уморить голодом город Париж и из-за ненависти решил пожертвовать горожанами;

за то, что тайно собрал хлеб королевства и продал врагам государства;

за то, что чарами и колдовством пагубно влиял на разум королевы;

за то, что нарушил обычаи Франции и преступил все божеские и человеческие законы;

за то, что признан виновником гражданских войн, длившихся два года;

за то, что обложил налогами подданных короля и тиранически выбивал из них огромные суммы денег.

Все это было установлено, доказано и проверено всеми парламентами Франции и квалифицировано как преступле-

ние против Его и Ее Величеств. Виновник был приговорен к повешению и удушению руками палача, а поскольку пока не был пойман и задержан, его портрет привязали к виселице и выставили на двадцать четыре часа в общественных местах и на площадях, где казнят преступников, а именно на Гревской площади, у Парижских ворот, у Центрального рынка, на площади Мобер, там, где кончается Новый мост. Настоящий указ был прочитан и развешан в Париже третьего ноября тысяча шестьсот пятидесятого года».

Париж в руках Конде, и он чувствует себя здесь хозяином.

На что он рассчитывает, понять сложно.

Он не собирается устраивать переворот и захватывать власть. Он говорит: «Я Бурбон и никогда не стану распатывать трон». И между тем он хочет править государством, быть первым министром у Людовика XIV, таким же, как некогда Ришелье был у его отца.

Понимая, что своими силами ему ничего не добиться, Конде обратился к Испании, — к той самой Испании, армию которой он разбил при Рокруа, — за помощью в борьбе с французским королем! Ход странный, непонятный и близкий к идиотизму... Французы ненавидят Мазарини, но еще больше они ненавидят Испанию, это старинная, генетическая ненависть. К тому же Франция и Испания до сих пор в состоянии войны. И если до того к Конде было просто неприязненное отношение (после того, как он получил свободу, парижане перестали его любить), то теперь этот предатель вызывает отвращение.

Дело закончится тем, что Конде покинет Париж, соберет армию и при поддержке испанцев будет захватывать города и разорять провинции, бессмысленно и беспощадно. В один прекрасный момент он будет разбит Тюренном и вынужден будет бежать к своим друзьям. При дворе испанского короля Филиппа IV он проведет несколько лет, страдая, раскаиваясь и желая вернуться на родину, где он справедливо назван изменником и где ему грозит смертная казнь. Филиппу IV, видимо, невозможно печально наблюдать это унылое зрелище, поэтому он всячески будет ратовать за то, чтобы Конде был прощен. Он даже поставит этот пункт в соглашение к договору о Пиренейском мире, который Франция и Испания заключат в 1659 году. Мазарини, слишком счастливый своим политическим триумфом, уговорит Людовика XIV разрешить Конде вернуться. Король вернет Конде его владения. А спустя еще восемь лет он даже снова возьмет его к себе на службу. И Конде совершит еще немало успешных военных операций во славу французской короны. Он действительно будет искренне раскаиваться в ошибках молодости... И король будет уверять его, что простил... Но вряд ли так и было на самом деле.

Глава 9

ГЕРЦОГ ДЕ БОФОР: КОРОЛЬ РЫНКОВ

Описывая события Фронды, совершенно преступно было бы не рассказать чуть подробнее о герцоге Бофоре, ибо он очень деятельно в ней участвовал. И был, пожалуй, самым любимым принцем у парижан. Отчаянно

храбрый, красавчик, и вместе с тем простой в общении и близкий к простому народу. Как такого не любить?

Франсуа де Вандом, герцог де Бофор, родился 16 января 1616 года и был вторым сыном Сезара де Бурбона, незаконнорожденного и однако же официально признанного сына Генриха IV и Габриэль д'Эстре.

Не получив ни подобающего аристократу воспитания, ни образования, Бофор был груб в манерах и до крайности косноязычен, что тоже безмерно трогало и умиляло парижан.

«Часто в разговоре герцог де Бофор употреблял одно слово вместо другого, созвучного. Так, об одном человеке, получившем контузию, он сказал, что его “сконфузило”; а, встретив однажды г-жу Гриньян в трауре, рассказал об этом в следующих словах: “Я видел сегодня г-жу Гриньян, она имела очень печальный вид”, но вместо *lugubre* (печальный), он сказал *lubrique* (похотливый). Поэтому и г-жа Гриньян, со своей стороны, описывая одного немецкого вельможу, заметила: “Он очень похож на герцога де Бофора, только лучше его говорит по-французски”», — пишет Александр Дюма в книге «Жизнь Людовика XIV».

Про него даже была сочинена сатирическая песенка:

Гремит он и сверкает в сече,
Своим врагам внушая страх;
Когда ж его мы слышим речи,
У всех усмешка на устах.
Гастон к сраженьям непривычен,
Зато слова ему легки.

Зачем Бофор коспоязгычен?

Зачем Гастон лишен руки?

Эта песенка упоминается в романе «Двадцать лет спустя», в нем Дюма описывает герцога с явной симпатией и даже восхищением. Рассказ о пребывании Бофора в Венсенском замке совершенно великолепен и, главное, — вполне достоверен. Разве что в организации побега его высочества из заточения не принимали участия ни Атос, ни его слуга Гримо.

История его побега действительно чрезвычайно занятна. Неизвестно, произошел бы он или нет, если бы не предсказание некоего астролога по имени Гуазель, заявившего, что герцог Бофор покинет Венсенский замок, да еще непременно в Духов день. Грех было не воспользоваться такой возможностью. Тем более, что в заточении Бофор отсидел уже пять лет и тюрьма ему порядком надосла, хотя он и не испытывал никакой нужды или дискомфорта, все же там было порядком скучно.

«Не имея при себе ни одного своего лакея, он обращался то к одному, то к другому стражу тюрьмы с просьбой тайно выпустить его, но как ни были соблазнительны обещания де Бофора, стражи не соглашались. Тогда герцог обратился к лакею самого ла Раме Вогримону. Тот принял предложение, притворился больным, чтобы иметь право отлучиться из тюрьмы и, спрятав в карман записку, написанную герцогом своему управляющему, немедленно отправился к последнему за получением от него суммы, которая была наградой за измену. Управляющий герцога, узнав о

намерениях своего господина, уведомил его друзей и просил их быть готовыми подать, в случае нужды, помощь. Подкуплен был также повар замка, который пообещал спрятать в первый же пирог на стол герцога веревочную лестницу и два кинжала.

Вогримон, сообщив все герцогу, взял с него клятву, что тот не только возьмет его с собой при побеге из тюрьмы, но и во всех опасных случаях позволит ему спастись первому.

Накануне Духова дня к столу де Бофора был подан пирог. Так как за обедом герцог ел мало и к ночи мог проголодаться, то пирог оставили в его комнате. Ночью герцог встал, разрезал пирог и вынул из него не только веревочную лестницу, но и два кинжала, моток крепких веревок и деревянный кляп.

На другой день, то есть в день Сошествия Святого Духа, герцог, не желая вставать с постели, притворился больным и отдал свой кошелек стражам, чтобы они выпили за его здоровье. Стражи испросили позволения ла Раме, который разрешил им пить за здоровье герцога, поскольку при нем он останется сам. Стражи ушли.

Герцог де Бофор, оставшись с ла Раме один на один, встал с кровати, начал одеваться и попросил смотрителя помочь ему. Когда де Бофор оделся и стал расчесывать свои длинные волосы, вошел Вогримон и они обменялись условными знаками. Потом герцог выхватил из-за пояса кинжал, приставил его к горлу смотрителя, грозя убить, если только он пикнет, а лакей всунул в его рот кляп. Затем они связали смотрителю руки и ноги серебряным с золотой

вышивкой шарфом герцога, положили его на пол и выбежали из комнаты, крепко заперев за собой дверь. Выйдя на галерею, окна которой находились прямо над рвом, они прикрепили веревочную лестницу к одному из окон и приготовились спускаться. Де Бофор собрался было начать спуск, но Вогримон остановил его, сказав:

— Вы забыли, господин, наш уговор! Вам ничего не будет, если вас поймают, когда вы будете спускаться в ров, — посадят обратно в тюрьму и все! А если поймают меня, то мне плохо придется, пожалуй, и виселицы не миновать. Так что прошу позволить мне спуститься первому, как вы обещали!

— Ты прав! — отвечал герцог. — Ну, ступай же!

Вогримон не заставил просить себя дважды, вылез из окна и стал спускаться по лестнице, но так как он был толст и тяжел, то в пяти или шести тузах от земли лестница порвалась и он упал в ров. Герцог, не теряя времени, тотчас полез вслед за ним и дойдя до разрыва, скатился по валу и таким образом очутился на дне рва здоровым и невредимым, где нашел Вогримона лежащим без памяти от сильного ушиба. В это самое время на другой стороне рва показались пять или шесть приверженцев герцога, которые бросили беглецам веревку. И на этот раз лакей, чтобы быть уверенным в спасении, просил его вытащить из рва первым. Герцог помог ему завязать веревку выше живота, а его сподвижники вытащили лакея наверх в весьма плохом состоянии, чему причиной было не только падение, но и подъем, поскольку ослабев, он не мог помогать себе руками и ногами и веревка его основательно придушила.

Де Бофор был вытащен вторым и удачно. Вогримона посадили на одну лошадь, герцог сел на другую, и все поскакали к заставе Пожан, шлагбаум которой он приказал немедленно поднять. За заставой стоял отряд в 50 всадников, к которым герцог подскочил вне себя от радости освобождения. Скоро де Бофор был уже далеко от Венсенского замка.

...Известие о бегстве герцога Бофора из тюрьмы произвело при дворе различные впечатления. Королева, казалось, мало обеспокоилась этим, а кардинал даже посмеивался, говоря, что г-н Бофор поступил совершенно правильно, и он сам бы поступил на его месте так же, с той только разницей, что не дождался бы так долго. И действительно, мог ли кто бояться герцога, когда все при дворе знали об отсутствии у него денег и укрепленных мест».

Александр Дюма «Жизнь Людовика XIV»

Некоторое время после побега герцог Бофор скрывался в своих владениях и потом вернулся в мятежный Париж. Его прибытие было поистине триумфальным. Мужчины кричали: «Да здравствует Бофор!» Женщины бросались целовать ему руки. В торговом квартале герцогу даже пришлось выйти из кареты, чтобы дать возможность выразить людям свою любовь. Одна из торговек в порыве обожания подвела к Бофору свою прелестную семнадцатилетнюю дочь, заявив, что была бы счастлива, если бы тот удостоил ее чести сделать матерью. Что интересно, герцог не отказался. Он пообещал предпринять все, что от него зависит, если вечером девушка придет к нему в отель. Девушка пришла. И как говорили позже, — вернулась домой утром вполне

довольная. Правда история умалчивает, удалось ли ей стать матерью правнука Генриха IV.

Собственно, после этого случая герцога Бофора и стали называть «королем рынков».

Если у большинства фрондеров все же были какие-то свои амбиции, выражавшиеся материально, то Бофором руководили исключительно ненависть к Мазарини и жажда народной любви. Ему правилось обожание черни, готовой последовать за ним куда угодно, по одному мановению руки. На самом деле — с такой силой нельзя было не считаться. Армия нищих, под предводительством герцога, учиняла порой в Париже жутчайшие беспорядки. И Бофор упивался своей властью над толпой.

Есть еще один случай, наглядно демонстрирующий степень любви народа к Бофору.

Однажды ночью карета с гербом герцога, проезжая по одной из улиц города, была остановлена и ограблена и кто-то из его людей был убит. В происшествии этом не было ничего удивительного, подобные бесчинства в те времена творились в Париже беспрестанно. Однако народ поспешил обвинить в нападении мазаринистов, якобы желавших смерти их любимца, и был так возмущен, что на следующий день стены на перекрестках и площадях были разрисованы картинками, изображавшими Мазарини болтающимся на виселице. Бофор был очень доволен.

После окончания Фронды в 1653 году, герцог Бофор — как и другие принцы — раскаялся в своем неповиновении, и король довольно скоро простил его. Он использовал та-

ланты герцога наилучшим образом, поручив ему несколько военных экспедиций, в которых Бофор проявил себя блестяще. В конце концов он был назначен гротсмейстером, шефом и главным суперинтендантом навигации, командовал французским флотом на Средиземном море и успешно сражался с турками.

Кончина герцога Бофора была крайне загадочной.

В 1669 году он был назначен командующим экспедиционным корпусом, отправившемся к берегам Кандии, — современный Крит, — чтобы очистить остров от турок. В ночь на 25 июня французская эскадра высадила на острове десант. Бофор командовал одним из отрядов. Турки не выдержали натиска и обратились в бегство. Однако когда французы уже предвкушали победу, взорвался пороховой склад, уничтожив на месте целый батальон солдат. В одну минуту роли переменились: теперь французы сломя голову мчались к берегу, к своим лодкам, а воспрянувшие духом турки наседали на них, не давая опомниться.

О Бофоре во время бегства забыли. Некоторые из его офицеров потом смутно припоминали, что герцог, верхом на раненой лошади, вроде бы пытался собрать вокруг себя храбрецов, чтобы отразить вместе с ними атаку турок. Но когда паника улеглась и Бофора хватились, оказалось, что его нет ни среди спасшихся, ни среди убитых, ни среди плененных... Герцог пропал без вести.

Это было так удивительно и странно, что некоторые исследователи даже заподозрили, что именно Бофор стал знаменитым узником в железной маске. Якобы его выкрали с поля боя и заточили в крепости Пиньероль по приказу

Кольбера, могущественного министра финансов Людовика XIV, который терпеть не мог герцога. Однако теория эта совершенно не выдерживает критики. Кем бы ни был узник по прозвищу Железная Маска, это точно не герцог Бофор. Тот так и пропал бесследно.

Глава 10

СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ КОРОЛЯ

Наконец настал тот день, который так ждали Анна Австрийская и Мазарини, — 5 сентября 1651 Людовику исполнилось тринадцать лет, и согласно указу, изданному еще при Карле V, он становится совершеннолетним и формально может сам управлять государством. Пожалуй, это был единственный случай в истории Франции, когда регент так сильно радовался окончанию своего регентства...

Спустя два дня в парламенте состоялась официальная церемония, провозгласившая Людовика XIV правителем государства.

Парижане тоже с нетерпением ждали этого события, — людям, измученным бесконечной войной, безумно хотелось праздника. И с раннего утра улицы, по которым должен был проезжать королевский кортеж, были запружены народом.

«Процессию открывали два трубача, за ними в церемониальном марше шествовали отряд королевской охраны, рота легкой кавалерии, восемьсот дворян, отряды швейцарцев, прево парижских торговцев с отрядом городской милиции. В своих лучших нарядах шли придворные, губернаторы провинций, коменданты крепостей, маршалы

Франции. За ними показались королевские пажи, привратники, телохранители. Наконец в окружении оруженосцев появился сам король — невысокий, хрупкий, обаятельный мальчик», — пишет Людмила Ивокина.

Людовик прослушал в церкви Сен-Шапель торжественную мессу, а затем открылось торжественное заседание парламента. На высоких креслах по правую руку короля располагались королева-мать, брат короля герцог Анжуйский, Гастон Орлеанский, принц де Конти, и другие герцоги и пэры, маршалы Франции, архиепископ Парижа и два епископа. На высоких креслах по левую руку восседали пэры от духовенства, советники палат парламента, папский нунций, послы Португалии, Голландии, Венеции, Мальты и другие привилегированные лица.

У ног короля находились герцог де Жуайез, главный камергер, и граф д'Аркур, носящий королевскую шпагу. Там же были прево Парижа де Сен-Бриссон, «на коленях и с непокрытой головой судебные исполнители палаты с палицами из серебра с позолотой», канцлер Сегье, «одетый в бархатную темнокрасного цвета мантию и в сугану из атласа того же цвета», великий майордом Франции, церемониймейстер, президенты большой палаты (с Матье Моле во главе), государственные секретари, королевские адвокаты Талон и Биньон, королевский прокурор Никола Фуке. В ложе находились Генриетта-Мария Французская, вдова короля Карла I, и герцог Йоркский, его сын; Мадемуазель, дочь герцога Орлеанского; «и многие герцогини и знатные дамы».

Это было похоже на большое персемирис, господа и дамы, которые готовы были убить друг друга вчсра и которые не преминут продолжить драться завтра, сегодня сидели бок о бок и с умилением смотрели на короля.

В зале заседания не было только двух заклятых врагов, — Мазарини и Конде. Один находился в изгнании, другой просто не пожелал присутствовать, ограничившись письменным поздравлением, что было еще одним оскорблением в адрес короля.

Людовик был краток в своей речи: «Господа, я пришел в свой парламент, чтобы вам сообщить, что, следуя законам моего государства, я хочу отныне взять в свои руки государственную и административную власть. Я надеюсь, что с Божьей милостью это управление будет милосердным и справедливым».

Большую часть королевской декларации зачитал от его имени канцлер Сегье. Когда он закончил, встала Анна Австрийская, поклонилась сыну и произнесла: «Вот уже девятый год, как по воле покойного короля, моего высокочтимого господина, я забочусь о вашем воспитании и об управлении вашим государством. Господь по своей милости благословил меня на этот труд и сохранил вашу персону, которая для меня так же бесценна, как и для всех ваших подданных. В настоящее время, когда закон королевства призывает вас к управлению монархией, я передаю вам с большим удовлетворением ту власть, которая мне была вверена. Я надеюсь, что Господь не оставит своей благодатью и дарует вам силу духа и благоразумие, чтобы ваше царствование было счастливым».

Людовик подошел к матери и поцеловал ее. Возвратившись на свое место, он сказал ей в ответ: «Мадам, я благодарю Вас за заботы о моем воспитании и образовании и за управление королевством. Я прошу Вас продолжать давать мне добрые советы. Я желаю, чтобы после меня Вы были главой моего Совета».

Затем принцы крови, герцоги, пэры, маршалы Франции и священнослужители высшего ранга подходили к королю, целовали ему руку и клялись в верности. Президент Матье Моле произнес торжественную речь от имени Парижского парламента, после чего были представлены для регистрации важные королевские акты.

А в Париже царил буйное веселье, ничуть не хуже, чем тринадцать лет назад, когда король появился на свет. Фонтаны били вином. Палили пушки Бастилии. Звонили церковные колокола. Парижане танцевали на площадях и улицах и кричали: «Да здравствует король!» Как только стемнело, небо запылало фейерверками.

Совершеннолетие короля не положило конец Фронде. Амбиции принцев зашли уже слишком далеко, чтобы все могло просто так завершиться. Это простой люд устал от войны, его утомили «зрелища», ему хотелось уже только «хлеба». Вельможи от отсутствия хлеба никогда особо не страдали, а бунтовать им понравилось. И гражданская война продолжала пожирать французские провинции.

Анна Австрийская так соскучилась по возлюбленному, что поспешила призвать его во Францию, но сделала она это слишком рано. Мазарини вторгся во Францию во главе собранной им в Германии армии. Парламент возмущен, он призывает всех честных людей «отловить и убить негодяя»

и в качестве награды назначает за его голову 150 тысяч ливров. Сумма немаленькая.

Гастон Орлеанский наконец делает свой выбор и открыто встает на сторону Конде. Он собирает свое небольшое войско, и так как парламент не особенно спешит раскопеливаться, даже жертвует на это свои собственные средства, распродав фамильное серебро.

Королевский двор, во главе с его величеством, тоже не сидит на месте и путешествует по Франции, вступая в стычки с врагом.

«Четырнадцатый год своей жизни Людовик проводит в дороге: один день он тут, другой — там, — пишет Э. Дешодт. — Он движется в сторону Луары вместе с матерью, двором, мебелью, четырьмя тысячами человек, а главное, с Тюренном. Ибо все решают сила оружия».

Армия короля побеждает, Конде практически разгромлен и у него уже нет ни единого шанса на победу, с остатками своего войска он останавливается у стен Парижа, чтобы принять последний и решительный бой. Сдаться и...

И тут отличилась Великая Мадемуазель. Дочь Гастона Орлеанского, оставленная им вместо себя наместницей Парижа, совершила действие, ставшее достойным заключительным аккордом в фарсе под названием Фронда.

Глава 11

ГЕРЦОГИНЯ ДЕ МОНПАНСЬЕ: ЯБЛОЧКО ОТ ЯБЛОНИ

Анна-Мария-Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье, была старшей и единственной дочерью Гастона от его первой супруги Марии де Бурбон, герцогини де Монпан-

сьс, умершей в родах и оставившей в наследство своей малютке огромнейшее состояние. Так что, помимо высокого титула «первой принцессы крови», Анна была еще и феноменально богата. Она была богаче королей величайших мировых держав.

И это было ужасно.

Потому что найти при таких условиях достойного супруга оказалось очень нелегко. Анна выбирала придирчиво. Она была еще совсем юна, когда к ней сватался принц Уэльский. Но положение будущего Карла II было в ту пору крайне незавидным, — его отец воевал с парламентом, а сам Карл вместе с матерью вынужден был прозябать во Франции на правах бедного родственника. Кому нужен такой жених? Чуть позже Анна узнала, что скончалась супруга Фердинанда III, императора Священной Римской империи, и пожелала выйти за него замуж. Однако с этим ничего не вышло. Император предпочел ей другую. Расстроенная происшедшим, Анна сосредоточила все свои помыслы на другом кандидате, и это был ее кузен Людовик XIV.

Великая Мадемуазель родилась в 1627 году и была старше Людовика на одиннадцать лет, тем не менее она пламенно желала, чтобы он стал ее мужем, и питала на это большие надежды, терпеливо дожидаясь, пока суженый подрастет.

«Королева родила сына, и это рождение стало для меня новой радостью; я навещала ребенка каждый день и называла его “мой маленький муж”. Королю доставляло удовольствие все, что я делала», — так пишет она в «Мемуарах».

Так же как и ее отец, Анна не отличалась большим умом, и в душе ее пылала жажда подвигов и приключений. Правда, в отличие от Гастона, она была, в сущности, невинным и романтическим созданием и никогда не умышляла подлостей. Все глупости, что она совершила, были сделаны честно, открыто и импульсивно.

Вслед за своим отцом мадемуазель де Монпансье вступила в ряды фрондеров, но она не плетет интриги и не вдохновляет на подвиги мужчин, как это делают другие дамы-бунтовщицы. Одетая в шлем и доспехи, Анна командует легкой кавалерией, и ей даже удастся захватить Орлеан.

Как участие в мятеже против короля сочтется в ней с желанием выйти за него замуж, объяснить сложно. То ли Анна считала, что одно с другим никак не связано, — в конце концов, в событиях Фронды в разное время участвовали все члены королевской семьи, все близкие родственники Людовика, почему она должна оставаться в стороне? А может быть, она думала, что действительно совершает благое деяние, вставая на сторону ненавистников Мазарини, ибо от этого злодея, который, как упоминалось выше, «чарами и колдовством пагубно влиял на разум королевы», следовало как можно скорее избавиться.

Летом 1652 года, отправляясь восвать, Гастон, бывший в то время градоначальником Парижа, оставил вместо себя дочь, наделив ее всеми возможными полномочиями. Поэтому, когда 2 июля у стен столицы погибали остатки армии Конде, именно ей предстояло решить, что следует делать. И Анна приказала открыть Сент-Антуанские ворота и выпустить принца и его людей в город. А так же дала команду

артиллеристам Бастилии стрелять по армии Тюренна, прикрывая отступление.

Наблюдавший за ходом битвы с холмов Шаронн кардинал Мазарини иронично проговорил в тот момент:

— Этот пушечный залп убил ее мужа.

И в самом деле, своим опрометчивым поступком Великая Мадемуазель разом перечеркнула все свои матримониальные планы. Людовик, конечно же, ее никогда не простит. Впрочем, — в любом случае, вряд ли бы он на ней женился...

Парижане горько пожалели, что впустили принца Конде. Он вел себя в городе будто завоеватель. Он напал на собравшийся в ратуше городской совет, заподозрив его в «мазаринистских настроениях». Сотни человек погибли в тот день. Его солдаты занимались грабежами, насиловали женщин и постепенно дезертировали. Парижане все больше ненавидели его, наконец окончательно понимая, что принцы ничуть не лучше Мазарини, а может быть, даже еще хуже. В конце концов Конде вынужден был бежать.

И 21 октября 1652 года Людовик XIV с триумфом въехал в Париж.

Можно сказать, что в этот день и закончилась Фронда.

Принц Конде бежал в Испанию. Герцог Орлеанский подписал документ о повиновении королю и о признании своей вины. Ему было не впервой раскаиваться и просить прощения. Поучаствовав во всех заговорах во времена правления Людовика XIII, он привык, что как бы сурово ни наказывали других заговорщиков, он всегда выйдет сухим из воды, его всегда простят, потому что он — брат короля,

особа неприкосновенная. Так было и теперь. Гастону было предписано отправляться в ссылку, в свой замок в Блуа, что он и сделал.

Великая Мадемуазель тоже отправилась в ссылку, в свое поместье, где и начала писать знаменитые «Мемуары». Король позволил ей вернуться ко двору только через пять лет. Анне было уже за тридцать, молодость уходила, а с замужеством по-прежнему не складывалось. Свободных монархов, желавших связать свою жизнь с не очень юной и не особенно красивой принцессой не находилось, во Франции мадемуазель де Монпансье считалась бунтаркой, и ее сторонились.

Анне было уже под сорок, когда она вдруг страстно влюбилась в человека, совершенно ее недостойного: бедного, недостаточно знатного, да и характер имеющего совершенно отвратительный. Его звали Антуан Номпар де Комон, граф де Лозен.

Принцесса влюбилась так сильно, что захотела выйти замуж несмотря ни на что.

«Мадам де Севинье в одном из своих знаменитых писем рассказывает о сильнейшем шоке, потрясшем двор, когда выяснилось, что нагисц Лозен вознамерился жениться на Великой Мадемуазель, — пишет Жорж Ленотр в книге “Повседневная жизнь Версаля при королях”. — Боже, какой срам: принцесса королевской крови, внучка Генриха IV, двоюродная сестра Людовика XIV! Это случилось в 1670 году. Ее Высочество была пятью годами старше этого проходимца, в которого влюбилась пылко, безумно, будто

опасная каким-то зельем. Это была внезапно вспыхнувшая, воистину роковая страсть.

Несвероятная богачка, она принялась осыпать своего любимца подарками; привычный к милостям судьбы, тот позволял их делать. И это были вовсе не пряжки для башмаков или булавки для жабо, но сначала графство д'Ю, первое пэрство Франции, потом герцогство Монпансье, затем Сен-Фаржо, за ним герцогство Шательро; в целом — 22 миллиона сеньориального дохода, то есть 50 миллионов по нынешним деньгам. “Вот это и есть любовь?” — как сказал бы Фигаро.

Свадьба принцессы с этим донжуаном была делом решенным. Сам король дал согласие: скорее всего, движимый застарелой обидой, засевшей в нем еще со времен Фронды, он был не прочь позволить кузине совершить глупость, в которой она не замедлит раскаяться. Но всемогущая в те поры фаворитка мадам де Монтеспан в интересах семейной чести наложила на брак свое вето.

Влюбленную Мадемуазель трясло от негодования, в отчаянии она каталась по полу и выпускала душераздирающие вопли. Куда более хладнокровный Лозен был, тем не менее, тоже задет. В один прекрасный день он проник к своей обидчице и нанес ей дикое оскорбление. Никогда в старых стенах Сен-Жерменского замка, где произошла эта сцена, не раздавались подобные обвинения: мадам де Монтеспан пришлось услышать, как ее называют “потаскухой”, “падалью”, “дрянью”. И это еще наиболее приличные эпитеты. Выпустив таким способом свой гнев, Лозен оставил фаворитку в слезах, почти без чувств. В этом состоянии ее

застал король и выяснил причину волнения. В тот же вечер Лозен был арестован и отправлен в далекую крепость Пиньероль».

В заключении Лозен томился десять лет, пока наконец мадемуазель де Моншансье не удалось выкупить его у короля. Выкуп был солидный, — Анна отдала часть своих владений сыну Людовика и мадам де Монтеспан, герцогу дю Мэн.

Лозену было пятьдесят, а Анне пятьдесят четыре года, когда они тайно обвенчались. Но брак не продлился долго. Супруг вел себя по отношению к ней так отвратительно, что принцесса вскоре порвала с ним и, когда он скончался, даже отказалась присутствовать на его похоронах.

Глава 12

КОРОЛЕВСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Не стоит думать, что для юного короля годы Фронды прошли исключительно мрачно и беспросветно. Королевский двор никогда не унывал, даже в суровых бытовых условиях крепости Сен-Жермен, лютой зимой, во время своего второго бегства из Парижа, находя силы и страсть для развлечений. Пока регентша и ее первый министр искали пути к спасению королевства, придворные дамы и господа согревали друг друга в объятиях ледяными ночами в нетопленных комнатах, да и днем за пыльными порттьерами. А король... Король танцевал. Это развлечение было одним из самых его любимых с детства. Специально для него сочинялось множество балетов, где его величество неизменно исполнял главную роль, где он мог блистать, забывая обо всех несчастьях.

С довольно юного возраста в мальчике пробудилось влечение к прекрасному полу. Не в пример его отцу, природа наделила Людовика горячим темпераментом. Уже в двенадцать лет он начал заглядываться на молоденьких фрейлин. Так, например, он был весьма увлечен женой маршала Шомберга, которая прежде звалась мадемуазель д'Отфор, — той самой, в которую некогда так пылко и так возвышенно был влюблен Людовик XIII, — но, в отличие от отца, Людовик XIV совсем не страшился к ней прикоснуться, рассказывали, что он уводил ее в свою спальню, обнимал, укладывал в постель и страстно целовал ее волосы.

Анна Австрийская беспокоилась за нравственность сына и старалась приглядывать за ним строже. Камердинер короля Ла Порт получил указания никогда не оставлять его величество наедине с дамой. Потому что дамы... Придворные дамы вместо того, чтобы вести себя подобающим для их положения образом и являть собой пример смирения и благочестия, вели себя, напротив, весьма провокационно. Впрочем, — когда это бывало иначе?

Лишить невинности короля, стать у него первой, выбиться в фаворитки мечтала каждая из них, и каждая предпринимала все, что от нее зависело, чтобы соблазнить мальчика.

«Некоторые придворные дамы пытались обратить на себя его внимание тем, что прогуливались перед ним в открытых платьях, едва прикрывавших их женские прелести, другие будто нечаянно приоткрывали свою грудь. Были и такие, которые дошли до того, что за закрытыми дверями

делали непристойные и совсем неуместные жесты...» — пишет Ги Бретон.

Герцогиня Шатийон проявляла такую настойчивость, что даже стала предметом насмешек. И про нее сочинили песенку:

Вы приманку свою, госпожа Шатийон,
Для другого поберегите.
Отложите попытки для лучших времен:
Короля вы навряд соблазните.
Да, любезен он с вами,
Но, по правде сказать,
(Вы должны это чувствовать сами)
Красотой не юнца вы должны совращать,
А серьезнее что-то искать.

К этим правоучениям герцогиня осталась глуха и продолжала добиваться внимания короля. И даже небезуспешно: однажды их застали вместе за пирмой, где они предавались взаимным ласкам.

Взбешенная Анна Австрийская удалила мадам де Шатийон от двора.

Но... Погасить разгорающееся пламя было уже невозможно. Оградить короля от соблазнов могли бы только стены монашеской кельи. И в конце концов королева просто смирилась. Впрочем, ее усилия все же не прошли даром, — Людовик лишился невинности в пятнадцать лет, а не раньше.

Чести стать первой женщиной короля удостоилась первая камеристка королевы мадам де Бове. Однажды она подкараулила Людовика выходящим из ванной и, недолго думая, просто увлекла его в свою комнату, где задрала юбку, а дальше... все получилось будто само собой. В конце концов, мадам де Бове была уже опытной женщиной, ей в то время уже исполнилось сорок два года.

Королю очень понравилось то, что произошло, и в последующие дни он с большой охотой посещал свою любовницу, все больше входя во вкус. Через некоторое время ему захотелось разнообразия, — и почему бы нет, ведь к его услугам было множество хорошеньких девиц, молоденьких и не очень, на любой вкус. Можно ли удержаться? И король сжесточенно навещал комнаты фрейлин. Его пыл был так жарок, что никакие трудности не могли стать преградой. Если двери в покои очаровательных дам оказывались закрыты, он забирался на крышу и по водосточной трубе спускался к открытым окнам. Надо отдать должное его ловкости и храбрости, — стоило бы ему сорваться, и Франция могла бы лишиться своего короля.

«Естественно, об этих ночных визитах в конце концов стало известно мадам де Навай, — пишет Ги Бретон, — и она приказала поставить решетки перед всеми отверстиями, через которые мог бы протиснуться мужчина. Людовик XIV не отступил перед возникшим препятствием. Призвав каменщиков, он велел пробить потайную дверь в спальню одной из радушных мадемуазель.

Несколько ночей подряд король благополучно пользовался секретным ходом, который днем маскировался спин-

кой кровати. Но бдительная мадам де Навай обнаружила дверь и, не говоря худого слова, распорядилась замуровать ее. Вечером Людовик XIV, намереваясь пройти к своим нежным подругам, с великим удивлением увидел гладкую стену там, где накануне был потайной ход.

Он вернулся к себе в ярости; на следующий же день мадам де Навай, равно как и ее супругу, было сообщено, что король не нуждается более в их услугах и повелевает им немедленно отправиться в Гисень».

В самом деле, что это за наглость, чинить препоны королю!

Внимания его величества удостоивались не только придворные дамы. Был у него мимолетный роман с юной дочерью садовника, которая даже забеременела и в положенный срок произвела на свет первого бастарда короля. Анна Австрийская немало огорчилась этим фактом, а придворные только многозначительно улыбались: то ли еще будет!

Как раз в то время Людовик танцевал в очередном балете главную партию «развратника». Странная роль для короля, но однако же весьма ему в то время подходящая. Автор спектакля не мог не воспользоваться обстоятельством, чтобы не сочинить очередной нравоучительный стишок, который вложил в уста одного из персонажей, обращавшихся к королю.

Какая картина открылась для нас,

Мы оторвать не можем глаз.

Свою ли вы играете роль?

Уж очень, к тому же, ваш стан изменился...

Не может так быть, чтобы славный король
В распутника вдруг превратился!
Ведь даже и регент и цензор любой
Всегданисходительны будут душой
К желаниям юности резвой,
А двор вас тогда непременно поймет,
Когда в вашей близости трезвой
Хоть малую каплю любви он найдет.
Но знать надо меру всему и всегда.
Метаться же все время туда и сюда,
Одну на другую любовниц менять
И непостоянством гордиться,
Вот всем своим прихотям потакать —
Такое, мой друг, никуда не годится!

Ах, ну что за глупости!

На то она и молодость, чтобы совершать безрассудства!

Королю предстоит влюбиться, и довольно скоро. Он еще узнает, каково это, когда сердце разрывается от боли из-за невозможности быть вместе с любимой. А пока ему хорошо и легко — он может просто наслаждаться плотскими радостями.

Триумфальное возвращение короля в измученный бесконечными бунтами Париж — это все равно что солнечный рассвет после темной зловещей ночи. Оно сулит мир, покой и благоденствие. Как говорят, — нет ничего лучше для укрепления центральной власти, чем долгое время царящая вокруг безудержная анархия. Так и есть...

Никогда еще власть юного Людовика не была настолько абсолютной, без всяких сего на то усилий. Он просто блистал. Его просто любили. Париж возвращался к мирной жизни. Королевский двор расцветал.

Первый большой балет с участием его величества, представленный 23 февраля 1653 года в Париже и символизирующий его победу над Фрондой, называется «Ночь». В нем Людовик играет роль Солнца, победившего Тьму.

Младший брат короля, принц Филипп Анжуйский, одетый в костюм утренней звезды Авроры, шествует впереди, обращаясь к зрителям со словами:

«Солнце, что следует за мной, — юный Луи.
Армия звезд исчезает с небосвода,
Как только к ней приближастся Великий Король;
Яркие вельможи Ночи,
Что торжествуют в его отсутствие,
Не могут вынести его присутствия:
Все эти изменчивые огни рассеиваются,
Солнце, что следует за мной, — юный Луи».

Именно тогда впервые имя Людовика XIV прозвучало в сочетании с эпитетом «солнце».

Глава 13

КОРОНАЦИЯ

Через полгода после окончания Фронды произошло событие, имевшее исключительное значение и для Людовика, и для его подданных, — торжественная коронация в Реймсе. Это не просто дань традиции, это настоящий ритуал, ко-

торый займет несколько дней. И каждый из этих дней — сакральное таинство, навсегда связывающее Людовика и Францию благословлением Господа.

В среду 3 июня 1654 года пятнадцатилетний король въезжает в Реймс. С замиранием сердца он принимает ключи от города в присутствии именитых горожан, двух тысяч всадников и семи тысяч солдат и отправляется в собор Богоматери, где епископ произносит речь о том, что королевство отныне изъявляет ему свою покорность:

«Вам, государь, который является помазанником Господа, сыном Всевышнего, пастырем народов, правой рукой Церкви, первым из всех королей Земли и который избран и дан Господом, чтобы нести скипетр Франции, расширять ее славу, способствовать распространению благоухания ее лилий, чья слава превосходит славу Соломона от одного полюса и до другого, и от востока до запада, делая из Франции Вселенную и из Вселенной Францию».

Далее следует большой молебен, после которого его величество в полном облачении коронованной особы отправляется в архиепископский дворец.

В четверг 4 июня Людовик в сопровождении Анны Австрийской, своего брата герцога Анжуйского, кардинала Мазарини и придворных следует через весь город с торжественной процессией, под приветственные возгласы стоящей по обе стороны улицы толпы.

В пятницу 5 июня король посещает могилу святого Ремигия, после чего собирается совет, на котором обговариваются последние детали миропомазания.

В субботу 6 июня Людовик слушает мессу в Сен-Никезе. Собор после отъезда короля переходит во власть капитанов гвардии. Они охраняют королевские украшения, привезенные из Сен-Дени: камзол, сандалии, сапожки, шпоры, шпагу, тунику, далматику, парадную мантию, а также скипетр — символ абсолютной власти, руку правосудия — знак божественного права на власть и «диадему чести, славы и величия».

В воскресенье 7 июня совершается таинство.

«Едва лишь занялась заря, прелаты и каноники всходят на хоры в соборе. Огромный храм обтянут гобеленами с вытканными на них коронами, каменные плиты пола покрыты турецким ковром. В алтаре стоят раки святого Ремигия и Людовика Святого, — пишет Франсуа Блюш. — Для короля на хорах стоят скамеечка для молитвы и кресло, в верхней части амвона поставлен трон. В половине шестого епископ Суассона посылает епископов-графов Шалона и Бове за Его Величеством. На челе короля полнейшая сосредоточенность, он окружен сановниками короны и двора, его сопровождает эскорт из сотни швейцарцев. Впереди короля идут музыканты, одетые в белые одежды, и дворяне, склоняясь в почтительном поклоне, сопровождают короля до самых хоров. После молитвы “Да придет Бог” (*Veni Creator*) прелаты и каноники подходят к порталу за святой чашей, за “этим драгоценным сокровищем, ниспосланным с небес великому святому Ремигию для помазания Хлодвиг-а”, привезенной настоятелем собора Сен-Дени.

Как только священное масло было поставлено на алтарь, священник просит монарха дать клятву, произносимую при

коронации. В обещании, составленном по канону, Людовик, как и его предшественники, обязуется сохранить за священнослужителями их свободы и иммунитеты. А затем переходит к торжественной королевской клятве. Король ее произносит громко, положив руку на Евангелие. Он клянется перед Богом даровать своим народам мир, справедливость и милосердие, другими словами, привести французские законы в соответствие с заповедями Господа Бога и естественным правом.

...И чтобы закрепить свое последнее обещание, король целует Евангелие.

Старинные ритуальные церемонии, которые следуют за этим, завершаются молитвами. По очереди граф де Вивонн, первый дворянин, снимает с короля его серебряное платье, герцог де Жуайез, великий камергер, надевает ему бархатные сапожки, а Месье герцог Анжуйский — золотые шпory, затем священник, совершающий обряд, благословляет королевскую пшагу, которая считается принадлежавшей Карлу Великому. Епископ Суассона берет святой елей и семь раз совершает помазание, а в этот момент клир произносит: “Пусть король обуздает горделивых, пусть станет примером для богатых и сильных, добрым по отношению к униженным и милостивым к бедным, пусть будет справедливым по отношению ко всем своим подданным и пусть трудится во благо мира между народами”. Ибо божественное право предполагает взамен и длинный перечень обязанностей. А в этот момент великий камергер надевает на Его Величество тунику и далматику и набрасывает на его плечи манто фиолетового цвета, усыпанное королевскими

лилиями, и теперь руки короля вновь освящаются святым елеем.

Прелат ему передает кольцо, скипетр, руку правосудия и корону Карла Великого. Затем король, предшествуемый пэрами королевства, поднимается по лестнице на амвон. Он восседает на троне и при всем народе выслушивает каждого пэра, приносящего клятву верности. Затем епископ Суассона громко произносит: “Да здравствует король на вечные времена!” (“*Vivat rex in aeternum!*”). Двери тотчас открываются. Толпа, находящаяся снаружи и изнутри, кричит: “Да здравствует король!” Невероятный гвалт усиливается, крещендо, слышатся разные выкрики, военная музыка, гром пушек и выстрелы из аркебузов гражданской милиции и французских гвардейцев.

После этого милого дивертисмента служат молебны, а затем совершается торжественная месса. По окончании мессы король встает с трона, читает молитву “Каюсь” (“*Confiteor*”), получает отпущение грехов, причащается хлебом и вином. Когда Его Величество оканчивает молитву “Благодарение Господа”, священник, совершающий богослужение, освобождает Людовика от короны Карла Великого, возлагает ему на голову более легкую корону и сопровождает его до банкетного зала, а со всех сторон несутся восторженные и радостные крики народа: “Да здравствует король!”

Пребывание Людовика в Реймсе будет отмечено еще тремя акциями. В понедельник, во второй половине дня, король получает ленту и мантию знаменитого рыцарского ордена Святого Духа, коадьютором которого он является и из которого он сумеет создать аппарат управления. Во втор-

ник в парке Сен-Реми он прикасается руками к тысячам больных золотухой. Король-чудотворец (а таких королей-чудотворцев было очень много) обращается к каждому со словами, которые принято говорить: “Король к тебе прикасается, Господь исцеляет” — в этот момент несчастные люди получали серебряную монету. Эта изнуряющая церемония, которую Людовик XIV будет повторять несколько раз в году, вызывает у присутствующих восхищение: сколько же юный король вкладывает в это любезности и внимания, и, хотя было большое количество больных и было очень жарко, король передохнул только дважды, чтобы выпить воды. В эти два дня после коронации все напоминало Людовику, что королевское правление — это своего рода служение Богу. И завершил он свое пребывание в Реймсе амнистией (было освобождено 600 заключенных)».

Глава 14

РАСПОРЯДОК ДНЯ

Несмотря на лихие любовные приключения, любовь к роскоши, светским развлечениям и вкусным кушаньям, Людовик XIV всегда был очень набожен. Все обещания, данные в Реймсе, для него не пустой звук, и он будет стараться исполнять их неукоснительно. Король всегда будет сознавать ответственность за отданную под его власть страну, он всегда будет чувствовать себя исполнителем воли Господа.

Людовик, может быть, не слишком сведущ в науках и вообще его образование оставляет желать лучшего, но он научился главному — научился быть королем. В отличие от своего отца, владевшего множеством творческих про-

фессий, Людовик XIV не умест ничего, что не касается его настоящего предназначения. Он король. Он правитель государства. Только это важно. И только это ему по-настоящему интересно.

Распорядок дня Людовика расписан по минутам, в нем практически нет места ничему незапланированному. Вся его жизнь проходит на виду у придворных, у него практически нет личного пространства и нет личного времени.

Любопытно взглянуть на выдержки из записей его камердинера Дюбуа, которые относятся к 1655 году и расписывают в подробностях, как проходит день шестнадцатилетнего короля.

«Тотчас, как только он просыпается, — пишет Дюбуа, — он читает наизусть утренние молитвы, обращаясь к Господу, перебирая свои четки. Затем входит де Ламот Левейе, чьи блестящие и потрясающие уроки никогда не утомляли отрока. Находясь в своей спальне, король изучал под руководством этого наставника, не самого старшего по положению, какую-либо часть Священной истории или истории Франции. Как только король вставал с постели, тут же появлялись два дежурных лакея и гвардеец, охранявший спальню. Король садился в этот момент на свой стул с круглым отверстием, иногда сидел на нем 20 минут. Затем он входил в свою большую комнату, где обычно находились принцы и знатные вельможи, ожидавшие его, чтобы присутствовать при его утреннем туалете». Его Величество, все еще оставаясь в халате, подходил к придворным, «говорил то с одним, то с другим так дружески, что приводил их в восхищение». Затем он совершал свой утренний туалет

в их присутствии — мыл руки, лицо, полоскал рот, вытирался и снимал свой почный колпак. «Он молился Богу у кровати вместе со своими духовниками». Все присутствующие становились на колени, гвардеец, охраняющий двери, наблюдал за тем, чтобы во время молитвы короля никто не потревожил. Окончив молитву, король причесывался, затем одевался чрезвычайно просто (в повседневную одежду — голландский камзол, саржевые панталоны) и уходил заниматься верховой ездой, фехтованием, танцами, метать копье. Когда Людовик заканчивал физические упражнения, он возвращался на короткое время в свою комнату, переодевался в другие одежды и завтракал. Позавтракав и осенив себя крестом, он поднимался к кардиналу Мазарини, «который жил над его комнатой, располагался по-домашнему и вызывал сюда государственного секретаря с докладами», а затем говорил с кардиналом «об этих докладах и о других более секретных делах в течение часа или полутора часов».

После этого Людовик шел приветствовать свою мать. Совершал прогулку верхом, шел к мессе, на которой уже присутствовала его мать, затем провожал ее до ее апартаментов, «выказывая при этом большое почтение и уважение». Оттуда он заходил к себе переодеться. В дни охоты король выбирал «довольно простую» одежду. Лучше даже сказать — «скромную». Монарх охотно обедал с королевой-матерью. Часто послеобеденное время отводилось для аудиенций, которые король давал иностранным послам. Людовик XIV из вежливости и из политических соображений выслушивал их речи наивнимательнейшим образом; затем «он с ними любезно беседовал около четверти часа,

расспрашивая об их монархе, стране, «альянсах, дружественных связях, которые поддерживались с давних пор, о домах и королевствах». Если не было аудиенций, после обеда были другие «благопристойные развлечения».

«По окончании обеда, — продолжает Дюбуа, — король идет на аллею Кур-ля-Рси, где, прогуливаясь, разговаривает со знатными дамами и господами». Затем Его Величество, если это день заседаний, идет с кардиналом в совет. В другой раз он присутствует на комедии и никогда не забывает сказать массу комплиментов своему окружению. Затем «Их Величества идут ужинать, после ужина король танцует, в зале играют скрипочки, находятся фрейлины королевы и еще несколько человек». «Благопристойные развлечения» продолжаются в общем почти до полуночи. «Здесь играют в незатейливые игры, как в романах. Усаживаются по кругу. Один начинает какой-нибудь сюжет и рассказывает до тех пор, пока не попадет в затруднительное положение. Затем тот, кто сидит рядом, продолжает рассказ и поступает так же, как первый; и так постепенно все присутствующие создают роман с интересными приключениями, порой среди них бывают очень забавные». Когда игры заканчиваются, Людовик XIV прощается с матерью и возвращается в свою комнату. Как и утром, сюда открыт доступ придворным. Король молится и раздевается в их присутствии, разговаривает с ними «любезно», желает спокойной ночи и удаляется в свою спальню. Войдя туда, он садится на свой стул с круглым отверстием, «его развлекают самые близкие придворные — как самые знатные, так и некоторые другие, кто имеет право туда входить». Эти несколько счастливи-

ков — об этом напоминает словарь Фюрстёра — являются обладателями диплома, разрешающего присутствовать при «больших делах» короля; “деловой стул” — благородное название стула с круглым отверстием».

Глава 15

МАРИЯ МАНЧИНИ: ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ КОРОЛЯ

Их было семеро, очаровательных юных итальянок, прозванных «мазаринетками», потому что все они приходились племянницами кардиналу Джулио Мазарини. Лаура-Виктория, Мария, Олимпия, Гортензия и Мария-Анна Манчини — дочери его сестры Джироламы; Лаура и Анна-Мария Мартиноцци — дочери его сестры Лауры. Имелись еще три племянника: Паоло, Филипп и Альфонсо. Девочки прославились больше, чем мальчики: все они сделали блестящие партии и отличились в придворной жизни. Из мальчиков только Филипп Манчини получили сомнительную славу первого соблазнителя юного Месье, герцога Орлеанского. А из сестер самой знаменитой стала Мария. Потому что ее любил король Людовик XIV. Любил настолько серьезно, что готов был на ней жениться. Но — не все могут короли...

Поначалу «мазаринетки» были просто девочками, которые бегали и играли с юным королем. Младшей было семь, старшей — тринадцать, они напоминали резвых козочек и даже не считались красотками: слишком худые, слишком смуглые, и даже их большие глаза казались придворным некрасиво выпученными, «совиными», и все судачили, что

будет делать кардинал с таким выводком дурнушеск. Но время шло, девочки подрастали, и неожиданно оказалось, что как минимум трое из них — Гортензия, Олимпия и Мария — настоящие красавицы.

Сначала Людовик пал жертвой чар Олимпии. Он открыто демонстрировал свое увлечение этой девушкой. Мадам де Мотвиль рассказывает в мемуарах: «он не расставался с ней ни на секунду, постоянно приглашал танцевать и отличал так, что казалось, будто балы, пиры и гулянья устраивались только ради нее». Придворные начали подпучивать на тему того, что Олимпия станет следующей королевой Франции, что привело Анну Австрийскую в ярость, — и девушку удалили от двора, выдав замуж за графа де Суссон. О том, что в Людовика влюблена сестра Олимпии, Мария, не догадывался никто: девушка умела сдерживать свои чувства... Но когда король заболел лихорадкой после военного похода и взятия Дюнкерка и находился при смерти, она выдала свои чувства, не сумев сдержать слез. И, как считал сам Людовик, вернула его в мир живых. Первым ярким впечатлением, которое отпечаталось в его помутненном жаром сознании, было ее залитое слезами лицо. Людовик цеплялся взглядом за лицо Марии — и смог достаточно долго не впадать в забытие, чтобы принять лекарство, которое ему в конце концов помогло. Едва оправившись от болезни, он поспешил встретиться с Марисей и заново познакомиться с подругой детских игр, которая теперь была для него окружена романтическим ореолом. Он провел с ней несколько восхитительных недель в Фонтенбло, пока

выздоровливал, а когда двор пересехал в Париж — Людовик с Марисей были уже неразлучны.

«Я обнаружила тогда, — писала Мария Манчини в своих “Мемуарах”, — что король не питает ко мне враждебных чувств, ибо умела уже распознавать тот красноречивый язык, что говорит яснее всяких красивых слов. Придворные, которые всегда шпионят за королями, догадались, как я, о любви Его Величества ко мне, демонстрируя это даже с излишней назойливостью и оказывая самые невероятные знаки внимания».

Французские историки считают, что именно любовь к Марии Манчини сделала из Людовика того «короля-солнца», которым мы восхищаемся до сих пор.

«Королю было двадцать лет, — писал Амедей Рене, — а он все еще покорно подчинялся матери и Мазарини. Ничто в нем не предвещало могущественного монарха: при обсуждении государственных дел он откровенно скучал и предпочитал перекладывать на других бремя власти. Мария пробудила в Людовике XIV дремавшую гордость; она часто беседовала с ним о славе и превозносила счастливую возможность повелевать. Будь то тщеславие или расчет, но она желала, чтобы ее герой вел себя как подобает коронованной особе».

«Чтобы понравиться той, кого уже считал своей невестой, Людовик XIV, получивший довольно поверхностное воспитание, стал усиленно заниматься, — рассказывал Ги Бретон. — Стыдясь своего невежества, он усердствовал познание во французском и начал изучать итальянский язык, одновременно уделяя много внимания древним

авторам. Под влиянием этой образованной девушки, которая, по словам мадам де Лафайет, отличалась “необыкновенным умом” и знала наизусть множество стихов, он прочел Петрарку, Вергилия, Гомера, страстно увлекся искусством и открыл для себя новый мир, о существовании которого даже не подозревал, пока находился под опекой своих никудышных учителей. Благодаря Марии Манчини этот король впоследствии займется возведением Версаля, будет оказывать покровительство Мольеру и финансовую помощь Расину. Однако ей удалось не только преобразить духовный мир Людовика XIV, но и внушить ему мысль о величии его предназначения».

Мария и Людовик были практически неразлучны. Но любовницей короля эта девушка так и не стала. Она была целомудренной и искренне считала, что связь, не осененная брачным союзом, осквернит их любовь. Примешивался к этому и практический момент: Мария не хотела смешиваться с толпой безымянных любовниц Людовика, которых он брал — и забывал через неделю. Она любила его безумно, безгранично, но и для него хотела быть в чем-то — единственной и неповторимой.

Вначале она и думать не смела о том, чтобы стать его женой, она кротко смиралась перед обстоятельствами и считала, что их любви не суждено осуществиться, раз уж пожениться они не могут. Но после того как Людовику сосватали принцессу Маргариту Савойскую, Мария впервые проявила ревность.

Людовик от брака с Маргаритой отказался, а Анна Австрийская на нем и не настаивала: она уже обдумывала дру-

гую, более выгодную брачно-политическую комбинацию, и собиралась женить сына на своей племяннице — испанской инфанте Марии-Терезии. Неприятным сюрпризом для матери стало заявление Людовика, что он хочет жениться на Марии Манчини. Людовик даже просил ее руки у кардинала Мазарини, пытаясь перетянуть главного советчика матери на свою сторону и обещая ему всевозможные блага в случае, если он поможет их с Марией браку осуществиться. Мазарини почти сдался и пришел к Анне сообщить о том, что король выбрал себе супругу... Но Анна не желала даже слушать, заявив: «Не думаю, господин кардинал, что король способен на такую низость; но если он вздумает сделать это, предупреждаю, что против вас восстанет вся Франция, что я сама встану во главе возмущенных подданных и поведу с собой моего младшего сына».

Кардинал осознал свой промах и поспешил выслать Марию в Ла-Рошель.

Людовик пытался удержать возлюбленную, и даже пал перед матерью на колени, объясняя, что дал слово жениться на Марии и не может своему слову изменить.

Анна вовсе не желала разговаривать с сыном, а Мазарини заявил, что «был избран покойным королем, отцом Людовика XIV, а затем и королевой-матерью, дабы помогать ему советом, и что, с нерушимой верностью исполняя свой долг до сего времени, не злоупотребит доверием и не уступит недостойной короля слабости; что он волен распоряжаться судьбой своей племянницы и что готов скорее собственноручно заколоть ее кинжалом, нежели допустить ее возвышение путем величайшей государственной изме-

ны» — во всяком случае, так трактует в своих мемуарах эту сцену мадам де Мотвиль.

Мазарини удалось вразумить Людовика.

На следующий день влюбленные расстались со слезами на глазах.

В разлуке Людовик и Мария писали друг другу каждый день. Король и слышать не желал о браке с испанкой. Он надеялся, что ему удастся переупрямить мать и кардинала и все-таки жениться на Марии. Кардинал тщетно увещевал его, взывал к разуму и долгу. Это больше не действовало. И тогда Мазарини решил побеседовать с племянницей. Он объяснил Марии, насколько важен для Франции брак короля с инфантой — и последующий мирный договор с одной из самых сильных держав в Европе. Мария поняла и принесла себя в жертву во имя страны, которая даже не была ей родной. Она написала королю, что возвращает ему его слово... И более не отвечала на его письма.

Людовик дал согласие жениться на инфанте, о чем было объявлено во всех французских церквях под звон колоколов.

«Я не могла не думать, — признавалась в «Мемуарах» Мария Манчини, — что дорогой ценой заплатила за мир, которому все так радовались, и никто не помнил, что король вряд ли женился бы на инфанте, если бы я не принесла себя в жертву...»

«Жертва Марии Манчини позволила Мазарини довершить дело Ришелье. Могуществу испанских Габсбургов пришел конец; Франция получила Руссийон, Сердань, Ар-

туа, а также несколько крепостей во Фландрии и Люксембурге», — писал Ги Бретон.

Анна Австрийская, пытаясь отвлечь сына от страданий по утраченной возлюбленной, пригласила ко двору его первую любовь, Олимпию Манчини, ныне графиню де Суассон, и сообщила ей, что благосклонно отнесется, если Олимпии удастся соблазнить короля. Олимпии удалось, о чем она еще и отчиталась в письме Марии. Это нанесло еще один удар любящему сердцу девушки. Но она продолжала надеяться, пока не узнала о том, что Людовик все-таки женился на Марии-Терезии. Вот тогда Мария осознала, что для нее все кончено. Когда король с новобрачной принимали Марию Манчини в Фонтенбло, она не сразу решилась взглянуть в лицо своему любимому... А когда взглянула — оцепенела: ее встретил совершенно ледяной, безразличный взгляд. Мария не знала, что за внешним холодом король скрывает свое смятение. Не знала, что он покинул кортеж молодой королевы, чтобы съездить в Бруаж, в дом, где Мария жила и откуда она незадолго до этого уехала: чтобы меньше часа побыть в ее комнате, подышать воздухом, которым она дышала, прикоснуться к ее вышиванию.

Людовик продолжал любить Марию Манчини и после того, как женился на Марии-Терезии. Когда Мазарини скончался, Людовик сделал все возможное, чтобы разорвать помолвку между Марией и коннетаблем Колонной, подготовленную кардиналом незадолго до смерти. Он умолял Марию остаться во Франции, остаться с ним... Но гордая девушка отказалась: «Я не желаю становиться вашей любовницей, потому что я могла бы стать вашей женой!»

Прощаясь с ней, Людовик сказал: «Мадам, судьба, повелевающая даже королями, распорядилась напсй судьбой вопреки нашим желаниям; но она не помешает мне дать вам доказательство любви и уважения, в какой бы стране вы ни очутились...»

Мария уехала в Милан, где ее ожидал будущий муж. Лоренцо Онофрио Колонна был крайне удивлен, обнаружив в первую брачную ночь, что его невеста — девственница. Он не сомневался, что Мария была любовницей короля Франции. И после свадьбы с гордостью поделился своим открытием едва ли не со всей Италией.

Но приберсженная для супруга девственность не сделала брак Марии счастливым. У них с Лоренцо родились три сына, но супруги бесконечно ссорились. Колонна, устав от безразличия жены, принялся сй изменять. В 1672 году Мария окончательно разорвала отношения с мужем и уехала вместе с сестрой Гортензисей во Францию. Остаток жизни она провела, путешествуя по Европе и останавливаясь в монастырях. Она хотела принять постриг, да так и не решилась окончательно лишиться свободы.

Умерла Мария Манчини 11 мая 1715 года в Пизе: Людовик XIV пережил ее всего на несколько месяцев.

Любовь не имеет значения, когда дело касается интересов государства, и Людовик это, без сомнения, понял. Жениться по любви — слишком большая роскошь, которой, как известно, короли не имеют. Это был еще один жестокий урок, который он усвоил вполне. Впрочем... В жизни Людовика XIV случится такое чудо. Но это будет не сейчас.

Это будет совсем еще нескоро, уже на закате его дней, когда его власть станет настолько велика, что он сможет себе это позволить.

Но в то время, когда его правление только вступало в силу, Людовик вынужден был подчиниться суровой необходимости.

Его супружеский союз должен быть заключен на благо Франции.

Ну а любовь... Что же делать. В конце концов, для того чтобы любить, жениться совершенно не обязательно.

Глава 16

ЗАЛОЖНИКИ МИРА

Война между Францией и Испанией затянулась слишком надолго, вымотав силы обоих государств. Чувствуя, что время его уходит, Мазарини всеми доступными средствами добивался заключения мира. Скрепить который должна была свадьба между Людовиком XIV и испанской инфантой Марией-Терезисой. С этим однако возникали проблемы...

Мазарини давно ратовал за союз с Испанией, еще в 1646 году, но именно в тот год случилось несчастье, — умер единственный сын испанского короля Филиппа IV, шестнадцатилетний наследник престола Бальтазар-Карлос, и Мария-Терезия оставалась единственным законным ребенком короля, о том, чтобы выдать ее замуж во Францию, не могло быть и речи.

К тому времени Елизавета Бурбонская, супруга Филиппа IV, скончалась, и ему срочно пришлось искать невесту, чтобы снова озаботиться воспроизведением на свет наслед-

ника престола. Недолго думая Филипп выбрал в жены невесту своего умершего сына — Марианну Австрийскую, бывшую его родной племянницей. Ему к тому времени было 42 года, а девочке только 13 лет. Впрочем, к моменту брачной церемонии, состоявшейся осенью 1649 года, ей уже исполнилось 15 лет.

Марианна исправно рожала детишек, но все они появлялись на свет слабенькими. Возможно, причина была в том, что из-за большого количества кровнородственных браков среди Габсбургов в генетическом отношении это супружество уже являлось incestом, — как если бы Филипп женился на родной сестре. Более-менее жизнеспособным ребенком оказалась только старшая девочка Маргарита-Тереза, родившаяся в 1651 году и даже успевшая выйти замуж за императора Священной Римской империи Леопольда I, но и она умерла в возрасте 22 лет. Родившийся же в 1657 году долгожданный наследник Фелиппе Просперо совсем не внушал оптимизма состоянием своего здоровья, но к 1659 году он был более-менее здоров, и имелся шанс, что выживет. Так что, на сей раз, мирные переговоры могли пройти успешно.

В тяжелой болезни, поразившей Людовика в 1658 году, — той самой, когда за ним так преданно ухаживала Мария Магичини, — придворные усмотрели какой-то мистический знак, решив, что это предупреждение о том, что пора бы заканчивать войну.

«Болезнь истолковывали как проявление воли Господа, требовавшего мира, — писал на родину венецианский посол, — И королева-мать этим была так взволнована, а кардинал так напуган, что все не колеблясь поверили, что

королева-мать тайно поклялась сделать все, что в ее силах, чтобы привести страну к миру».

Мазарини с удвоенной энергией занялся тем, чтобы заключить соглашение как можно быстрее. Он даже пошел на хитрость: сделал вид, что французский король уже не так уж жаждет связать себя узами брака с испанской принцессой и выбрал себе другую невесту, — Маргариту Савойскую.

В ноябре 1658 года королевский кортеж отправился в Лион на встречу с принцессой Савойской. «Эта Маргарита, хотя и со смуглым цветом кожи, была хорошо сложена и приятной наружности, самая скромная и самая загадочная личность во всем мире, у которой для каждого было вежливое и ласковое обращение, — пишет Франсуа Блюш. — Короче, она была создана для Людовика XIV. Достаточно приятная, чтобы пробудить его чувства, достаточно остроумная, чтобы его развлечь».

И действительно, принцесса Савойская весьма понравилась королю. Возможно, их брак был бы удачным, — гораздо удачнее, чем брак с Марией-Терезией. Но, увы, ему не суждено было случиться.

Узнав о переговорах в Лионе, Филипп IV возмутился до глубины души и воскликнул: «Этого не может быть и не будет!» И тут же в Лион отправился испанский посол маркиз де Пиматель, с предложением руки инфанты. Конечно, Мазарини тут же принял его. Перед принцессой Савойской извинились, ей были вручены дары, и она отправилась во свояси.

И как только двор возвратился в Париж, — то есть примерно в середине января 1659 года, начались долгие и мучительные переговоры о мирном соглашении и бракосочетании Людовика XIV с Марисей-Терезисей.

«Пиренейский мир» был подписан 7 ноября 1659 года.

Сразу же после этого Людовик XIV отправил в Мадрид маршала де Грамона, официально просить руки испанской инфанты. При королевском дворе он был принят с большими почестями и удостоился аудиенции у Филиппа IV и Марии-Терезии, которой торжественно вручил послание жениха.

Король Испании и инфанта произвели на французского маршала неизгладимое впечатление.

Жорж Лепотр в книге «Повседневная жизнь Версаля при королях» пишет: «Во время аудиенции, двигаясь по бесконечной анфиладе залов среди расступившейся молчаливой толпы, он достиг того святилища, где под золотым балдахином стоял Филипп IV, весь в черном, бледный до голубизны и неподвижный как статуя; даже его глаза смотрели в одну точку без всякого выражения, будто стеклянные. Страшное желудочное заболевание позволяло ему принимать в пищу только женское молоко; поэтому он принужден был держать кормилицу, которая питала его четырежды в день. Он ничего не произнес на любезность посла, которого провели затем в другой присный зал.

Здесь, стоя на подмостках, перед ним предстали королева и инфанта, обе столь раскрашенные, столь стиснутые арматурой корсетов, огромными фижмами и ошейниками воротников, в которых утопали их щеки, что при виде этих восковых фигур де Грамон смутился и не сказал ни слова,

ограничившись лишь тем, что поцеловал края их юбок. Он успел только заметить, что у инфанты, кажется, прекрасные волосы, голубые глаза и полные губы. К тому же она не знала ни слова по-французски, а точнее, подчиняясь зверскому испанскому этикету, не говорила вообще. Кроме отца и исповедника к ней никогда не приближался ни один мужчина. Ее развлечения состояли из карт, посещений церковных служб, монастырей и время от времени присутствия на аутодафе...

В ходе второй аудиенции посол тщетно пытался вырвать у нее ласковое словечко о будущем муже; бесцветным голосом она произнесла: "Скажите королеве-матери, что я полностью в ее распоряжении". Де Грамон позволил себе настаивать, ему хотелось услышать что-нибудь более сердечное, но кукла повторила: "Передайте королеве-матери, что я вся к ее услугам"».

Де Грамон немного сумел рассказать сюзерену о его невесте, увидеть ее до венчания он тоже никак не мог, но Людовика это мало огорчало. Он не женился на женщине, он готовился скрепить союз между государствами, жертвовал собой на благо Франции, так какая разница, что представляла собой испанская инфанта. Выбора он все равно не имел, поэтому ему было все равно.

Мария-Терезия Австрийская была ровесницей Людовика, между днями их рождения была разница всего в пять дней, — она появилась на свет 10 сентября 1638 года. О ее детстве и юности мало что известно, ясно лишь то, что ее жизнь была скучной и однообразной, упорядоченной гораздо более жестко, чем жизнь принцесс при французском

или английском дворе. Испания восвала, переживала внутренние конфликты, ее бывшее могущество рассыпалось на глазах, до маленюхой инфанты доходили лишь отдаленные отголоски всех этих событий. У нее была своя миссия, которую ей предстояло исполнить со всем возможным старанием. Больше ничего не имело значение.

— Дочь моя, Испания нуждается в союзе с Францией. Вы должны подчиняться во всем своему мужу, терпеть все его прихоти, чтобы уберечь нас от новой войны, — так напутствовал ее отец перед расставанием.

И конечно, Мария-Терезия собиралась неукоснительно следовать его воле. Полученное строгое воспитание сделало из нее идеальную жену.

Свадебная церемония должна была состояться на полпути между столицами обоих государств, на самой границе, в приморском городке Сен-Жан-де-Люз в самом начале июня 1660 года.

Кортеж невесты отправился к месту назначения заранее, следуя неспешно и величаво, как и положено по этикету. Это целый караван, растянувшийся на шесть лье. Мария-Терезия взволнованна, но, разумеется, никак этого не выдает. Она впервые вырвалась из клетки, еще несколько дней и ее жизнь совершенно переменится. Говорят, что французский двор великолепен и утопает в роскоши, праздники и балы следуют один за другим. Это просто какой-то сказочный мир! А еще уверяют, что Людовик XIV чрезвычайно хорош собой, он галантный кавалер и очень любезен. Мария-Терезия пыталась молиться, но лишь заученно повторяла хорошо знакомые слова, мысли все время ускольза-

ли куда-то далеко... Все, что происходила с ней, было так странно, что иногда ей казалось: то ли просыпается от сна, то ли, напротив, уснула и видит прекрасный сон. И в то же время ей было страшно, очень страшно... Ведь она навсегда покидает дом, людей, которых любит и которые любят ее. Она навсегда лишается привычного, уютного и хорошо знакомого образа жизни. И как она справится со своей новой ролью? Вдруг у нее ничего не получится? Королева-мать будет относиться к ней хорошо, ведь она ее родная тетка, она заранее ее любит, но полюбит ли ее король?

Важно, чтобы и французы и испанцы подъехали к границе одновременно, и это удастся с помощью сложных расчетов.

Французы останавливаются в Сен-Жан-де Люз.

Испанский кортеж прибывает в городок Фонтарраби. Именно здесь должна состояться первая часть церемонии — свадьба по доверенности.

«В Фонтарраби немедленно ринулись французы, — пишет Жорж Ленотр, — домогаясь чести приветствовать испанского монарха. И позволения присутствовать на его обеде: наверняка они надеялись увидеть, каким образом его питает кормилица. Их ждало разочарование: Филипп, как подобает, сидел за столом, сервированным словно для хорошего едока. Но такая густая толпа собралась лицезреть этот феномен, что стол опрокинулся, и попавшего в толчею короля чуть было не задавили. Он выбрался, не потеряв, впрочем, ни капли своей бесстрастности, и его стеклянный взгляд не выразил ничего, кроме глубокой и неисцелимой меланхолии».

3 июня в самой большой церкви Фонтарраби свершилось бракосочетание.

Король Испании и его дочь восседали в креслах в приделе, обтянутом золотой парчой. Священник отслужил короткую мессу, после которой король и его дочь встали, а дон Луис де Харо, — министр Филиппа, заменявший в данный момент жениха, — прочитал доверенность Людовика XIV, подтверждавшую его желание жениться на Марии-Терезии. После этого епископ Пампелони совершил обряд венчания.

«Прежде чем дать свое согласие стать женой Людовика XIV, инфанта сделала реверанс своему отцу-королю, Филипп IV позволил ей сказать “да” и был так растроган, что у него на глазах появились слезы. Тотчас же, как только венчание состоялось и она стала королевой, король, ее отец, посадил новобрачную рядом с собой по правую руку». Французские свидетели находили, что Мария-Терезия, хоть и меньше ростом, похожа на Анну Австрийскую: «такое же одухотворенное лицо», «такой же здоровый вид» и «великолепный цвет лица». «Во время церемонии Мария-Терезия была сдержанна, но вид имела весьма довольный», — рассказывает Франсуа Блюш.

Через два дня Мария-Терезия была представлена своей тетке, которая теперь уже стала ей свекровью. Они не виделись никогда... Более того, — Анна Австрийская и брата своего не видела 45 лет. Они состояли в тайной переписке, строили интриги, плели заговоры и увиделись только теперь.

По правилам этикета, ни король Испании, ни королева Франции не могли переступить границ своего государ-

ства. В зале, где они встречались, — дело происходило на Фазаньсем острове, нейтральной территории, на которой когда-то вели переговоры о мире Джулио Мазарини и дон Луис де Харо, — были постелены ковры, таким образом, чтобы промежуток между ними обозначал границу, которую Анна и Филипп не могли нарушить.

Подойдя к краю своей дорожки, Анна Австрийская потянулась к брату, чтобы обнять его, но тот поспешно отступил, не позволив ей этого сделать. Трогательной встречи не получилось... Брат и сестра обменялись положенными приветствиями, да и только.

Мария-Терезия наблюдала за беседой без какого-либо участия, ей в церемонии не было отведено роли. Но вдруг она заметила, как дверь в зал переговоров приоткрылась и за ней появился молодой мужчина. Он молча посмотрел на нее, и Мария-Терезия едва не лишилась чувств от волнения: она догадалась, что это ее супруг.

Филипп IV возмущенно поджал губы, — он не терпел нарушений этикета.

А Анна Австрийская с любопытством спросила у невестки:

— Как находите вы этого незнакомца?

Отец не позволил ей ответить.

— Сейчас не время это обсуждать, — сказал он сухо.

Анна лукаво улыбнулась.

— Как в таком случае вы находите эту дверь? — спросила она.

— Она мне кажется очень хорошей и красивой, — тихо ответила Мария-Терезия.

Уже на следующий день инфанта ступила на территорию Франции, словно в новый мир. Первую ночь она провела в доме Анны Австрийской, а на следующий день в соборе Сен-Жан-де-Люз состоялась настоящая свадебная церемония.

«Она была похожа на свадьбу из волшебной сказки,— пишет Франсуа Блюш, — королевы, каждая из которых сидела под высоким балдахином, были самыми красивыми в мире». Людовик был одет в одежды, сшитые из золототканой материи. У Марии-Терезии «было знаменитое большое королевское мантио из фиолетового бархата с вытканными золотыми лилиями, в котором ее можно видеть с золотой короной на голове на картинах». Месса была долгая и торжественная, «по окончании ее короля и королеву посадили под балдахин. Весь двор, как вы понимаете, был в этот день в церкви, и придворные сверкали великолепными одеждами. Без всякого преувеличения, здесь было иное великолепие, непохожее на роскошь Фонтарраби». Из церкви вышел кортеж так же, как вошел туда. Впереди шли король и королева. Платье Марии-Терезии несли принцессы. Затем шла королева-мать, за ней «графиня де Флеке несла ее шлейф. За королевой-матерью следовала Мадемуазель, и ее шлейф нес г-н Манчини».

Вечером брак вступил в законную силу.

Согласно правилам первая брачная ночь супругов должна была проходить под бдительным оком придворных, но, памятуя о собственном печальном опыте, Анна Австрийская нарушила привычный ритуал. Она попросила всех посторонних выйти из спальни, задернула занавески

*Большой парадный портрет короля Людовика XIII.
Художник Ф. де Шампань*

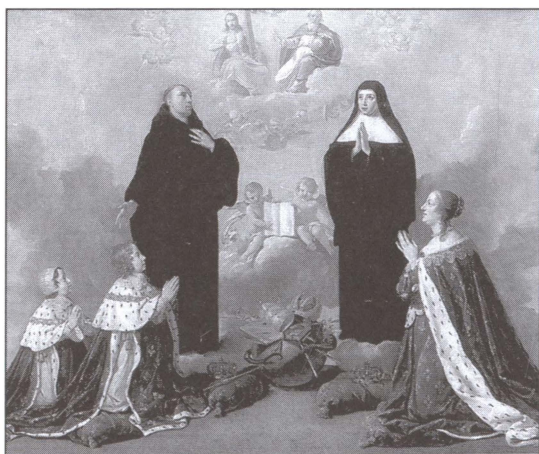
*Анна Австрийская, супруга короля Франции Людовика XIII.
Художник П.-П. Рубенс*

*Кардинал Ришелье.
Художник Ф. де Шампань*

*Сыновья Людовика XIII Людовик и Филипп.
Неизвестный художник*

*Анна Австрийская и ее дети молятся о прекращении Фронды.
Художник Ф. де Шампань*

*Людовик XIV в юности.
Художник А. Тестелен*

Кардинал Мазарини. Художник Р. Нантей

Мария Манчини. Художник Я.-Ф. Фут

Людовик XIV. Художник П. Миньяр

*Мария Терезия Испанская и ее сын, Великий Дофин.
Художник Ш. Бобран*

*Елизавета Шарлотта
Пфальцская.
Художник Ф. де Труа*

*Брат Людовика XIV Филипп,
герцог Орлеанский.
Художник П. Миньяр*

*Генриэтта Английская.
Художник сэр П. Лели*

*Людовик Великий
Дофин в юности.
Художник Л. Токе*

*Людовик Великий Дофин.
Художник Г. Риго*

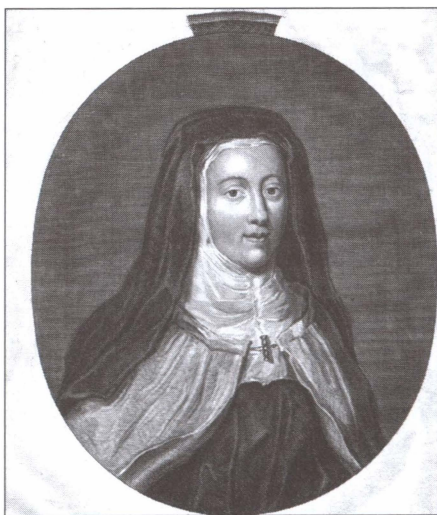
Портрет Людовика XIV. Художник Р. Нантей

Мадам де Ментенон. Художник П. Миньяр

*Луиза де Лавальер
в образе Дианы-охотницы.
Художник К. Лефебр*

*Луиза Милосердная.
Гравюра XVIII в.*

*Портрет
мадам де Монтеспан.
Неизвестный художник*

*Мадам де
Монтеспан.
Художник
П. Миньяр*

Мария Анжелика Фонтанж.
Художник Н. де Лермесен

Людвиг XIV и его придворные. Неизвестный художник

Версальский дворец

вес, закрывая супружеское ложе, и тотчас же ушла. Это, конечно, не помешало камеристкам и фрейлинам подслушивать под дверями, но, по крайней мере, они не смущали молодоженов своим присутствием.

И на следующее утро вид у обоих был совершенно счастливый. Новобрачные смотрели друг на друга влюбленными глазами, Мария-Терезия просто сияла. Анна Австрийская любовалась на нее с довольной улыбкой, она думала о том, что дочери ее брата определенно больше повезло с мужем, чем ей самой. Ее сын умел обращаться с женщинами. Анна надеялась, что Мария-Терезия будет с ним счастлива...

Очень жаль, но этого не произошло. Людовик XIV так и не полюбил свою жену. Он будет отдавать свою нежность и страсть другим женщинам, на долю Марии-Терезии останется лишь исполнение супружеского долга и холодная галаитная вежливость.

Увы, жизнь при французском дворе не будет похожа на волшебную сказку, а ее муж окажется далек от идеала, но Мария-Терезия слишком хорошо воспитана, чтобы как-то демонстрировать огорчение или недовольство. Она будет смиренно сносить обиды, равнодушие и пренебрежение. Она всегда будет вести себя безукоризненно.

Но пока еще Мария-Терезия не знает своего будущего, и она счастлива...

Рука об руку с супругом она едет в Париж.

Правда, по дороге Людовик на несколько дней оставил ее, сославшись на неотложные дела. Мария-Терезия не знала, что он отправился в Бруаж, чтобы проститься со своей

возлюбленной Марисей Манчини. Мария уже выдана замуж. И ее уже нет в Бруаже. Зайдя в комнату, где еще совсем недавно жила его возлюбленная, Людовик прикоснулся к спинкам стульев, на которых она сидела, вдохнул аромат увядших цветов, и едва не разрыдался, уткнувшись лицом в подушку на кровати, еще хранившую запах возлюбленной. В тот день он окончательно попрощался со своей первой любовью.

24 августа 1660 года король и королева торжественно въехали в столицу.

В Париже их с нетерпением ждали. Улицы были украшены листвой, коврами и картинами; кое-где были возведены триумфальные арки с девизами и надписями.

«Париж уже забыл Фронду. Король уже забыл некоторые из своих детских воспоминаний. К парижанам присоединились люди из провинций, чтобы отпраздновать одновременно два радостных события: королевскую свадьбу и прочный, славный мир. С восьми до полудня молодые монархи, восседающие на троне, который им был приготовлен на окраине предместья Сент-Антуан, принимали клятву верности и изъявления покорности от всех корпораций и крупных компаний. Таким образом, прошли столичное духовенство, держа кресты и хоругви, университет (42 доктора медицины, 116 докторов богословия, 6 докторов по каноническому праву, все одетые в мантрии и пелерины, отороченные горностаевым мехом), все шесть корпораций и другие ассоциации, затем верховные суды, парламент прошел последним как самая престижная корпорация.

Торжественный марш начался в два часа дня. Король ехал верхом, впереди шли войска королевского дома, ря-

дом — принцы и вельможи двора. Затем ехала королева в открытой карете, за ней следовали кареты принцесс и самых высокородных дам. С таким пышным кортежем Их Величества проскакали по столице от ворот Сент-Антуан до Лувра, и не было места, проезда, где народ не выражал бы приветственными криками радость, которую он испытывал в такой счастливый день», — пишет Франсуа Блюш.

Мазарини чувствовал себя так плохо, что следил за процессией из окна Бове.

В последнее время он сильно сдал. Обострились все хронические болезни, и кардинал понимал, что осталось ему уже недолго. Он был еще совсем не стар, и планов у него было так много... Умирать сейчас, когда закончился тяжелый период войны и с внешними и внутренними врагами, и можно было, наконец пожить спокойно, казалось ему чертовски обидным. Но что же поделать... У Мазарини было утешение, — он сделал все, чтобы укрепить королевскую власть. Он успел достойно воспитать Людовика XIV, и был уверен в том, что тот сможет править самостоятельно. А еще он оставил хитроумные политические ловушки, которые в будущем должны будут сослужить Франции добрую службу.

Отправляясь во Францию, чтобы стать женой Людовика XIV, Мария-Терезия отскакалась от своего права владеть какими-либо землями на территории Испании, но взамен на это обещание Мазарини вынудил Филиппа IV согласиться дать за принцессой огромную сумму денег, — пятьсот тысяч золотых эскудо, — в качестве приданого. Мазарини точно знал, что разоренной бесконечными войнами Испании такой суммы никогда не собрать. Так и произошло. Французскому королю не было выплачено ни единой

монеты. И это дало ему право, после смерти Филиппа IV в 1665 году, заявить права своей супруги на земли в Южных Нидерландах, уже давно принадлежавшие Габсбургам.

Будучи единственной дочерью от первого брака новопреставившегося короля, согласно всем известному «деволюционному праву», Мария-Терезия считалась его наследницей в большей мере, чем дети от второго брака, и могла претендовать на личные земли и имущество Филиппа IV. Ведь если земли самой Испании принадлежали государству, то земли во Фландрии считались семейным имением Габсбургов и, по мнению французских дипломатов, должны были перейти по наследству Марии-Терезии. Испания, разумеется, не согласилась с этим требованием и началась война, которая получит название «деволюционной». Это будет первая большая война Людовика. Это будет первая его большая победа.

Глава 17

СМЕРТЬ КАРДИНАЛА

Мазарини все больше слабел. Он угасал практически на глазах. Он очень похудел и, чтобы скрыть смертельную бледность, был вынужден даже пользоваться румянами. Хотя кого это могло обмануть?

Он страдал целым букетом тяжелых заболеваний, страшно мучавших его: подагрой, язвами на ногах, невралгическими коликами. Постоянно давали о себе знать камни в почках. А болезнь легких часто давала отек.

Кардинал не сдавался, постоянно пытаясь что-то придумать для облегчения страданий, он даже сам готовил какие-то микстуры и таблетки. Но помогало все это мало.

Анна Австрийская тревожилась настолько, что совершенно позабыла былую гордость: она не скрывала более своего истинного отношения к кардиналу и могла в присутствии придворных и даже посольств других держав напомнить возлюбленному, что ему пора принять лекарство или перекусить... А чем больше болезнь прогрессировала — тем более навязчивой становилась королева-мать: во время торжественного ужина она громко говорила кардиналу, что то или иное блюдо врачи не рекомендуют ему есть, или звала лакея, чтобы он подал кардиналу чашку со специально приготовленным для него целебным отваром, диетическим бульоном... Анна Австрийская страдала из-за того, что не могла находиться при нем постоянно. Она не могла, конечно, поселиться в покоях кардинала, но посещала его очень часто и оставалась подле него подолгу — так, что даже утомила своей заботой Мазарини, все еще продолжавшего хлопотать о политике и придворных интригах. Однажды, когда лакей в очередной раз объявил о прибытии королевы, кардинал не выдержал и сказал — в присутствии группы свидетелей, оставивших воспоминания об этом: «Ах! Эта женщина настолько надосла мне, что скоро загонит меня в гроб! Оставит ли она когда-нибудь меня в покое?»

В начале февраля 1661 года Мазарини стало хуже.

Произошло это из-за пожара, вспыхнувшего в Лувре, в галерее Королевского павильона, где в то время проходил ремонт. Огонь быстро распространялся и дошел до покоев его пресвященства. Мазарини спасся, но так сильно наглотался дыма, что болезнь легких обострилась, перейдя в гнойный плеврит.

Кардинала пересвезли из Парижа в Венсенский замок. Понимая, что человек, так много для нее значивший, умирает, что смерть его — это уже вопрос не лет или месяцев, а недель или даже дней, Анна Австрийская тоже покинула Париж и приехала «погостить» в Венсенский замок. Она ухаживала за Мазарини как заботливая супруга, игнорируя не только его протесты и капризы, но даже приказы своего старшего сына — короля Франции — немедленно вернуться ко двору... Нет, она оставалась рядом с Мазарини до самой его смерти.

Мазарини умирал в страшных мучениях. Незадолго до смерти он попросил усадить его в кресло и пронести по комнатам дворца. В последний раз он любовался своей сокровищницей, своей коллекцией великолепных драгоценных камней, своей библиотекой, насчитывавшей тридцать пять тысяч томов, своими картинами, статуями, вазами... «И оставить все эти сокровища!» — с горечью вздыхал Мазарини. Ему было жаль умирать — но страха перед смертью он не испытывал. В одно из последних посещений его придворными кардинал откинул одеяло и показал свои ноги — иссохшие, покрытые синими пятнами — «вот ноги, которые потеряли покой, обеспечив его Европе, и на что они похожи теперь...»

7 марта Мазарини причастился и исповедался, в присутствии епископов, придворных, высших чиновников и родственников. Около его постели находились также и Анна Австрийская и Людовик XIV. После того как все самое необходимое было закончено, кардинал остался наедине с королем. О чем они говорили, никто не знает. Слуги лишь

подместили, что король плакал. Следующий день кардинал провел в забытии, очнувшись лишь под вечер. В полночь с 8 на 9 марта он попросил прощения у всех, кому сделал зло, а затем пробормотал: «Вся моя надежда на Иисуса Христа».

В два часа ночи 9 марта 1661 года Мазарини скончался.

Но, прежде чем умереть, он сделал еще одно очень важное дело.

Он устроил свадьбу брата короля Филиппа, ставшего после смерти дядюшки Гастона герцогом Орлеанским, и английской принцессы Генриетты-Анны Стюарт, сестры не так давно вернувшего себе престол короля Карла II.

Глава 18

МЕСЬЕ, БРАТ КОРОЛЯ

В королевских семьях испокон веков складывалось так, что братья ненавидели друг друга и вечно строили козни, чтобы получить корону. При дворе любили вспоминать сны о кончине Карла IX, предпоследнего монарха из рода Валуа, тот якобы был отравлен книгой, пропитанной ядом, которую подложил ему кто-то из братьев — Генрих или Франсуа. Чего уж говорить о нынешних временах, о мирно почившем Гастоне Орлеанском, который жизни не представлял без того, чтобы не строить козни?

В самом деле, разве это справедливо, что слава, почет и, главное, — власть достаются одному из королевских детей лишь только потому, что он появился на свет первым? И разве это не унижительно, что тебе, человеку, в чьих жилах течет та же самая кровь, всегда придется кланяться?

Уступать? А ведь ты, может быть, гораздо достойней своего старшего брата...

Сыновьям Людовика XIII повезло — между ними никогда не было конкуренции.

Филипп любил своего брата. Заслуга ли в том Анны Австрийской, которая распорядилась так, чтобы сыновья росли вместе и дружили? Или все дело в том, что, несмотря на все свое сумасбродство и вспыльчивость, Филипп был хорошим человеком, довольно добродушным и мягким? Возможно, имело значение и то и другое.

А еще, конечно, важно было то, что Филипп совершенно не стремился править государством. И более того, — одна только мысль об этом приводила его в ужас. Быть королем не так увлекательно как кажется, слишком много работы, слишком мало развлечений, да еще и ответственность за будущность государства давит на плечи. Гораздо удобнее быть братом короля, иметь возможность развлекаться и ничего не делать. Скажете, ничего не делать скучно? О, как вы ошибаетесь! Скучно может быть только тому, у кого не хватает фантазии или средств для ее исполнения. У принца Филиппа всегда было достаточно и того и другого.

Филипп родился 21 сентября 1640 года в Сен-Жермен-ан-Ле. По поводу его появления на свет никто не испытывал столь бурного восторга, как при рождении дофина. Но то, что мальчик родился здоровеньким и крепким, весьма порадовало кардинала Ришелье. Два наследника престола — это уже надежная гарантия того, что власть не перейдет в неподобающие руки.

С раннего детства и до окончания Фронды Людовик и Филипп много времени проводили вместе, — вместе учились, играли, хулиганили и оба бывали выпороты за шалости. Их обоих тайно увозили из Парижа, укрывая от интриг бунтующих принцев, и все невзгоды и лишения — вымораживающие до костей ночи в неотапливаемом дворце Сен-Жермен, незащищенность и страх перед толпой — братья переживали вместе.

Как и всем братьям, им случалось ссориться и временами драться. И не всегда из потасовок выходил победителем Людовик, хотя он и был старше.

Филипп Эрланже в книге «Месье, брат короля» пишет: «Когда королю было тринадцать, а его брату одиннадцать, двор остановился в замке Корбей. Людовик попросил поставить кровать принца в той же спальне, где должен был ночевать и он сам. Проснувшись утром, он, неизвестно по какой причине, плюнул в постель брата. Герцог рассвирепел и тоже плюнул в постель короля. Людовик ударил брата по носу. А тот в отместку помочился на его кровать. Король отвстил тем же. Завязалась драка, длившаяся до тех пор, пока братьев не растащил их наставник Виллиерау».

Или, например, был случай, несколько лет спустя, когда Филипп, однажды вознамерившись эпатировать окружающих, — что, вообще, было ему свойственно, — во время Великого поста заказал себе кашу. Людовик разозлился, вырвал кастрюлю из его рук и приказал унести ее из столовой. Филипп ударил его тарелкой по носу. Людовик пинками выгнал Филиппа из-за стола.

Братья всегда очень бурно выясняли отношения, об их ссорах было известно всему Лувру, — и позже Версалью, — даже если они проходили за закрытыми дверями. Неизменный предмет развлечения для придворных. Филипп был весьма темпераментен, а Людовик был упрям. Но, в отличие от Людовика, который если обижался на что-то, то мог злиться долго, Филипп имел легкий и отходчивый характер.

«Я приезжала каждый день, а иногда и два раза в день в Лувр — мое постоянное местопребывание, чтобы поиграть с королем или с герцогом Анжуйским, который был самым милым ребёнком в мире, и с кем я всегда отлично дружила», — вспоминала о нем в «Мемуарах» Великая Мадсмуазель.

Доверительные отношения были у Филиппа и с матерью.

«Королева-мать очень любила младшего сына, красавца, с мягким характером.

Действительно, герцог Орлеанский был нежнее и, если можно так выразиться, женственнее короля. Он подкупал мать той чувствительностью, которая всегда привлекает женщин. Анна Австрийская, очень желавшая иметь дочь, находила в Филиппе внимание, нежность и ласковость двенадцатилетнего ребенка.

Бывая у матери, принц восхищался ее красивыми руками, давал советы относительно разных помад, рецептов духов, о которых она так заботилась, целовал ее пальцы и глаза с очаровательной ребячливостью, угощал ее сладостями, говорил о ее новых нарядах.

В старшем сыне Анна Австрийская любила короля, вернее — королевское достоинство: Людовик XIV воплощал

для нее божественное право. С королем она была королевой-матерью, с Филиппом — просто матерью. И принц знал, что материнские объятия — самое приятное и надежное из всех убежищ мира.

Еще ребенком Филипп укрывался в этом убежище от ссор между ним и Людовиком. Часто после тумачков, которыми он награждал его величество, или после утренних сражений в одних рубашках, в присутствии камердинера Ла Порта в роли судьи, или поединка, в котором король и его непокорный слуга пускали в ход кулаки и ногти, Филипп, победив, но сам страшась своей победы, обращался к матери за поддержкой или стремился получить у нее уверенность в прощении Людовика XIV, которое тот давал неохотно.

Благодаря такому мирному посредничеству Анне Австрийской удавалось смягчать разногласия сыновей, и она была посвящена во все их тайны.

Король, немного завидовавший исключительной нежности матери к брату, склонен был вследствие этого в большей степени подчиняться Анне Австрийской и больше заботиться о ней, чем можно было ожидать, судя по его характеру».

Александр Дюма «Виконт де Бразелон, или Десять лет спустя».

Как уже упоминалось выше, кардинал Мазарини не любил Филиппа, подозревая, что, став взрослее, тот повторит путь своего дяди Гастона и будет вечной угрозой для трона. Основания к таким предположениям были: Мазарини мог

видеть, что младший брат короля достаточно отважен, авантюрен и проявляет интерес к воинскому искусству. Хотя его особо ничему не учили, и к пятнадцати годам он едва умел читать, — Филипп увлеченно изучал мемуары великих военачальников и потом ровными рядами расставлял солдатиков на ковре, как на поле битвы, разыгрывая сражения.

Все это, конечно, никуда не годилось.

Многие биографы предполагают, что из Филиппа сознательно растили изнеженное, утонченное создание, воспитывая в нем гомосексуалиста.

«Филипп, единственный брат Людовика XIV, расплачивается за ошибки, совершенные его двоюродными дедушками, — пишет Филипп Эрланже в книге «Филипп Орлеанский. Регент». — Собственная мать и кардинал Мазарини смотрят на него с ужасом, как на единственного француза, способного взорвать прекрасное здание, поднимающееся из руин, в которые была превращена страна за столетие гражданских войн. При помощи воспитания, которое разжигает пороки и затушевывает достоинства, его с младенчества стараются превратить в ничтожество. Превратив этого отважного, порывистого и очаровательного подростка в ветреного юнца, воспитатели считали, что сослужили государству хорошую службу: ничтожество принца было залогом спокойствия в королевстве».

И создается впечатление, что это действительно так.

Анна Австрийская любила наряжать Филиппа девочкой и позволяла фрейлинам играть с ним как с куклой. Они затягивали его в корсет — ужасное сооружение, в котором было мучительно трудно дышать и совершенно невозмож-

но бегать. Они одевали его в девичье платье до пола, они пудрили его, подводили ему глаза, они красили его своими собственными жирными и пахучими красками: процесс окрашивания Филиппу еще нравился — дамы пальчиками доставали краску из красивых серебряных коробочек и нежными, ласкающими прикосновениями наносили ему на щеки и губы, а вот ощущение жира на губах и щеках было очень неприятно.

— Ах, ваше высочество, какой вы хорошенький! — умилялись они. — Истинный ангелочек, вы только взгляните на себя! Как вам к лицу этот цвет! Как вам подходят эти кружева!

— Ах, пойдемте гулять в парк! Давайте играть, будто вы — девочка, давайте всех обманем, вы же любите розыгрыши! Я готова поспорить, никто вас не узнает!

— Ах, ваше высочество, вы неправильно двигаетесь. Ножку надо ставить вот так... Взгляните на мои ноги, я приподниму юбку, чтобы вам лучше было видно... Вот так слегка сгибаете колено... Да, правильно! Легче, изящнее, не топайте, вы же не солдат!

— Ах, возьмите всер... О, не так, не так... Кисть должна ходить мягче, не сжимайте пальцы, пусть всер трепещет... Прекрасно! Вы — способный ученик!

Поначалу Филиппу не нравились эти перседевания, ходить в платье было ужасно неудобно, но потом он привык и со временем даже начал получать от этого удовольствие. Постоянно находясь в окружении фрейлин, очень скоро он научился мыслить и чувствовать так же, как они, и начал разделять их интересы. А интересы у фрейлин были весьма

однообразны: они обсуждали своих и чужих любовников и мужей, их достоинства и недостатки, а также их удаль или же несостоятельность в постели, а еще ткани, кружева, благовония, косметику, способы сохранить свежесть кожи и густоту волос. Фрейлины влюблялись, тосковали, рыдали, бились в истериках, строили козни, ревновали. Филипп все внимательно слушал и усваивал, а потом пересказывал самое интересное своему приятелю, Франсуа де Шуази, мальчику, которого так же, как и его, — и судя по всему, ради него — наряжали девочкой. Фрейлины любили устраивать маленькие спектакли, одевая одного из мальчиков пажом, другого — девочкой. Филипп и Франсуа играли роли Тристана и Изольды, Ланселота и Гвиневры... Филиппу больше нравились женские роли, потому что они у него лучше получались, да и ростом он был меньше, чем Франсуа. Играть даму было во всех отношениях проще. А кроме того, уже в то время ему подспудно больше нравилось соблазняться, чем соблазнять, у него легко получалось жеманиться и кокетничать: он так ловко копировал своих воспитательниц, что те смеялись до слез. В финале действия он падал в объятия Франсуа и их уста сливались в поцелуй. Это уже не было театральной игрой, это было больше, чем игра, и это понимали все — быть может, кроме самих мальчиков. И все этим были довольны.

Приказ кардинала исполнялся на славу.

В остальном же Филипп всегда был предоставлен сам себе: ни его воспитанию, ни образованию не уделялось большого внимания. Все устремления Анны и Мазарини были направлены на Людовика. Из него ковали государя.

Что делали из Филиппа?.. На самом деле всем было все равно, что из него делали, от него требовалось только одно: не повторить судьбу дядюшки Гастона, не сделаться опасным для трона.

Филипп не был опасным. И настолько не был, что к его четырнадцати годам недремлющее око кардинала Мазарини уже и не устремлялось в его сторону.

Кардинал не любил Филиппа, и тот, разумеется, платил ему той же монетой.

Еще в раннем детстве, когда за обоими братьями присматривал камердинер королевы Ла Порт, который терпеть не мог супруга своей госпожи, он при каждом удобном случае стремился наговорить про него гадости своим подопечным. Людовик слишком любил и почитал кардинала, чтобы прислушиваться к его словам, Филиппу же любить Мазарини было совершенно не за что, и в нем Ла Порт нашел благодарного слушателя.

Тем не менее, когда в 1658 году король был серьезно болен и взоры придворных уже обратились на его брата, ожидая, что корона того и гляди перейдет к нему, Филипп не поддавался на уговоры немедленно собравшихся вокруг него заговорщиков арестовать или убить Мазарини. Ему не хотелось огорчать мать. Да и вообще, в то время он не мог думать больше ни о чем, кроме здоровья брата. Он ужасно переживал. И даже плакал, когда его, опасаясь, как бы он ни заразился, не пустили к постели короля.

К счастью, его величество пошел на поправку, и Филиппа миновало едва не свалившееся на него бремя власти.

Настало время, когда Франсуа Шуази покинул Филиппа. Второй сын в семье, он был обещан церкви, так что теперь ему предстояло стать священником. Он и стал со временем знаменитым аббатом Шуази, оставившим потомкам такие занятные мемуары.

Расставание далось мальчикам нелегко, оба пролили много слез, полагая, что прощаются навсегда. Филипп страдал, но как бы ни был он влюблен в своего друга, довольно скоро он утешился. В конце концов, мальчишки его возраста в то время Филиппа не интересовали. Ему нравились мужчины. Высокие, сильные и красивые. При дворе таковых находилось предостаточно, и многие из них совсем не прочь были соблазнить юного принца и выбиться в фавориты. Собственно, тех, кто ему отказывал, было не так уж много.

Считается, что принца лишил невинности племянник кардинала Филипп Манчини, будущий герцог Неверский. Пожалуй, один из самых известных фаворитов Мессье, Арман де Грамон, граф де Гипп, — ему уделено довольно много внимания в романе Александра Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя». Де Гипп был человеком образованным и храбрым, к тому же весьма привлекательным внешне. Хотя, по словам мадам де Лафайет, все его блестящие качества несколько меркли из-за его безграничного тщеславия. С герцогом Орлеанским Гипп обращался нарочито грубо, иногда мог во время какого-нибудь раута запросто дать Филиппу пинка, хотя, судя по всему, самому принцу это нравилось.

Другая известная личность — граф де Вард. Помните, как в романах Анн и Сержа Галлион «Путь в Версаль» этот злобный и коварный интриган вместе с принцем Филиппом охотятся за прекрасной Анжеликой, пытаясь ее убить? Конечно, в этой истории все выдумка от начала и до конца, но по воспоминаниям людей, знавших его, граф де Вард действительно имел крайне скверный характер и был ужасно злопамятен, иметь его в числе врагов было крайне опасно.

Но зато и от дружбы с ним можно было получить немало пользы.

Однажды, это было в 1658 году, де Вард был серьезно ранен на дуэли, Филипп очень переживал за его здоровье, беспрестанно спрашивался о нем и даже неоднократно навещал своего несчастного друга.

Такое особенное расположение принца де Вард не мог не использовать для своей пользы и однажды упросил Филиппа принять ко двору племянника герцога д'Эльбсфа, — тот обещал за это простить ему внушительный долг. Племянника звали Филипп де Лоррен-Арманьяк, было ему в ту пору пятнадцать лет, и он вполне годился в пажи, даже, можно сказать, уже перерос самый подходящий для этого возраст. Юноша был красив, высок ростом, очень хорошо сложен. При дворе герцога Орлеанского его появление произвело даже некоторый фурор. Свежие личики всегда вызвали у придворных особенное внимание, а уж когда они были так хороши, то внимание это становилось особенно пристальным. И от поклонниц у юного пажа не было отбоя. Де Вард однажды сказал, что стоило бы Лоррену уронить

платок и дамы выстраивались бы в очередь для того, чтобы поднять его.

По описаниям современников, характер де Лоррен имел совсем не ангельский, о нем говорили как о человеке циничном и жестоком, с садистскими наклонностями, бестерпимом и завистливом. Тем не менее он был любимым фаворитом принца Филиппа на протяжении многих лет до самой его смерти. Они практически не расставались.

Филипп не совершал выдающихся подвигов и не устраивал заговоров, однако, в отличие от множества других младших братьев выдающихся особ, отметился в изрядном количестве художественных произведений. Его образ неизменно привлекал писателей, кинорежиссеров и даже авторов мюзиклов. И — исключая разве что роман супругов Галлон — его высочество везде чрезвычайно мил и обаятелен. Он появляется в фильме «Ватель», где вместе с фаворитами развлекается в поместье опального принца Конде, устроившего грандиозный прием для короля, чтобы вернуть его милость. В мюзикле «Король-солнце» он один из главных героев и — просто само очарование. Даже в фильме о детских годах Людовика XIV «Король-дитя», где разворачиваются суровые события Фронды, стоит появиться в кадре маленькому Филиппу, и, кажется, мир вокруг расцветает.

Принц Филипп и его фавориты, пожалуй, самые одиозные фигуры при дворе короля. В молодые годы Людовик XIV был далек от ханжества и исповедования суровой морали, и все же по части веселья — иногда весьма непо-

требного веселья, — его двору было далеко до двора его брата герцога Орлеанского.

Некоторые зарисовки об обычном времяпрепровождении принца Филиппа можно почитать и у Ги Бретона:

«Надо признать, что забавы эти порой превосходили всякое воображение и переходили все границы. Однажды, пируя с шевалье де Лорреном и прочими сотоварищами по разврату, герцог Орлеанский придумал следующее развлечение. В компании находился некий полковник, который был феноменально толст. Звали его Валлон. “Принцу, — рассказывает Дюлор, — пришла в голову мысль, что было бы чрезвычайно интересно попробовать съесть яичницу, положенную на жирное брюхо этого полковника. Все пришли в восторг, и Валлон, сняв рубашку, разлегся на земле. Повар шмякнул пылающую яичницу на голос брюхо, и сотрапезники приступили к делу, не обращая внимания на ужимки полковника, который боялся щекотки”.

После этого ужина Мессье и шевалье де Лоррен решили отправиться с друзьями в Париж, чтобы завершить ночь у знаменитой кургизанки по имени Ла Неве. Эта веселая особа держала дом, предназначенный для подобных развлечений. Они оставались там до рассвета и успели совершить множество безумств, которые не вполне удобно описывать.

“Внезапно, — рассказывает Дюлор, — принц предложил устроить одну маленькую шутку. Он послал за комиссаром полиции якобы от имени соседей, обеспокоенных шумом. Комиссар прибыл в сопровождении солдат и обнаружил Ла Неве, лежащую в постели между принцем и Валлоном; вся остальная компания спряталась в соседней комнате.

Комиссар, понятия не имевший, кто эти мужчины, приказал им немедленно сойти с кровати; а когда те стали насмехаться над его распоряжением, велел своим людям вытащить их силой. В этот момент из соседней комнаты появились друзья принца: обнажив голову, они приветствовали его самым почтительным образом, а затем стали наперобой предлагать свои услуги, чтобы помочь ему одеться.

Комиссар, поначалу изумленный всеми этими почестями, онемел от ужаса, узнав принца по знакам его достоинства. Упав к ногам его высочества, он стал умолять о пощаде, на что принц ответил: “Успокойтесь, я не буду вас строго наказывать”. Затем он приказал построить всех девок таким манером, чтобы они показывали голый зад честной компании. Комиссар со свитой все еще не могли понять, что их ждет. Им было велено раздеться до рубашек, а затем все они поочередно со свечой в руках принесли публичное покаяние филейной части этих девиц. Исполнено сие было с соблюдением полагающегося церемониала”.

Бесстыдство их не знало границ. Они занимались только своим туалетом: красились, примеряли серьги и кружева, ставили мушки и завивались. Дело дошло до того, что на одном из балов в Пале-Рояле Филипп Орлеанский, нарядившись в женское платье, танцевал со своим шевалье...»

Можно себе представить, как вытягивались физиономии придворных, как столбенели Анна и Мазарини, когда Филипп являлся на бал или официальный прием — наряженный в женское платье, раскрашенный как кукла, с лентами в старательно уложенных и надушенных волосах, а главное — сопровождаемый эскортом из рослых молодых дво-

рян, изо всех сил изображавших влюбленность. Или, быть может, кое-кто из них действительно был влюблен? Впрочем, это не важно... Он появлялся — и другие придворные кланялись ему, согласно этикету, а он протягивал руку для поцелуя и, кусая губы, чтобы не расхохотаться, любовался тем замешательством, в которое ему удавалось повергнуть надменных министров и почтенных маршалов. Он склонялся в глубоком реверансе перед королем и матерью, а они вынуждены были смеяться и обращать происходящее в шутку. Они ждали, что и Филипп обратит все в шутку, но нет, тот до самого конца изображал девицу.

Была ли это маленькая месть Мазарини? Или Филиппу просто нравилось вести себя подобным образом? Скорее всего, и то и другое верно...

Мазарини понимал, что методы его воспитания дали не совсем те плоды, на которые он рассчитывал. Лихие развлечения Филиппа не особенно его радовали. Собственно, это и явилось основной причиной того, что незадолго до смерти он задумался над тем, чтобы его женить. Хотя — политические соображения, конечно, тоже значили немало. Союз с Англией был бы весьма полезен для Франции.

Глава 19

ГЕНРИЕТТА АНГЛИЙСКАЯ: НЕВЕСТКА И ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Генриетта-Анна Стюарт, младшая дочь Карла I, родилась 16 июня 1644 года, в самый разгар бушующей в Англии гражданской войны. С самого рождения и до конца дней ее, — а прожила она до прискорбия мало, — эту принцессу

будто преследовал злой рок. На ее долю выпало очень мало счастливых дней.

К 1641 году противостояние Карла I и парламента зашло так далеко, что разрешить дело мирными переговорами представлялось уже невозможным. Абсолютная монархия в Англии доживала последние дни. Парламент не желал давать королю власти ни в управлении страной, ни в международной политике, обострился и конфликт между католиками и протестантами. Парламентарии дошли до того, что начали требовать выслать из страны королеву-католичку и лишить ее детей права наследования престола.

Генриетта-Мария Французская вышла замуж за Карла I в 1625 году, когда ей было всего 15 лет, и первые три года жизни на чужбине стали для нее настоящим кошмаром. Помимо того что ей пришлось соперничать с фаворитом мужа красавчиком Бэкингемом, — соперничать, разумеется, совершенно безуспешно, — так она еще и вела себя глупо, отчего-то возомнив, что ей свыше ниспослана святая миссия вернуть Англию в лоно католической церкви. Особо странные выходки королевы, такие как ее отказ участвовать в коронации мужа или совершенный ею молебен в Тайберне, где были повешены католики, собиравшиеся взорвать парламент, столь негативно настроили к ней англичан, что Карл I был вынужден принять некоторые меры, чтобы обуздать религиозный пыл супруги: в частности, он отправил домой, во Францию, большую часть ее свиты.

Однако когда в 1628 году был убит герцог Бэкингем, словно пелена упала с глаз Карла I, он вдруг обратил внимание на свою жену и будто бы впервые ее увидел. Между

супругами вспыхнуло настоящее чувство. Они перестали ссориться. Они стали жить душа в душу. И на свет один за другим начали появляться дети.

Первые роды Генриетты-Марии были настолько тяжелыми, что сама она едва не умерла, а ребенок скончался, не прожив и нескольких часов. Тем не менее все последующие беременности завершились благополучно, хотя они и следовали одна за другой, изрядно измучив юную королеву. В 1630 году появился на свет будущий король Карл II, в 1631 году родилась дочь Мария-Генриетта, далее последовали будущий Яков II — 1633 год, Елизавета — 1635 год, Анна — 1637 год. Екатерина — 1639 год и, наконец, Генрих, герцог Глостерский, — 1640 год.

В 1641 году, опасаясь за свою жизнь, Генриетта-Мария вынуждена была бежать в Голландию, где, заложив свои драгоценности, она купила оружие и боеприпасы для армии короля, после чего храбро решила вернуться в Англию, выйдя на корабле в штормящее море. У самых берегов Туманного Альбиона ее корабль подвергся нападению парламентского флота, и Генриетта-Мария едва не попала в плен. На этот случай она отдала команде приказ взорвать корабль, потому что знала, — стоит только ей оказаться в руках мятежников, и ее супруг сделает все, пойдет на любые уступки, лишь бы только вернуть ей свободу. К счастью, все обошлось.

Летом 1643 года Генриетта-Мария воссоединилась с мужем, и тогда же было зачато их последнее дитя — девочка, названная в честь матери Генриеттой.

Карл I воевал с парламентом, и его ставка располагалась в Оксфорде. Но незадолго до рождения принцессы войска мятежников почти вплотную подошли к университетскому городку. Опасаясь за жизнь жены, король вынужден был спешно отправить ее в Эксетер. Из-за всех этих волнений и бесконечных переездов роды королевы проходили крайне трудно. Ко всему прочему, всего лишь через две недели после рождения дочери, Генриетта-Мария вынуждена была бежать во Францию, — парламентские войска едва не захватили Эксетер, — и малютка Генриетта осталась на попечении графини Мортон.

Карл I в то время еще одерживал победы над мятежниками, он сумел прогнать вражеское войско от Эксстера и взять на руки новорожденную дочь. Он считал ее очень красивой... Самой красивой из всех своих детей...

Король провел обряд крещения, после чего вынужден был снова отправляться на войну, — больше он не увидит младшую дочь никогда.

Вместе с графиней Мортон маленькая Генриетта прожила в Эксстере два года, до тех самых пор, пока положение короля не стало совершенно катастрофическим. Он проигрывал битвы, он терял сторонников, и к 1646 году его дело стало совершенно безнадежным, — уже можно было сказать, что Карл I потерпел сокрушительное поражение.

Эксетер был к тому времени в руках парламента, и Кромвель приказал графине Мортон отправляться с маленькой принцессой в Лондон. Но по дороге той удалось бежать. Преодолевшись крестьянкой и выдав Генриетту за своего сына, графиня Мортон покинула Англию и добралась до Парижа. Где наконец малышка оказалась в объятиях матери.

Генриетта-Мария дупи не чаяла в девочке, привязавшись к ней сильнее, чем ко всем остальным детям. Вернувшись на родину, она, ревностная католичка, наконец смогла воспитывать детей так, как считала нужным, ни на кого не оглядываясь, и сделала все возможное, чтобы спасти дупу маленькой Генриетты, приобщив ее к истинной вере.

Она окрестила дочь по католическому обряду, дав ей имя Анна, в честь королевы Франции Анны Австрийской.

Королевско-беглянке были отведены покои в Лувре, — дочери Генриха IV, конечно, не могли отказать в приюте. Однако заботиться о ее благополучии ни у кого не было ни времени, ни желания. Франция тоже волновалась как бурное море, набирала обороты Фронда, королевская семья была вынуждена бежать из Парижа, и пенсия, некогда назначенная Генриетте-Марии из казны, перестала выплачиваться.

«На протяжении восьми лет французский двор не мог оказать изгнанникам действительной помощи, — пишет Ги Бретон. — Зимой в их квартире было так холодно, что Генриетта все дни напролет оставалась в постели, а вся ее пища состояла из нескольких сваренных в воде овощей. Чтобы как-то прожить, английская королева продавала свои платья, драгоценности, мебель, и в конце концов все ее имущество, по свидетельству мадам де Моттевиль, состояло “из одной маленькой чашки, чтобы иметь возможность утолить жажду”».

Кто знает, чем бы кончилось дело, если бы о несчастных не позаботился один из лидеров Фронды, кардинал де Гонди, приказавший привезти им еду и дрова, когда положение стало совсем уж отчаянным.

В январе 1649 года Генриетта-Мария узнала страшную новость о казни Карла I. Исчезла последняя надежда на то, что ее жизнь сможет измениться в лучшую сторону. И в самом деле, все становилось только хуже, хотя, казалось бы, дальше было уже некуда...

Генриетта-Анна была еще слишком мала, чтобы вполне осознавать, что происходит, но приходилось ей несладко. После смерти мужа ее мать, и без того не обладавшая крепким психическим здоровьем, казалось, совершенно лишилась рассудка. Ее религиозное рвение перешло все возможные пределы. К тому же у нее появился любовник. Это был один из английских эмигрантов лорд Жермин, человек грубый, жадный и ограниченный, к тому же еще и драчун. «Однажды он закатил две увеселительные оплеухи королеве Англии, — пишет Бретон. — А та, будучи достойной дочерью своего отца Генриха IV, не осталась в долгу и больно ударила его по щеке, и на глазах испуганной девочки началась потасовка между любовниками...»

В 1653 году Мазарини заключил союз с Кромвелем, из-за чего Францию вынуждены были покинуть сыновья казнённого короля, — Карл II, Яков, герцог Йоркский, и Генри, герцог Глостерский. Впрочем, в то время у них окончательно испортились отношения с матерью, которая не могла думать ни о чем другом, кроме их крещения в католицизм, а иначе грозила проклясть.

Генриетта-Анна не могла поступить так же, как братья, и просто уехать, поэтому весь пыл религиозного рвения и родительской заботы достался ей.

В 1654 году Мазарини возобновил выплату им пенсии. И Генриетта-Мария переехала в старинный загородный

особняк маршала Бассомпьера на холме Шайо, который тут же превратила в монастырь.

Помимо религиозного рвения Генриетта-Мария была одержима еще одной идеей, она хотела выдать свою дочь замуж за Людовика XIV, и потому с одиннадцати лет Генриетту-Анну начали вывозить в свет.

Девочка не смогла привлечь внимания царственного кузена. Она была слишком плохо одета. Она была худенькой и бледной и совершенно некрасивой. Над ней только потешались... Людовик пренебрежительно называл ее «святой невинностью» и «святыми mopами». Тогда как сама Генриетта тайно была в него влюблена и очень грустила от сознания своего несовершенства.

Разумеется, идее этого брака не поддерживали ни Анна Австрийская, ни Мазарини. Власть Кромвеля в Англии казалась незыблемой, вероятность того, что Карл II когда-нибудь вернет корону, была исчезающе мала. И Генриетта-Анна считалась совершенно бесперспективной невестой для одного из самых влиятельных в Европе монархов. Это понимали все, кроме Генриетты-Марии, продолжавшей мучить дочь своими бессмысленными мечтаниями.

Однако все изменилось в 1660 году.

Кромвель умер, а его сын не смог удержать власть, в стране начался настоящий хаос и парламент был вынужден попросить вернуться в Англию Карла II.

Ее брат стал королем, и статус Генриетты мгновенно изменился. Она больше не была приживалкой при французском дворе, она стала английской принцессой.

Вместе с матерью Генриетта вернулась на родину, которую совершенно не помнила и не любила, ее настоящим

домом была Франция, туда ей хотелось вернуться. Она бы предпочла вернуться королевой, но, увы, — Людовик XIV был уже женат.

Как именно отреагировала принцесса на предложение стать женой герцога Орлеанского, не известно, — ведь она знала о том, что брат короля не испытывает влечения к женщинам. Скорее всего, для нее это не имело значения. Генриетта хотела вернуться во Францию. Не на правах бедной родственницы. А как сестра английского монарха. Как жена брата французского короля. После всех лет унижений ей хотелось триумфа, ей хотелось блистать.

Мазарини умер 9 марта 1661 года.

А 31 марта состоялась свадьба. За несколько дней до смерти кардинал просил убитую горем королеву ни в коем случае не откладывать церемонию. Впрочем, вряд ли это было возможно. О предстоящем браке герцога Орлеанского и Генриетты Английской знала уже вся Европа. А Мазарини... Ну кто такой Мазарини? Он умер, и о нем тотчас же все забыли. Все внезапно вспомнили — что у Франции есть король.

После бракосочетания его величество подарил брату Пале-Рояль, дворец, где прошло их детство и который должен был теперь стать городской резиденцией герцога и герцогини Орлеанских.

Пресобращение в принцессу как-то вдруг изменило Генриетту. Будто фея-крестная коснулась ее волшебной палочкой, в миг превратив из дурнушки в красавицу.

«Генриетта, сформировавшись, стала замечательной красавицей. Красота ее расцвела еще пышнее, когда Стюарты опять вступили на престол.

Несчастье отняло у нее блеск гордости, но благоденствие вернуло его снова. Она вся сияла в своей радости и преуспевании, подобно тем оранжерейным цветам, что, случайно оставленные на одну ночь первым осенним заморозкам, повесили головки, но наавтра, согретые воздухом, в котором родились, раскрываются с еще невиданной пышностью.

Леди Генриетта, соединившая в себе очарование французских и английских красавиц, никогда еще не любила и была очень жестока, когда принималась кокетничать. Улыбка — это наивное свидетельство благосклонности у девушек — не освещала ее лица, и когда она поднимала глаза, то смотрела так пристально на того или другого кавалера, что они, при всей своей дерзости и привычке угождать дамам, невольно смущались».

*Александр Дюма «Виконт де Бранжелон,
или Десять лет спустя»*

С тех пор как она вернулась из Англии в сопровождении роскошной свиты, при французском дворе смотрели на нее по-новому, и находили, что она умна, обаятельна и грациозна.

Даже Филипп некоторое время был увлечен женой. Правда, недолго. По его собственным словам, он «любил Мадам ровно две недели после свадьбы». После чего его высочество вернулся к дорогому другу де Лоррену и обычному времяпрепровождению.

Генриетта в то время совсем это не печалило, она жила словно в сказочном сне. Праздники смеялись балами, прогулки пикниками, и везде она блистала, обласканная комплиментами и восхищенными взглядами придворных.

И даже его величество король, который как раз в то время окончательно расстался с Марисей Манчини, вдруг начал оказывать Генриетте недвусмысленные знаки внимания, назначив ее на шуточную должность «министра увеселений».

«Она участвовала, — пишет мадам де Лафайет, — во всех развлечениях, которые, казалось, устраивались лишь для того, чтобы доставить ей удовольствия. Что же касалось короля, то он их воспринимал опосредованно через нее и был доволен только в том случае, если праздники нравились ей. Летом Мадам любила купаться каждый день. Из-за жары к водосму она шла в карете, а обратно возвращалась верхом на лошади в сопровождении нарядно одетых дам в украшенных перьями шляпах, молодых придворных и короля. После ужина все усаживались в коляски и совершали ночные прогулки вдоль канала».

Король так увлекся своей невесткой, что их роман стал очевиден для всех.

Даже для королевы, оставшейся из-за беременности скучать в Париже.

Мария-Терезия пожаловалась королеве-матери, что его величество ведет себя неподобающим образом. Анна Австрийская пыталась увещевать сына, но тот не внял ее словам. Тогда Анна пошла на маленькую хитрость, — она намекнула Филиппу, что его жена «не находится в достаточной безопасности от любовного приключения».

Филипп был изумлен и разгневан. Несмотря на то что он не любил свою жену и сам совершенно не заботился о том,

чтобы хранить супружескую верность, он был жутко ревнив и устроил Генриетте грандиозный скандал. А потом, сочтя, что этого недостаточно, явился к королю и упрекнул его в том, что он покушается на его честь.

Людовику совсем не хотелось ссориться с братом, тем более, что он действительно чувствовал себя виноватым, но и оборвать отношения с его супругой было выше его сил.

Генриетта придумала коварный план.

— Сделайте вид, — посоветовала она королю, — что любите другую женщину, и досаждающие нам слухи сразу же прекратятся.

Это был опасный путь. Самый опасный из всех возможных... Но Генриетта была слишком молода и неопытна, слишком влюблена и слишком самоуверенна, чтобы догадаться об этом.

«Условившись между собой, — пишет мадам де Лафайет, — что король сделает вид, что влюбился в какую-нибудь придворную даму, они стали подыскивать подходящую кандидатуру для претворения в жизнь замысла».

Их выбор пал на двух фрейлин королевы: мадемуазель де Пон и мадемуазель Шемеро. Но первая, не желая играть столь жалкую роль, тотчас же уехала в провинцию. Вторая же была слишком напориста и вздумала по-настоящему завоевать сердце короля.

И тут Генриетта сама нашла подходящую кандидатуру: милую, простенькую провинциалку из своей свиты Луизу де Лавальер. Наивную, скромную и совершенно не амбициозную девушку. Да к тому же еще и хромоножку.

«— Что вы скажете о мадемуазель де Тонне-Шарант, Генриетта? — спросил король.

— Скажу, что волосы у нее слишком светлые, — отвечала принцесса, сразу указывая на единственный недостаток, который можно было поставить в упрек почти совершенной красоте будущей 2-жи де Монтеспан.

— Да, слишком белокура, это верно, но все же, по-моему, красавица.

— О да, и кавалеры так и кружатся около нее. Если бы мы охотились вместо бабочек за ухаживателями, смотрите-ка, сколько бы мы наловили их возле нее.

— А как вы думаете, Генриетта, что сказали бы, если бы король вмешался в толпу этих ухаживателей и бросил свой взор на красавицу? Принц продолжал бы ревновать?

— О государь, мадемуазель де Тонне-Шарант средство очень сильное, — вздохнула принцесса. — Ревнивец, конечно, вылечился бы, но, пожалуй, явилась бы ревнивица!

— Генриетта, Генриетта! — воскликнул Людовик. — Вы наполняете мое сердце радостью. Да, да, вы правы, мадемуазель де Тонне-Шарант слишком прекрасна, чтоб служить ширмой.

— Ширмой короля, — с улыбкой отвечала Генриетта. — Эта ширма должна быть красива.

— Так вы мне советуете ее? — спросил Людовик.

— Что мне сказать вам, государь? Дать такой совет — значит дать оружие против себя. Было бы безумством или сомнением рекомендовать вам для отвода глаз женщину, гораздо более красивую, чем та, которую вы будто бы любите.

Король искал руку принцессы, ее взгляд и прошептал ей на ухо несколько нежных слов, так тихо, что автор, который должен все знать, не расслышал их.

Потом он громко прибавил:

— Ну хорошо, выберите сами ту, которая должна будет излечить наших ревнивцев. Я буду за ней ухаживать, посвящу ей все время, какое у меня останется от дел, ей буду отдавать цветы, сорванные для вас, ей буду нашептывать о нежных чувствах, которые вызовете во мне вы. Только выбирайте повнимательнее, иначе, предлагая ей розу, сорванную моею рукою, я буду невольно смотреть в вашу сторону, мои руки, мои губы будут тянуться к вам, хотя бы мою тайну угадала вся вселенная.

Когда эти слова, согретые любовной страстью, слетали с уст короля, принцесса краснела, трепетала, счастливая, гордая, упоенная. Она ничего не могла найти в ответ: ее гордость, ее жажда поклонения были удовлетворены.

— Я выберу, — сказала она, поднимая на него свои прекрасные глаза, — только не так, как вы просите, потому что весь этот фимиам, который вы собираетесь сжигать на алтаре другой богини, — ах, государь, я ревную к ней, — я хочу, чтобы он весь вернулся ко мне, чтобы не пропала ни одна его частица. Я выберу, государь, с вашего королевского соизволения такую, которая будет наименее способна увлечь вас и оставит мой образ нетронутым в вашей душе.

— По счастью, — заметил король, — у вас сердце не злое, иначе я трепетал бы от вашей угрозы. Кроме того, среди окружающих нас женщин трудно отыскать неприятное лицо.

Пока король говорил, принцесса встала со скамьи, окинула взглядом лужайку и подозвала к себе короля.

— Подойдите ко мне, государь, — сказала она, — видите вы там, у кустов жасмина, хорошенькую девушку,

оставшую от других? Она идет одна, опустив голову, и смотрит себе под ноги, точно потеряла что-нибудь.

— Мадемуазель де Лавальер? — спросил король.

— Да.

— О!

— Разве она не правится вам, государь?

— Да вы посмотрите на нее, бедняжку. Она такая худенькая, почти бесплотная.

— А разве я толстая?

— Но она какая-то унылая.

— Полная противоположность мне; меня упрекают, что я чересчур весела.

— Вдобавок хромоножка. Смотрите, она нарочно всех пропустила вперед, чтобы не заметили ее недостатка.

— Ну так что же? Зато она не убежит от Аполлона, как быстроногая Дафна.

— Генриетта, Генриетта! — с досадой воскликнул король. — Вы нарочно выбрали самую уродливую из ваших фрейлин.

— Да, но все же это моя фрейлина — заметьте это.

— Так что же?

— Чтобы видеть ваше новое божество, вам придется волей-неволей приходить ко мне; скромность не позволит вам искать свиданий наедине, и вы будете видаться с нею только в моем домашнем кружке и говорить не только с нею, а и со мною. Словом, все ревнивцы увидят, что вы приходите ко мне не ради меня, а ради мадемуазель де Лавальер.

— Хромоножки.

— Она только чуть-чуть прихрамывает.

— Она никогда рта не раскрывает.

— Но зато когда раскроет, то показывает прелестнейшие зубки.

— Генриетта!..

— Ведь вы сами предоставили мне выбор.

— Увы, да!

— Подчиняйтесь же ему без возражений.

— О, я подчинился бы даже фурии, если бы вы ее выбрали!

— Лавальер кротка, как овечка. Не бойтесь, она не станет противиться, когда вы ей объявите, что любите ее.

И принцесса захохотала.

— Вы оставите мне дружбу брата, постоянство брата и благосклонность короля, не правда ли?

— Я оставляю вам сердце, которое бьется только для вас.

— И вы полагаете, что наше будущее обеспечено?

— Надеюсь.

— Ваша мать перестанет смотреть на меня как на врага?

— Да.

— А Мария-Терезия не будет больше говорить по-испански в присутствии моего мужа, который не любит слышать иностранную речь, так как ему все кажется, что его бранят?

— Может быть, он прав, — проговорил король.

— Наконец, будут ли по-прежнему обвинять короля в преступных чувствах, если мы питаем друг к другу только чистую симпатию, без всяких задних мыслей?

— Да, да, — пробормотал король — Правда, станут говорить другое.

— Что еще, государь? Неужели нас никогда не оставят в покое?

— Будут говорить, — продолжал король, — что у меня очень дурной вкус. Ну да что значит мое самолюбие перед вашим спокойствием?

— Моей честью, государь, хотите вы сказать, честью нашей семьи. И притом, поверьте, вы напрасно заранее настраиваете себя против Лавальер; она прихрамывает, но она, право, не лишена некоторого ума. Впрочем, к чему прикасается король, то превращается в золото».

Александр Дюма «Виконт де Бранжелон,
или Десять лет спустя»

...Кто же знал, что сердце Людовика так жарко отзовется не на яркую красоту и не на горячий темперамент, а на нежность, самоотверженность и чистоту...

Четыре большие любви было у «короля-солнце»: Мария Манчини, Луиза де Лавальер, Агнеса де Монтеспан и Франсуаза де Ментенон. Каждая из них была в чем-то особенной.

Но самой знаменитой фавориткой Людовика XIV стала все-таки Луиза де Лавальер, — именно о ней написано больше всего книг, включая таких известных авторов, как мадам де Жанлис и Александр Дюма-отец, а в девятнадцатом веке одна из фабрик даже выпускала обеденный сервиз «Луиза де Лавальер» со сценками из ее жизни, изображенными на дне тарелок.

Почему же именно она?

Одна из придворных дам Людовика XIV, госпожа де Келос, славившаяся своей проницательностью, в своих воспоминаниях писала, что Луиза де Лавальер была единственной из фавориток «короля-солнце», которая действительно любила Людовика, а не «Его Величество».

И Людовик не мог этого не оценить.

Глава 20

ЛУИЗА ДЕ ЛАВАЛЬЕР: ПРЕКРАСНАЯ ХРОМОНОЖКА

Луиза де Лавальер родилась 6 августа 1644 года в Турени, в небогатой многодетной семье. С раннего детства она обожала лошадей. Луиза великолепно держалась в седле, ежедневно, в любую погоду, совершала многочасовые конные прогулки и даже умела объезжать молодых непокорных животных. И это пристрастие привело к несчастью: в возрасте одиннадцати лет Луиза упала с коня, сломала ногу и повредила позвоночник. Нога срослась не совсем правильно, и до конца жизни у Луизы сохранялась довольно заметная хромота. Что, впрочем, никак не повлияло на любовь Луизы к лошадям, потому что объезжать молодых двупыла научилась уже после того рокового падения. Правда, травма повлияла на ее характер: застенчивая от природы, девочка очень стыдилась своего физического недостатка, и в отрочестве, когда к ее сестрам начали ездить молодые люди, Луиза полюбила уединение, сделалась молчалива, старалась держаться незаметно, и даже одевалась со всей возможной скромностью — всегда в белое и серое, не признавая живых ярких красок.

Уже тогда она начала подумывать об уходе в монастырь, считая, что никогда не будет любима и никогда не выйдет замуж. Будучи истово-религиозной, Луиза выбрала для себя женский орден с самым строгим уставом: орден босоногих кармелиток.

Но судьба распорядилась иначе: именно религиозность и скромное, сдержанное поведение девушки привлекло к ней внимание герцогини де Сен-Реми. Луиза приходилась ей дальней родственницей, и герцогиня, желая облагодетель-

ствовать застенчивую малышку, рекомендовала ее королевс-матери Анне Австрийской в качестве фрейлины для ее невестки, молодой королевы Марии-Терезии, славившейся своею набожностью. Королева-мать ответила благосклонно, и герцогиня де Сен-Реми пригласила Луизу в свой дом, чтобы обучить светским манерам и поведению, принятому при дворе. Луиза оказалась плохой ученицей: она была слишком простодушна и искренна, чтобы научиться той утонченной хитрости, которая была необходима, чтобы выжить при дворе и выслужиться перед сильными мира сего.

Зато в доме герцогини де Сен-Реми Луиза обрела первую в своей жизни подругу: она познакомилась с Орой де Монтале, другой бедной родственницей герцогини, тоже ожидавшей места фрейлины — правда, в свите «младшей» невестки королевы-матери: в свите Генриетты Английской. Луиза и Ора были различны между собой в той же мере, в какой различались между собой принцессы, в чьих свитах им предстояло служить. Застенчивая белокурая Луиза была как лед, веселая черноволосая Ора — как пламень, но, говорят, противоположности притягиваются, к тому же они были почти одного возраста, а в доме герцогини де Сен-Реми других молодых женщин не было. Луиза привязалась к Оре со всей искренностью, на которую способно было ее любящее сердце: сестры никогда не обращали на Луизу ни малейшего внимания, а эта девушка готова была беседовать с ней часами.

И здесь же, в доме герцогини де Сен-Реми, Луиза пережила первый в своей жизни коротенький роман: в нее влюбился сын одного из соседей и даже предложил ей руку и сердце, чего Луиза никогда не ожидала. Молодые люди обменялись несколькими письмами, Луиза уже готова была

принять предложение юноши... Но потом — отказала. Из любви к подруге и из благодарности к своей покровительнице. Ведь если бы она вышла замуж, ей пришлось бы расстаться с Орой де Монтале. И это разочаровало бы герцогиню де Сен-Реми, желавшую иметь «своего человека» в свите молодой королевы и даже заказавшую для Луизы новый гардероб.

Впоследствии эта история легла в основу романа Александра Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя». Правда, в романе герцогиня де Сен-Реми приходится Луизе матерью. А несчастный молодой человек — Рауль, сын Атоса — любит Луизу всей душой и не мыслит себе жизни без нее. В реальности все было куда банальнее — и гораздо печальнее.

В семнадцать лет Луиза оказалась при дворе.

Правда, место фрейлины в свите молодой королевы было уже занято, поэтому обе девушки — и Ора де Монтале, и Луиза де Лавальер — поступили на службу к Генриетте Английской.

Можно ли сказать, что им повезло? Оре де Монтале — безусловно. А вот Луиза, возможно, была бы при дворе королевы более счастлива. Образ жизни Марии-Терезии больше соответствовал ее темпераменту.

Молодая королева была уныла и религиозна, а единственными развлечениями, которые она признавала, были игры карликов, приславших вместе с ней из Испании.

Воспитанная в строгости мадридского двора, Мария-Терезия никак не могла привыкнуть к французской свободе нравов и чувствовала себя чужой. К тому же она все еще плохо говорила на французском языке. «Спокойная и добродетельная, но в то же время немного скверная и вор-

чливая, большую часть своего времени Мария-Терезия проводит в своих покоях в окружении испанских фрейлин, горничных и мопсов, — пишет Ж.-К. Птифис, — без сомнения, королева глубоко набожна. Она навещает бедняков и больных, покровительствует множеству монастырей и снабжает их деньгами».

При дворе герцогини Орлеанской было гораздо веселее. Генриетта окружала себя самыми элегантными кавалерами и самыми красивыми девушками, приближала к себе поэтов и драматургов, и в ее свите жизнь буквально кипела: с утра до вечера — купания, охоты, ловля бабочек, танцы, любительские спектакли.

Неизвестно, любила ли Луиза де Лавальер короля до того, как Генриетта выбрала ее на роль «пирмы».

Существует легенда, якобы королю удалось подслушать разговор между мадемуазель де Лавальер и ее подружкой, в котором Луиза признавалась в своей любви к нему, будто с этого момента и начал король по-настоящему ею интересоваться. Об этом писала мадам де Жанлис. Александр Дюма также использует эту легенду в своем романе.

«— Назовите ваш идеал.

— Какой же идеал?

— Значит, он все-таки есть?

— Право, — воскликнула выведенная из терпения Лавальер, — я решительно не понимаю вас. Ведь и у вас есть сердце, как у меня, и есть глаза, и вдруг вы говорите о господине де Гише, о господине де Сент-Эньяне, еще о ком-то, когда на балу был король.

Эти слова, произнесенные быстро, взволнованно и страстно, вызвали такое удивление обеих подруг, что Лавальер сама испугалась того, что сказала.

— Король! — вскричали в один голос Монтале и Атенаис.

Луиза закрыла лицо руками и опустила голову.

— Да, да! Король! — прошептала она. — Разве, по-вашему, кто-нибудь может сравниться с королем!

— Пожалуй, вы были правы, мадемуазель, когда сказали, что у вас превосходное зрение; вы видите далеко, даже слишком далеко. Только, увы, король не из тех людей, на которых могут останавливаться наши жалкие взоры.

— Вы правы, вы правы! — вскричала Луиза. — Не все глаза могут безопасно смотреть на солнце; но я все-таки взгляну на него, хотя бы оно и ослепило меня.

*Александр Дюма «Виконт де Бражелон,
или Десять лет спустя»*

Любила ли Луиза на самом деле Людовика прежде, чем он начал за ней ухаживать, — неизвестно.

Скорее всего, если исходить из логики характера Луизы де Лавальер, можно предположить, что она не дерзнула бы даже мечтать о короле, не помыслила бы о том, чтобы влюбиться в него. Но, заметив внимание самого могущественного человека Франции к своей скромной персоне, ответила на его интерес — самой горячей любовью, какую только можно себе представить. Только благодарности в ее любви было больше, чем страсти...

Луиза долго не соглашалась принять короля в своей комнате. Любовь боролась с целомудрием, и первое время побеждало целомудрие, хотя король, все более распаляясь из-за неприступности своей избранницы, проявлял чудеса

изобретательности — и один раз даже влез в открытое на ночь окно. Но Луиза продолжала сопротивляться, хотя уже тогда при виде короля заливалась краской и не могла оторвать от него наивно-восторженного взгляда. Подарков от короля она не принимала — только цветы и нежные записки, которые бережно сохраняла между страницами молитвенника. Король умилился до глубины души, узнав от Оры де Монтале, где именно хранит Луиза его письма.

Как-то раз, во время прогулки, группу придворных во главе с королем застиг ливень. И тогда король снял свою роскошную широкополую шляпу и держал ее над головой Луизы, словно зонт. Придворные и сама Луиза были просто потрясены подобной жертвенностью со стороны короля. Людовик действительно промок при этом до нитки, но был вознагражден: под шум низвергающейся с небес воды Луиза отдалась ему в искусственном гроте, где они вдвоем укрылись от дождя.

Луиза де Лавальер не была красавицей и не могла сравниться с Генриеттой Английской остроумием и грациозностью, но мало кто из современников не упоминал в своих мемуарах о ее необыкновенном очаровании.

Госпожа де Келюс писала, что «голос ее проникал в самое сердце».

Принцесса Палантинская утверждала, что «словами невозможно передать волшебство ее взгляда».

Кроме того, в семнадцатом веке еще ценились красота души и целомудрие, а посему у Луизы де Лавальер были некоторые преимущества перед другими дамами.

Людовик XIV умел любить сильно и даже самоотверженно — настолько, насколько вообще король может быть самоотверженным. И теперь «король-солнце» влюбился в

несвращную фрейлину, назначенную его прекрасной и царственной любовницей в качестве «спирмы» для их романа. И не преминул сообщить об этом самой Генриетте, заявив, что «они рискнули сделать ставку в опасной игре — и проиграли».

Генриетта была глубоко огорчена.

Принцесса считала, что в этой игре проиграла только она.

Впрочем, не она одна: вторым рискнувшим — и проигравшим — стал суперинтендант финансов, богатейший человек Франции, вице-король двух Америк Николя Фуке.

Неизвестно, действительно ли он воспылил страстью к Луизе или просто пытался установить с нею дружеские отношения, чтобы через нее оказывать влияние на короля.

Как-то раз он предложил Луизе двадцать пять тысяч пистолей «в подарок» — но Луиза подарка не приняла, заявив, что «даже за двести пятьдесят тысяч ливров она не сделает неверного шага».

Другой раз, пригласив короля с придворными в свой великолепный дворец в Во-ле-Виконт, Фуке принялся ухаживать за Луизой, напеитывая ей комплименты и уверяя в своей безграничной преданности.

И первое, и второе было ошибкой.

Луиза рассказала королю о деньгах, а ухаживания Фуке король лицезрел лично, что вызвало у него глубочайшее недовольство.

Кроме того, король злился на то, как щедро черпает Николя Фуке из вверенной ему казны деньги для того, чтобы покупать себе земли, дворцы, произведения искусства, любовниц и сподвижников... Дворец в Во-ле-Виконт, где суперинтендант принимал короля, и роскошное праздне-

ство, устроенное в его честь, были лишним подтверждением подозрению в казнокрадстве. Король уже давно подумывал избавиться от Фуке, тем более, что незадолго перед смертью, это советовал ему сделать Мазарини. И вот — ухаживания за Луизой стали последней каплей. Фуке оказался в тюрьме.

Луиза, по наивности своей не видевшая других причин для ареста Фуке, кроме королевской ревности, молила за «несчастливого». Но в первый раз за время их с королем романа просьбы Луизы остались без внимания. Король конфисковал дворцы и земли Фуке. И посему ни в коем случае не желал помиловать бывшего суперинтенданта.

Фуке был арестован в Нанте 5 сентября 1661 года Шарлем де Бац-Кастельмором, — знаменитым героем романа Александра Дюма, младшим лейтенантом первой роты королевских мушкетеров. Фуке обвинили в растрате, а также в оскорблении его величества — за строительство укреплений Бель-Иль без королевского разрешения. Людовик так сильно ненавидел Фуке, что дал понять судейским, что желал бы смертной казни для бывшего генерального контролера финансов, но у тех не поднялась рука принять такое жестокое решение. Фуке был приговорен к вечному изгнанию. Однако Людовик все же вмешался и ужесточил приговор, — заменив его на пожизненное заключение. Фуке был заключен в тюрьму Пиньероль, где содержался последние 15 лет своей жизни в довольно суровых условиях. Ему не разрешали писать, ему было запрещено видеться с семьей. Только под конец его жизни, король немного смягчился, и в 1679 году Фуке было позволено свидание с женой и дочерью.

Несмотря на всю свою любовь к королю, Луиза де Лавальер мучительно переживала свое грехопадение.

Для утрызений совести ей хватило бы уже самого факта утери непорочности и внебрачной связи. А тут еще откровенное недоброжелательство, высказываемое герцогиней Орлеанской, у которой Луиза по-прежнему служила. Принцесса не могла простить своей фрейлине «предательства» и беспрестанно шпионила ее при всяком удобном случае. Это отношение переняли и фрейлины принцессы, так что жизнь Луизы при дворе была бы совершенно невыносимой, если бы не любовь короля, которая сама по себе казалась молодой женщине наградой за любые страдания.

Луиза старалась встречаться с королем тайком и не в своих покоях, а ночью на аллее Фонтенбло или в покоях его друга, графа де Сент-Этьяна. Но все равно весь двор знал об их связи.

Переживания добродетельной фаворитки были столь сильны, что в объятиях Людовика она частенько плакала от стыда или принималась молиться. Что также стало известно всем придворным, — благодаря излишней откровенности ее подруги, Оры де Монтале, не раз стоявшей «на страже» во время свиданий Луизы с королем.

Луиза считала, что день ото дня губит свою бессмертную душу и во время торжественных молитв в роскошной часовне в Фонтенбло не могла сдержать слез. Чему свидетелем были опять же весь королевский двор.

Мадам де Моттевилль писала о Луизе, что «при виде королевы она бледнела и начинала дрожать».

Луиза даже умоляла своего царственного любовника сохранять верность супруге до рождения младенца. Но Людовик XIV, разумеется, не согласился. Тем более, что теперь он считал своим долгом пекся о здоровье будущего

наследника в большей мере, чем о счастье его матери, и вообще перестал посещать покои Марии-Терезии.

1 ноября 1661 года королева родила сына.

Все время пока длились роды, король находился рядом с ней и очень трогательно о ней заботился. Но внимание его к супруге не продлилось долго. И, хотя роды прошли легко, несколько месяцев после король отказывался от визитов на супружеское ложе из фальшивой заботы о здоровье Марии-Терезии, которой следовало оправиться после перенесенных страданий.

За время беременности королевы и в последующие месяцы Людовик и Луиза еще больше привязались друг к другу. Они жили почти как супруги, и Луиза решилась наконец принимать короля в своей комнате. Король и фаворитка были привязаны друг к другу настолько, что даже условились, что при любой размолвке они не лягут спать прежде, чем объяснятся друг с другом. И они соблюдали это условие до того дня, когда ко двору прибыл тот самый единственный в жизни Луизы мужчина, который ухаживал за ней когда-то и изъявлял желание на ней жениться.

Предприимчивый провинциал сразу смекнул, какие выгоды может сулить знакомство с королевской фавориткой, и поспешил напомнить о себе через Ору де Монгале.

Но Луиза предпочла сразу же отказать молодому человеку в своей дружбе и покровительстве. Она даже передала Оре все те письма, которые он когда-то написал, и попросила вернуть свои.

Ора забрала у провинциала письма Луизы, но ее письма отдавать ему и не думала: повинуясь каким-то своим, не слишком благородным расчетам, она отнесла всю пачку королю. Неизвестно, что именно наговорила мадмуазель де

Монгалис, но ревнивый Людовик был взбешен. Он буквально пихнул в лицо Луизе все эти письма... А вечером не пришел в ее комнату. Напрасно Луиза прождала его до утра.

На рассвете, решив, что король разлюбил ее и покинул, в совершеннейшем отчаянии, Луиза накинула на себя самый скромный плащ, прикрыла лицо капюшоном, вышла из дворца Тюильри и пешком пошла в монастырь Шайо.

Настоятельница была потрясена, когда увидела перед собой придворную даму в изысканном платье под старым плащом, заплаканную, растрепанную после бессонной ночи. Она не знала, как ей поступить, но разрешила Луизе помолиться в часовне монастыря. Отчаяние молодой женщины было так велико, что она ничком легла на холодные каменные плиты перед статуей мадонны и так пролежала много часов, молясь и плача.

Тем утром Людовик, ничего не подозревая, принимал в Лувре посла Испании дона Кристобаля де Гавериа. Зал был полон придворных, которые тихо переговаривались между собой, стараясь не мешать беседе короля с послом. И вдруг граф де Сент-Эньян — некогда предоставлявший свою комнату в Тюильри для свиданий короля с Луизой — громко воскликнул: «Как?! Лавальер решила постричься в монахини?!» По свидетельству присутствовавшего там господина де Бюсси-Эньяна, король побледнел, прервал беседу с послом и попросил графа де Сент-Эньяна повторить сказанное. Затем потребовал заложить карету... Не дождался, вскочил на чью-то уже оседланную лошадь и во весь опор поскакал в Шайо.

Прибытие короля переположило весь монастырь. Людовик буквально ворвался в часовню — и увидел Луизу, лежавшую на полу с раскинутыми крестом руками. У нее даже не

было сил подняться на ноги. Король поднял ее, но она продолжала рыдать и умоляла его величество оставить ее здесь, говорила о мучавшем ее стыде, о дурном отношении со стороны герцогини Орлеанской и остальных фрейлин. Король тоже растрогался, на глазах у него появились слезы. И он буквально силой, подняв на руки, унес Луизу из монастыря.

Они вернулись в Тюильри вместе, в карете короля.

Выйдя из кареты, король поцеловал Луизу и направился к Генриетте. Впервые он говорил так сурово со своей бывшей любовницей... Он приказал ей впредь относиться к Луизе со всей возможной заботой и любовью и заявил даже, что от отношения Генриетты к Лавальер зависит его, короля, отношение к самой Генриетте.

Принцессе не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться.

Весной 1663 года Луиза де Лавальер почувствовала себя беременной. Это открытие потрясло бедняжку: если прежде она хотя бы внешне соблюдала приличие, то теперь ее позор будет очевиден.

Король, напротив, несказанно обрадовался этой новости. Он мог бы выдать фаворитку замуж, чтобы «прикрыть грех», но Людовик был слишком сильно влюблен и не желал ни с кем делить Луизу.

Оставаться при дворе она больше не могла, и по ее просьбе король купил ей маленький одноэтажный особнячок рядом с Пале-Роялем. Людовик хотел бы приобрести для возлюбленной целый дворец, но Луиза сама просила его о соблюдении скромности и тайны.

В ту пору король восвал с герцогом Лотарингским и не мог находиться рядом с Луизой в последние месяцы бере-

менности и во время родов. Заботы о ней он поручил своему министру Кольберу, и тот выполнил указания короля безупречно — с точки зрения сохранения тайны, но слишком жестоко по отношению к Луизе и ее ребенку. В три часа утра 19 декабря Луиза де Лавальер родила королю сына, нареченного Шарлем, а уже в шесть часов утра того же дня по приказу Кольбера ребенка отняли у матери и препоручили доверенным людям — торговцу Бопаму и его жене, которые и были вписаны в церковную книгу как его родители.

Луиза после родов чувствовала себя очень плохо, к тому же у нее «перегорело в груди молоко» и поднялась температура. Но, узнав от горничной, что по Парижу ходят слухи, что у короля родился внебрачный сын, Луиза решила, что должна опровергнуть все подозрения относительно себя, и 24 декабря, слабая, мучимая болью и жаром, едва держась на ногах, она отстояла рождественскую мессу в часовне Кенз-Вен. Только вот обмануть придворных ей не удалось: скорее, ее нынешнее состояние было лишним доказательством их подозрений. Дамы и господа пересматривались и ухмылялись, и под конец службы окончательно измученная Луиза не могла сдержать слез.

Впрочем, она пролила уже много слез из-за своей любви к королю, и еще больше ей суждено было их пролить.

Зиму Луиза провела в своем маленьком особнячке, а весной вернулся король и ей пришлось подчиниться его воле: Людовик требовал, чтобы Луиза переехала в Версаль, в специально отведенные для нее покои. Теперь она была «официальной фавориткой», король не желал скрывать свои отношения с ней и устраивал один за другим праздники, балы и спектакли, чтобы развлечь Луизу. Правда, развлекали эти праздники кого угодно, кроме той, ради которой устраива-

лись. Луиза по-прежнему терзалась стыдом. К тому же она снова была беременна.

Ее второй сын, Филипп, родился в том же маленьком особнячке, с соблюдением всех предосторожностей для сохранения тайны, и был передан на воспитание горожанину Франсуа Дерси и его супруге, доверенным людям министра Кольбера. Но во время рождения этого ребенка она была уже не одинока: Людовик находился рядом с Луизой — в той же комнате, пытаясь поддержать ее и утешить.

Роды были тяжелые, Луиза страдала невыносимо, и в какой-то момент потеряла сознание.

Госпожа де Шуази, принимавшая роды, в испуге воскликнула: «Она умерла!»

А король разрыдался и, целуя бесчувственную Луизу, сказал: «Возьмете все, что у меня есть, только верните мне ее...»

Еще через год Луиза родила королю еще одного ребенка — дочь Мари-Анн.

А в 1665 году ее звезда начала клониться к закату, потому что у короля появилась еще одна любовница — Атенаис де Монтеспан.

Король продолжал любить Луизу, но, видимо, ему уже прискучила ее слезливая добродетель. Госпожа де Монтеспан никогда не отличалась целомудрием и чистотой помыслов. Она была ослепительно красива, остроумна и очень искусна в любви, в чем успели убедиться многие придворные, прежде чем на нее обратил внимание король.

Но, надо сказать, это произошло не вдруг. Атенаис давно мечтала о том, чтобы стать фавориткой короля и добивалась внимания Людовика всеми возможными и невозможными

способами. И весной 1665 года еще было не совсем понятно, кого же он выберет... Вместо того чтобы оставить Лавальер и обратить все свои помыслы к Монтеспан, его величество даровал Луизе титул герцогини, подарил ей несколько поместий, а главное — признал Мари-Анн своей дочерью. Оба мальчика к тому времени умерли.

Впрочем, Атенаис недолго тревожилась.

Началась Война за испанское наследство, которую Людовик XIV вел от имени своей жены Марии-Терезии. Молодой король представлял себе войну увеселительной прогулкой и отбыл к месту сражений в сопровождении не только придворных, но даже дам, музыкантов и актеров.

Атенаис де Монтеспан поехала с ними.

Луиза де Лавальер, снова беременная, осталась в Версале.

Начало войны действительно напоминало игру. Король с войсками находился на границе, но иногда наезжал в Компьен, где остались дамы во главе с королевой Марией-Терезией и мадам де Монтеспан. Мария-Терезия еще не догадывалась о связи короля с Монтеспан и радовалась тому, что здесь нет Луизы.

А Луиза опять страдала — теперь не из-за стыда, а из страха за жизнь короля и за свое будущее.

В какой-то момент ее беспокойство достигло критической точки и она решилась схватить в расположение войск, чтобы увидеть короля, пусть даже это вызовет его гнев.

И она поехала.

Ее появление в Компьене вызвало ярость королевы. Мария-Терезия была так сердита, что даже потеряла контроль над собой и не смогла соблюсти хотя бы внешние приличия: она демонстративно отворачивалась, когда видела Луизу, и приказала своему дворецкому не подавать Луизе еды за об-

щим обедом. Впрочем, дворецкий ослушался приказа королевы, боясь гнева короля.

Людовик с войском находился в Авене и оттуда написал жене, что она с дамами может прибыть, потому что непосредственной угрозы со стороны противника здесь нет, а природа — великолепна. И королева отправилась в путь, а следом за ней — и Луиза.

И вот в Авене, на склоне холма, разыгралась сцена, долгое время занимавшая почетное место в сборниках исторических анекдотов и отраженная во многих романах.

При виде короля, скачущего верхом в сопровождении придворных, и Мария-Терезия, и Луиза де Лавальер приказали кучерам гнать кареты во весь опор. Каждая хотела первой поприветствовать короля. Причем королева, увидев, что карета фаворитки вырвалась вперед, кричала солдатам: «Остановите ее! Остановите!»

Надо ли говорить, как недоволен был этой сценой король?

С этого дня началось охлаждение его чувств к Луизе.

Людовик всегда с почтением относился к матери и старался не особенно ее огорчать. Пока Анна Австрийская была жива, при дворе еще сохранялась хотя бы какая-то видимость соблюдения приличий. Но как только ее не стало, король почувствовал себя совершенно свободным и не оглядывался уже ни на кого. Он мог теперь не скрывать своих отношений с фаворитками и не задумываться над тем, как огорчат пренебрежением свою жену.

В день смерти Мазарини Анна Австрийская надела траур — черное саржевое платье, заменила все свои украшения одними простыми четками, и начался последний — молитвенный — период ее жизни. Она не скрывала своей скорби

по возлюбленному и не снимала траур до самой смерти. Она бесконечно молилась и заставляла молиться своих фрейлин, она принялась поститься, читала нотации Людовику и Филиппу, сетуя на их безправственность...

В 1664 году у Анны Австрийской открылся рак груди.

Лечил ее знаменитый тогда врач Жаңдрон, лечил неудачно — да, впрочем, рак и по сей день не умеют лечить, что же говорить о XVII столетии? Болезнь расплзалась, разрушая некогда прекрасное тело. Анне сделали операцию — очень неудачно, на прооперированном участке осталась незаживающая рана, беспрестанно истекавшая гноем и источавшая зловоние. Анна Австрийская, так ценившая красоту своего тела, обожавшая изысканные ароматы, страдала под конец жизни не только физически, но и морально: она видела, что приближенные брезгуют ею. День и ночь сжигались в ее опочивальне драгоценные курения из ее коллекции — но ничто не могло заглушить запах гниющей живо плоти. Но королева принимала страдания со смирением, подобающим истинной христианке: она считала, что таково наказание Божие за то, что она так холила свое тело...

20 января 1666 года королева Франции Анна Австрийская скончалась. Согласно ее завещанию, похороны были монашески скромными, что возмутило послов европейских держав, присутствовавших при погребении.

3 октября 1667 года Луиза де Лавальер родила королю еще одного сына, впоследствии известного под именем графа де Вермандуа. Этого ребенка также забрали и пристроили верным людям. Преданная любовница, в целом набожная и добродетельная женщина, Луиза де Лавальер была удивительно безразлична к своим детям. Впрочем, каждый рож-

денный ею от короля ребенок казался ей не плодом любви, а живым свидетельством ее падения.

Король же в то время все ночи проводил у мадам де Монтеспан.

Луиза не пыталась бороться за свое счастье — она просто не умела бороться.

Она готова была стерпеть от короля все, что угодно. Стерпела даже то, что он поселил ее и Атенаис в смежных покоях в замке Сен-Жермен, с целью «сохранения чести мадам де Монтеспан и тайны их отношений». Атенаис была замужем за маркизом де Монтеспан, и король предпочитал, чтобы придворные думали, что он идет к Луизе, о чести которой он уже вовсе не заботился, когда он поднимался к дамам на второй этаж. Король требовал, чтобы Луиза и Атенаис сохраняли видимость добрых отношений, и изо дня в день они втроем прогуливались по парку, играли в карты, ужинали, болтали о пустяках... А на ночь король шел к Атенаис. Сердце Луизы обливалось кровью, но она терпела, потому что так хотел король. Атенаис низвела ее до положения своей горничной — Луиза стерпела и это.

Отношения Луизы с королем начались тогда, когда она играла роль «пирмы» во время его романа с Генриеттой Английской. Теперь ей снова пришлось играть роль «ширмы». Луиза считала, что это — Божья кара, и принимала все испытания со смирением, приличествующим доброй христианке.

И, разумеется, весь этот наивный маскарад, придуманный королем, никого не обманул: придворные все знали. Хотя бы потому, что Монтеспан и не думала что-либо скрывать. Она гордилась своей связью с королем.

В конце марта 1669 года мадам де Монтеспан родила престелстную девочку, которую отдали на воспитание почтенной вдовс-аристократке — Франсуазе де Менгеноп. Тогда король и предположить не мог, что скромная и набожная мадам де Менгеноп станет его последней любовью и его тайной женой. Она проявила столько заботы о дочери короля, что в конце февраля 1671 года ей доверили еще одного ребенка — теперь уже сына.

Весной 1673 года терпение Луизы де Лавальер иссякло, и она тихо, стараясь не привлечь к себе лишнего внимания, отбыла в женский монастырь в Шайо — в тот самый, из часовни которого ее когда-то вынес на руках влюбленный Людовик.

Король узнал эту новость в тот миг, когда садился в карету с мадам де Монтеспан и мадам де Монпансье, чтобы схать на бал в Тюильри. Король был искренне огорчен. Ему не хотелось отпускать от себя Луизу. Он попросил Кольбера вернуть ее. А сам отправился на бал. Когда он вернулся, Луиза уже ждала его в своих покоях.

Но надежд на возвращение любви короля не оставалось. Это видели все — и даже королева Мария-Терезия, прежде пылко ненавидевшая Луизу де Лавальер, начала приглашать ее к себе, чтобы побеседовать о религии и вместе поплакать из-за неверности короля. Да, они плакали о нем вдвоем и вдвоем за него молились.

18 декабря 1673 Атенаис родила королю еще одну дочь, и король приказал Луизе присутствовать на крещении в качестве крестной матери. Это было последней каплей, и Луиза решила проявить неповиновение и любой ценой избежать участия в церемонии.

На следующий же день, 19 декабря, она снова отправилась в монастырь — только теперь не в Шайо, где ее легко отыскали бы, а в монастырь босоногих кармелиток в предместье Сен-Жак. Настоятельница выслушала ее... И прогнала, заявив, что кармелиткой может стать только девушка с незапятнанной репутацией.

Опозоренная, Луиза вернулась в Сен-Жермен, но с того дня каждый день она ездила к монастырю кармелиток и часами стояла на коленях перед порогом. Ей все-таки пришлось быть крестной матерью дочери короля и Монтеспан, но Луизу это уже не волновало. У нее появилась новая, благая цель.

Через два месяца настоятельница, потрясенная таким упорным раскаянием, согласилась в качестве исключения принять Луизу де Лавальер в число своих сестер во Христе. И Луиза, надев власяницу под придворное платье, принялась улаживать свои земные дела. Она написала завещание, раздала бедным часть своего имущества, попродалась с королевой — ей одной Луиза рассказала о принятом решении.

19 апреля 1675 года, в последний раз отстояв рядом с королем мессу, Лавальер уехала в монастырь.

Тем же вечером она впервые надела на себя грубые одеяния монахини и босиком вошла в холодную келью, где ей предстояло прожить остаток жизни и умереть.

Луиза прошла послушание в монастыре, вставая в пять утра и ложась в одиннадцать вечера, поднимаясь на полуночную молитву, не отказываясь ни от какой работы. Она поражала монахинь своей выносливостью, набожностью и самоотречением. Обычно послушание длилось несколько лет, но настоятельница, почувствовав в Луизе «подлинную святость», сократила срок.

Луиза де Лавальер приняла пострижение 2 июня 1675 года под именем сестры Луизы.

Она прожила в монастыре тридцать шесть лет, ежедневно молясь о том, чтобы Господь отпустил все грехи королю, и если кара за эти грехи неизбежна, то пусть она падет не на самого Людовика, а на нее, Луизу, его преданную рабу... Когда король совершал какое-либо прегрешение, весть о котором доходила до монастыря, Луиза выдерживала многодневный «сухой пост», отказываясь от еды и воды ради искупления его греха.

Она становилась все набожнее с каждым годом и все больше раскаивалась в грехах юности. Когда в 1683 году погиб на дуэли ее младший сын, граф де Вермандуа, Луиза сказала епископу: «Столько слез по поводу смерти сына, рождение которого я еще недостаточно оплакала!»

В монастыре Луиза написала книгу «Размышления о милосердии Божьем», которая пользовалась популярностью среди религиозных людей еще два века спустя.

Сестры-монахини считали Луизу святой и говорили, что, когда она умерла в 1710 году, тело ее источало благоухание и было окружено сияющим ореолом...

Королева Мария-Терезия посетила Луизу в монастыре один раз — в 1676 году.

Король не посетил ее ни разу.

Глава 21

ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ ГЕРЦОГИНИ ОРЛЕАНСКОЙ

Перестав быть любовниками, Людовик и Генриетта, между тем сохранили хорошие отношения. Обида прошла, герцогиня Орлеанская утешилась в объятиях другого муж-

чины. Забавно, но это был один из фаворитов ее мужа, граф де Гиш, внезапно совершенно потерявший голову от прелестей юной супруги своего сюзерена. Впрочем, — вполне может быть, что между ними ничего и не было. Не факт, что Генриетта отвечала благосклонностью на пылкую страсть де Гиша. Она слишком опасалась ревности Филиппа.

Жизнь герцогини Орлеанской при дворе ее мужа вообще была крайне незавидной. Когда-то столь болезненно переживавшая ничтожность своего положения в качестве приживалки при королевском дворе, она теперь оказалась почти в том же положении в собственном доме. В Пале-Рояле правила не она, а фавориты Филиппа. Особенно же яростной была ее вражда с шевалье де Лорреном.

Лоррен был неотъемлемой второй половиной принца. Убедившись, что Филипп ни в чем не может ему отказать, он нагло этим пользовался, выпрашивая поместья себе и выгодные должности своим многочисленным родственникам.

Такое положение вещей ужасно раздражало Генриетту. Формально, будучи хозяйкой Пале-Рояля, на деле она не имела во дворце совершенно никакого влияния. Ее желания значили меньше, чем прихоти любого из фаворитов ее мужа, они получали роскошные подарки, ей же доставались какистожалкие крохи, и даже их приходилось выпрашивать. Генриетта терпеть не могла всех фаворитов Филиппа, но Лоррена она ненавидела от всей души. Тот распоряжался в Пале-Рояле как у себя дома, вел себя высокомерно и даже не пытался изображать почтительность, будто жена его высочества была всего лишь какой-нибудь бедной родственницей, которую терпят по доброте душевной. Шевалье нарочно из-

дсвался над Генриеттой, отменяя ее распоряжения, даже те, которые совершенно его не касались, только для того, чтобы липпий раз обидеть и унижить ее. Он так развлекался.

Какое-то время Генриетта устраивала скандалы мужу, взывая к его совести или же пытаясь спекулировать детьми, но на Филиппа ее истерики не действовали, он или смеялся над ней, или был груб, и жизнь молодой женщины постепенно превращалась в кошмар. Филипп не любил ее. Но в то же время злился и бешено ревновал, если ему вдруг казалось, что она по-особенному посмотрела на какого-нибудь мужчину. Он не хотел ее. Но в то же время регулярно являлся в ее покои и исполнял свой супружеский долг, потому что ему нужен был наследник. Генриетта постоянно была в тягости, но в силу слабости здоровья часто беременности ее заканчивались выкидышами, да и из тех детей, которых ей удалось выносить, выжили только две дочери. Ее милый сыночек, счастье, радость и надежда Филипп-Шарль, прожил всего три с половиной года и умер от лихорадки.

Общее горе на миг сблизило принцессу с мужем, в церкви во время отпевания они оба не могли сдержать слез, но после Филипп совершенно отдалился от Генриетты и злился на нее, будто это она была виновата в смерти ребенка.

Жаловаться на Филиппа королю тоже не было особенного смысла, Людовик хорошо относился к своей невестке и часто действительно вступался за нее, но ничем хорошим это не заканчивалось. Братья ссорились, громко ругались, после чего король, кипя гневом, покидал Пале-Рояль и все шло по-старому, — Лоррен получал очередной подарок, а Генриетта лишалась и того малого, на что могла бы рассчитывать. К тому же, разругавшись с королем, Филипп неизменно

устраивал скандал и своей жене, и тут дело не ограничивалось просто воплями и истериками, Филипп швырялся разными предметами, однажды в клочки изорвал скатерть, а под конец пригрозил Генриетте, что отправит ее в Англию.

Всякому терпению есть предел, взбешенная Генриетта отправилась в Лувр и рассказала об этой угрозе королю. Как раз в то время Людовик особенно нуждался в хороших отношениях с невесткой, она выступала посредником в тайных переговорах между ним и своим братом Карлом II, королем Английским, в деле подписания союзнического договора против голландцев. Гнусная выходка Филиппа привела короля в ярость. Генриетта воспользовалась моментом и заявила, что виной всем ее бедам певальсе де Лоррен, который строит против нее козни. Ко всему прочему, как раз в тот же день король узнал, что Филипп вознамерился подарить любимому фавориту богатейшее аббатство Сен-Бенуа, находившееся на его землях, и это было последней каплей. Или, скажем так, — это послужило поводом избавиться от де Лоррена.

Людовик запретил Филиппу разбазаривать имущество, тот по обыкновению своему не собирался подчиняться, но на сей раз король проявил твердость. Филипп обиделся, хлопнул дверью и ушел в свой дворец, в ответ на это Людовик отправил в его дом гвардейцев, с целью арестовать надоевшего всем де Лоррена и препроводить его в крепость. Все было исполнено в точности, Лоррена, можно сказать, вытащили из постели принца и, взяв под стражу именем короля, увели в неизвестном направлении.

Филипп был вне себя от возмущения и посреди ночи отправился к брату выяснять отношения, освещая себе путь факелом. По пути он едва не поджег дворец, но следовав-

пая за ним команда фаворитов сумела предотвратить распространение пламени, пострадали только пара гобеленов.

Разыскав своего брата в постели любовницы, Филипп прямо там устроил скандал и, заикаясь от избытка чувств, просил Людовика вернуть ему Лоррена. Но король оставался непреклонен. Он выставил Филиппа из спальни и приказал убираться из дворца. Филипп заявил, что так и сделает, вернулся домой и, пересбужив челядь, велел всем немедленно собираться в Виллер-Котре. Генриетту он прихватил с собой, что, говоря по чести, очень раздосадовало короля, который все еще нуждался в ее услугах. Однако Людовик был так рад хотя бы на время избавиться от общества брата, что не стал ему препятствовать с отъездом, пусть даже тот забирал с собой жену.

Не имея возможности больше ругаться с королем, все свое горе и негодование принц выплеснул на Генриетту. Она так откровенно радовалась решению его величества, что было ясно: она приложила к этому руку... Уверенный, что жена виновница всех его несчастий, Филипп изводил Генриетту хуже прежнего, перейдя от обычных оскорблений к побоям. В промежутках между скандалами он впадал в депрессию и, запираясь в своей спальне, лежал в темноте на кровати, глядя в потолок. В эти часы придворные, с облегчением переведя дух, забивались куда-нибудь в противоположное крыло дворца и тихо предавались радостям жизни, готовые срочно впасть в скорбь, если вдруг его высочество появится из своих покоев. Филипп терпеть не мог, если кто-то веселится, когда он страдает.

Лоррена же некоторое время держали в Лионе, позже перевели в замок Иф, но в заключении он пробыл недолго, Филипп все же добился того, чтобы тюрьму заменили ссылкой.

Отправляясь в Италию, Лоррен не особенно переживал о своей дальнейшей судьбе. Он верил, что скоро вернется. А пока суд да дело собирался провести время за границей интересно и с пользой, тем более, что Филипп добился того, чтобы ему выплачивали содержание за счет казны.

Будучи еще в юности посвящен в мальтийские рыцари, де Лоррен, видимо, не все время развлекался в Италии, некоторое время он провел и на Мальте.

Вот такое письмо принца Филиппа Орлеанского обнаружилось в книге «История Мальтийского рыцарства в документах и письмах», изданной в Париже в 2002 году.

«Я безумно тоскую по тебе, мой рыцарь. И, наверно, я никогда не смогу простить брату твоего изгнания... Я думаю, сам Александр Великий не тосковал так по прекрасному Гэфестиону. Благодарю за его жизнеописание — чудесная книга — ты всегда знаешь, что может меня утешить. И все же в книге сей более всего меня тронули отношения Великого Александра и его друга. И как же они похожи на мои чувства к тебе, и как же ты, дорогой мой, схож с Гэфестионом. Та же доблесть, тот же военный гений — подобно ему ты прикрыл меня при Маастрихте, и также был ранен. И подобно ему, тебе нет равных в верховой езде, фехтовании и безрассудной смелости.

И подумай — что может быть лучше такой дружбы и выше такой любви, какая связывала Александра и Гэфестиона, и какая связывает нас. Живи мы в другое время, мы тоже вместе брали бы города, сейчас же я только могу умереть от тоски, как Александр, когда Гэфестион строил города для его империи, и они были в разлуке. Но я не допущу, чтобы ты долго был на Мальте...»

Воспитание Мазарини не вполне убило в Филиппе военный гений, и он дважды принимал участие в военных походах. В первый раз — в войне с Фландрией в 1667 году. При чем он все время находился где-то на переднем крае, палил по врагу из мушкета и впереди всех летел в атаку, вдохновляя своим примером солдат, которые просто обожали его. Еще бы — принц крови, брат короля, сражался как один из них и был с ними на равных перед превратностями судьбы. Филиппа пытались отговорить от такого необдуманного риска, умоляли поберечь свою драгоценную особу, но принц никого не слушал.

Во время одной из осад, прикрывая собой принца, де Лоррен был тяжело ранен в ногу. Пуля вошла в бедро в опасной близости от артерии, и, хотя раненого тут же доставили в лагерь и передали на руки врачам, жизнь его долгое время была в серьезной опасности. Филипп почти не отходил от постели любовника, преданно за ним ухаживая, а если быть точнее — путаясь под ногами у врачей.

В 1672 году Филипп командовал войсками в войне с Соединенными провинциями Нидерландов. А еще несколько лет спустя, 11 апреля 1677 года, он одержал большую победу в битве при Мон-Касселе и взял крепость Сент-Омер, поразив всех своим искусством ведения боевых операций. Его действия были настолько уверенными и грамотными, будто он действительно был опытным военачальником. И в отличие от большинства других командиров он не позволил своим солдатам разграбить захваченный город.

В газете «Меркюр» был опубликован сонет аббата Тальман-старшего, законченный такими словами, посвященными принцу:

*Тот, кто видел вас более гордым, чем бог сражений,
В день, когда вы повергали врагов без угрызений,
Никогда не видел более милостивого победителя на следующем
дующий день.*

Людовик XIV даже позавидовал успехам брата и больше не допускал его командовать армией.

Де Лоррен отправился в ссылку в начале 1670 года.

А в июне того же года умерла Генриетта Английская. Умерла неожиданно и в страшных мучениях, и конечно все тут же заподозрили, что это дело рук опального псвалье, — якобы он отравил жену своего любовника при посредничестве одного из фаворитов герцога Орлеанского, которому тоже не за что было любить принцессу, — маркиза д'Эффия. Говорили, что Лоррен прислал д'Эффия из Италии какой-то особенно хитрый яд, которым тот смазал чашку принцессы. А после того как та выпила из нее, он потихоньку забрал ее и прокалил на огне, а потом вернул на прежнее место.

Говорили и то, что сам Филипп одобрил это злодеяние...

Генриетта закончила возложенную на нее королем миссию: съездила в Англию и вернулась с подписанным союзным договором, согласно которому Англия обязывалась вступить в войну на стороне Франции; в обмен на солидное денежное содержание, в котором так нуждался Карл Стюарт, не желавший постоянно зависеть от милостей парламента.

Генриетта вернулась из Англии совершенно счастливой, она как будто заново расцвела и была необычайно хороша собой. Обласканная королем, ставшая снова хозяйкой в сво-

см доме, она чувствовала себя спокойнее и увереннее, она даже попыталась помириться с Филиппом, будучи уверенной, что если уж она преуспела в дипломатических делах, то и в семье у нее теперь все получится. Филипп выглядел мятущимся. С одной стороны, казалось, что ему тоже надоело вечные скандалы и хочется веселья, с другой — он продолжал дуться, потому что веселиться без Лоррена ему не хотелось. И многие начали думать, что вскоре принц откажется от мысли вернуть своего фаворита... В конце концов — с глаз долой, из сердца вон. Да и кто такой этот Лоррен, чтобы долго помнить о нем?

А спустя две недели после возвращения Генриетта умерла...

Утром 29 июня было очень жарко и, едва проснувшись, принцесса попросила камеристку принести ей подслащенной воды, выпила ее, и через пару минут вдруг почувствовала острую боль в животе.

Несколько мгновений принцесса крепилась, стараясь перетерпеть приступ, но потом охнула и поставила чашку на стол.

— Господи, как больно! — вдруг воскликнула она, хватаясь за бок.

— Что с вами, ваше высочество? — засуетились дамы.

Генриетта сильно побледнела. В глазах ее мелькнуло смятение и мольба о помощи, а потом их просто застило слезами.

Принцессе тотчас же пришли на помощь, поддерживая под руки, дамы отвели ее в спальню и уложили на кровать. Кто-то побежал за лейб-медиком. Кто-то сообщил о происшедшем Филиппу, который тотчас же поспешил в покои своей жены.

От боли принцесса не могла даже говорить, стиснув зубы, она старалась держаться и не кричать. Но по лицу ее текли слезы. Придворные сустились вокруг, и пришедший к ложу больной доктор выгнал их всех из ее покоев, остались только Филипп и камеристка.

Филипп старался выгладеть взволнованным, как подобало бы случаю, но, кажется, это получалось у него плохо. Он даже заметил, как удивленно взглянула на него камеристка, — нельзя быть таким равнодушным, когда умирает твоя жена!

— Что с ней? — резко спросил Филипп у врача.

Тот, склонившись над Генриеттой, щупал ей пульс, а потом принялся мять живот. При каждом нажатии Генриетта кричала. Теперь она могла не сдерживаться, вокруг были только самые близкие.

— Я полагаю, желудочная колика, — пробормотал врач. — У меня есть нужное лекарство, я тотчас же пошлю за ним.

— Нет, — пробормотала Генриетта, — нет... Меня отравили... Мне нужно противоядие...

Слова эти дались ей с преогромным трудом, произнеся их, принцесса смертельно побледнела и почти лишилась чувств. Камеристка вскрикнула от ужаса. А Филипп замер, не замечая, что разрывает напряженными пальцами носовой платок.

— Этого не может быть! — воскликнул он. — Где вода, что пила ее высочество?! Нужно немедленно найти кувшин и проверить ее!

— Все пили эту воду! — пробормотала камеристка.

Весь дворец пришел в необычайное волнение, слуги носились по коридорам, заламывая руки, каждый пытался что-то предпринять, но все только путались друг у друга под ногами.

Врач все же дал свое лекарство Мадам, и ей даже стало немного лучше.

— Вы поправитесь, — сказал ей Филипп.

Он ни на шаг не отходил от ложа жены, сидел на краешке ее постели и держал ее за руку. Пальцы Генриетты были холодны как лед и дрожали.

— Я умираю, Филипп, — пробормотала Генриетта. — Я знаю, что умираю. Пригласите священника, умоляю вас.

— У вас желудочная колика, от этого не умирают, — ответил Филипп. — Попрошу вас успокойтесь и не теряйте надежды. Вы так молоды, вы сможете победить болезнь, я уверен в этом.

Генриетта слабо улыбнулась, глядя на него.

— Напрасно вы ненавидели меня, — сказала она тихо. — Я никогда вам не изменяла.

С каждой минутой принцессе становилось все хуже, силы покидали ее, и все лекарства, принесенные врачом, не приносили пользы, разве что могли немного умерить боль.

На следующий день она скончалась.

Король был вне себя от ярости и горя, он приказал провести расследование смерти невестки и собрал консилиум врачей, чтобы они провели вскрытие и установили причину ее столь внезапной кончины. Эскулапы обнаружили, что у покойницы воспален желудок и тонкий кишечник, но никаких следов яда найти не смогли.

Людовик не был утешен таким диагнозом, он знал о разнообразии ядов и о коварстве итальянских алхимиков, которые все время придумывали что-то новое. Где-то в Италии находился сейчас де Лоррен, не мог ли он из-за границы устроить смерть своей врагини? И если так, не принимал ли участие в этой гнусности Филипп? Это последнее предположение печалило Людовика больше всего. Ему не хотелось верить в то, что брат его отравитель. Как и Генриетта, он полагал, что Филипп, в сущности, неплохой человек и не способен на такое.

С другой стороны, сладкую воду, что пила Генриетта перед смертью, проверили самым тщательным образом и не нашли в ней следов яда. В конце концов, разыскали даже чашку принцессы, — поначалу в суматохе она куда-то затерялась, — и на ней яда не было обнаружено тоже. Может быть, его невестка и впрямь умерла от естественных причин? Бывает же и такое!

Король Англии не был настолько наивен, чтобы поверить в то, что его сестра внезапно скончалась от какой-то болезни. Рассказывали, что, узнав эту ужасную новость, он вскричал: «Это Орлеанский отравил ее!» Но доказательств не было. А усомниться в слове Людовика XIV, когда тот поклялся, что яд в теле Генриетты не был обнаружен, Карл II не пожелал. Ему тоже не хотелось расторгать уже подписанный союзный договор.

Официально считается, что Генриетта умерла от перитонита. Как было на самом деле — никто не узнает никогда.

Бедняжке было всего 26 лет...

Генриетта не справилась с возложенной на нее задачей, — она не родила герцогу Орлеанскому сына. Старшая дочь ее,

Мария-Луиза, вышла замуж за короля Испании Карла II и практически повторила судьбу матери. Как и Генриетта, она прожила всего 26 лет и, по слухам, была отравлена противниками французской партии при мадридском дворе. Младшая дочь, Анна-Мария, стала женой Виктора, Амадея II, герцога Савойского и первого короля Сардинии. Спустя два столетия их потомок, Виктор-Эммануил, будет провозглашен королем Объединенной Италии. Дочь Анны-Марии, Аделаида, выйдет замуж за внука Людовика XIV, герцога Бургундского, и станет матерью будущего Людовика XV.

Генриетта была похоронена и очень скоро забыта. Людовик XIV был теперь озабочен тем, чтобы женить брата снова. В конце концов, ему же нужен наследник!

Кандидатур на роль новой герцогини Орлеанской было несколько, — одно время Людовик даже подумывал, не женить ли брата на Великой Мадсмуазель, — но в итоге он остановился на Елизавете-Шарлотте Пфальцской.

Филиппу не хотелось жениться, он только что избавился от одной супруги и совсем не желал обзаводиться новой, но король сделал ему предложение, от которого Филипп не смог отказаться, — взамен на послушание он обещал ему вернуть из ссылки де Лоррена.

Глава 22

ЛИЗЕЛЛТА ИЗ ПФАЛЬЦА

Благодаря роману Александра Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» все знают о первой супруге Филиппа Орлеанского, но почти никто не знает о второй. Елизавета-Шарлотта Пфальцская не удостоилась появиться на страницах известных литературных произведений. Она

была не особенно хороша собой, не была блистательна, не устраивала интриг и не изменяла мужу. О чем писать?

Даже единственный художественный фильм, снятый о ней в 1966 году в Германии и называющийся «Лизелотта из Пфальца», имеет так мало общего с исторической правдой, что вряд ли можно сказать, что он действительно о ней, это просто красивая романтическая сказка. Впрочем, некоторые детали о детстве и ранней юности принцессы вполне соответствуют истине.

Лизелотта родилась 27 мая 1652 года в Гейдельбергском замке, в семье курфюрста Пфальцского Карла I Людвига и Шарлотты Гессен-Кассельской. Супруги давно не ладили и вскоре после появления на свет дочери развелись.

Воспитанием маленькой Лизелотты в основном занималась тетка, София Ганноверская, которая после неудачной попытки выйти замуж за своего кузена, будущего английского короля Карла II, некоторое время жила в резиденции брата и заботилась о его детях, — Карле и Лизелотте.

Карл был ребенком хилым и слабеньким, а Лизелотта росла настоящей оторвой, — это ей в пору было родиться мальчишкой и наследовать престол. Она ни минуты ни сидела на месте, она обожала бешеные скачки и страстно любила охоту. Не зря на детских портретах она большей частью изображена в мужском костюме и с ружьем. Лизелотта была очень привязана к тетке и огорчилась, когда в 1658 году та вышла замуж за Эрнста-Августа Брауншвейгского и покинула Гейдельберг.

В 1671 году курфюрст Пфальца и король Франции заключили соглашение о том, что Лизелотта станет женой герцога Орлеанского. Для нее это была хорошая партия. Даже слиш-

ком хорошая, учитывая, что в качестве приданого девушка не могла принести своему мужу практически ничего.

Ко всему прочему, Лизелотта не была красавицей и не питала по поводу своей внешности иллюзий. Со свойственным ей чувством юмора и прямолинейностью она так описывала себя в дневнике:

«Зеркало краснеет, когда я заглядываю в него. Еще бы! Ему редко приходится видеть таких дурнуписк. Я очень высокая, очень толстая, очень щекастая и вообще очень большая. Правда, глазки у меня маленькие и, как многие говорят, хитрые, но мне кажется, что это обстоятельство вряд ли делает меня привлекательнее. Я знаю, что придворные дамы хихикают надо мной. Их веселит моя красная кожа, покрытая желтыми пятнами, нос в оспинах и то, что я похожа на кубарь. Да, у меня совершенно нет талии и вдобавок безнадежно испорченные зубы, но это не мешает мне радоваться божьему миру и быть остроумной собеседницей. Не сомневаюсь, что брат французского короля будет доволен, когда женится на мне, хотя сейчас он наверняка волосы на себе рвет — особенно если успел уже увидеть мой портрет».

После того, как маршал дю Плесси-Паранс по доверенности женился на только что перешедшей в католичество Лизелотте, та отправилась навстречу своему супругу. И впервые они встретились где-то на дороге между Белле и Шалоном.

Эта встреча была весьма знаменательна и показательна.

«Филипп ехал к молодой жене в роскошной карете и, надо сказать, немало изумил Лизелотту тем количеством украшений, которые умудрился надеть на себя. Девушка-то происходила из Пфальца, и казна ее отца всегда была пуста.

Несколько колец, пара серег да шесть не самого тонкого полотна ночных сорочек — вот и все приданое Лизелотты. Конечно же, она удивилась, когда увидела, что бриллианты сияли не только на шляпе и пальцах герцога, но и на эфесе его шпаги.

— Господи, до чего же он мал ростом! — прошептала Лизелотта, невольно меряя взглядом и впрямь невысокого Филиппа. — А телосложение у него довольно плотное, и это хорошо, потому что заморышей я не жалею...

Девушка также отметила про себя удивительно черный цвет волос и бровей герцога и его огромные глаза. На плохие зубы жениха она даже внимания не обратила — в XVII веке это было делом обычным.

Филипп же, завидев огромную светловолосую немку, слегка попятился. «Сотворил же Господь такое страшное лицо!» — промелькнуло у него в голове, и он охнул, потому что угодил каблуком в выбоину на дороге...

Раздвинув губы в улыбке, герцог пошел навстречу Лизелотте. И буквально в двух шагах от нее в отчаянии прошептал:

— О боже, как же я буду спать с ней?!»

Жульетта Бенцони «В альковах королей»

Лизелотта поняла, что не понравилась свосму мужу. Позже она напишет об этом в дневнике, добавив: «Что ж, такой девице, как я, этого следовало ожидать. Но я сразу решила, что заставлю герцога забыть о моей внешности. Ума у меня на это достанет».

И в самом деле, Лизелотта и Филипп, не испытывая друг к другу совершенно никакого физического влечения, быстро

стали друзьями, — им было весело друг с другом. В порыве нежности Лизелотта даже однажды написала в дневнике, что ее муж «лучший человек на свете».

Они были очень странной парочкой.

Они были абсолютными противоположностями.

«Месье был изысканным, изящным и очаровательным: ласковый взгляд, губы, словно зовущие к любовным утехам, уравнивали характерный бурбонский нос, придававший его лицу мужественное выражение. Мягкие волосы, красивые руки и тонкая талия заставляли дам млеть от восторга, — пишет Филипп Эрланж. — Жена его была тяжело-весной, мужеподобной, плохо сложенной. Месье, на котором бывало порой больше украшений, чем на испанской статуе Мадонны, пользовался румянами и благоухал духами. Драгоценные камни украшали его шляпу и ножны кинжала. Все пальцы были унизаны перстнями. Когда же Мадам приходилось облачаться по какому-нибудь торжественному случаю, она надевала старый мужской парик на голову и натягивала костюм для охоты. А когда предстояли празднества, муж сам клал ей румяна и прикреплял мушки.

У Месье было триста брильянтовых украшений, сто двадцать — жемчужных, шестьдесят — с изумрудами, пятьдесят — с рубинами; Мадам предпочитала ружья и рогатины. Месье были противны все жестокие забавы, и он любил развлечения, балы, парады; Мадам находила удовольствие только в укрощении зверей. Месье предпочитал жить в Париже; Мадам чувствовала себя хорошо только в деревне. Месье был утонченным и слабым; Мадам — жестокой и властной. Месье легко лгал, разносил сплетни, строил интриги; Мадам

отличалась нарочитой откровенностью. Месье был полон предрассудков; Мадам не верила ни во что.

Они относились друг к другу согласно правилам изысканного этикета и любили предаваться чревоутодию, доходящему до обжорства».

Нет, конечно, жизнь супругов была далека от идиллии.

Лизелотта тоже терпеть не могла фаворитов мужа и от всей души ненавидела де Лоррена, — сго вообще трудно было не ненавидеть, потому что он и с ней вел себя нагло и по-хамски. Но Лизелотта не пыталась строить против него козни, памятуя о плачевном опыте своей предшественницы, в подробности смерти которой ее, конечно же, быстро посвятили при дворе. Поэтому существование ее, в общем-то, было вполне сносным.

Свою первую брачную ночь Лизелотта в дневнике не описала, но в ее записках есть достаточно упоминаний о том, каким образом происходило исполнение их с Филиппом супружеского долга.

Герцог Орлеанский, несмотря на свою порочность, был очень религиозен. И очень серьезно подходил к вопросу воспроизведения потомства. Особенно после того, как сго первая жена так и не смогла подарить ему наследника.

«Мой муж всегда казался мне очень набожным, — писала Лизелотта. — Он даже брал четки, с которых свешивалось множество образков, с собой в постель...»

«Слуги уже ушли. Кроватный полог был задернут, и сквозь него просвечивало пламя оставленной на ночь свечи. Лизелотте хотелось спать, потому что нынче она была на

охоте и очень утомилась. Однако Филипп непременно желал выполнить свой супружеский долг, и потому герцогиня, зевая, глядела на резной высокий балдахин и гадала, чем занят ее муж.

— Раздвиньте-ка ноги, женоушка, — послышался наконец его голос. — Я сейчас войду в вас. Вот только закончу молиться.

Но тут Лизелотта, которая было уже послушно задрала рубашку, приподняла голову и негромко засмеялась.

— Какие странные звуки доносятся из-под одеяла, друг мой! Да простит мне Господь, если ваши четки не разгуливают сейчас по совершенно чужой для них стране!

— Вы ничего не понимаете, — сердито отозвался герцог. — Потерпите минутку, я вот-вот буду готов.

И Лизелотта опять услышала тихое позвякивание медальонов и образков, которые прикасались к телу Филиппа и помогли ему стать мужественнее.

Лизелотта стремительно перекатилась на другую половину обширной кровати и схватила супруга за руку.

— Ага! — с торжеством воскликнула она. — Значит, я не ошиблась! Ну-ка ответьте, что это вы такое делаете?

Филипп смущенно хмыкнул и ущипнул жену за толстую щеку.

— Вам не понять, душа моя! Ведь вы же были прежде гугеноткой и потому не представляете, как велика сила святых мощей и в особенности образа Богородицы. Они охраняют меня от всякого зла.

Задумавшись ненадолго, герцогиня скоро опять засмеялась.

— *Извините, сударь, но как же такое может быть? Вы молитесь Деве Марии и одновременно прикасаетесь ее лицом к той части тела, коей лишают девственности!*

Филипп тоже не смог удержаться от смеха и попросил:

— *Пожалуйста, не рассказывайте об этом никому. Меня могут счесть святотатцем.*

Супруги обнялись, и герцог не преминул доказать Лизелотте, что четки оказали на него нужное действие».

Жульетта Бенцони «В альковах королей»

За шесть лет замужества Лизелотта родила троих детей. И хотя старший мальчик Людовик-Александр умер в возрасте трех лет, среднему, названному в честь отца Филиппом, шел уже четвертый год и он казался крепким и здоровым ребенком. Да и крохотная дочка Елизавета-Шарлотта, несмотря на свой младенческий возраст, не внушала родителям опасений за свое здоровье. Так что их долг перед Францией можно было считать выполненным.

Последние роды были крайне мучительны, и когда Филипп предложил ей ночевать отныне в разных спальнях, Лизелотта весьма обрадовалась.

«Как хорошо, что муж больше не посещает меня в моей опочивальне, — написала она в дневнике. — Когда он предложил мне не делить с ним ложе, я обрадовалась, хотя и опасалась обидеть его, выказав свою радость. Потом я попросила Его Высочество и впредь питать ко мне добрые чувства, и он твердо обещал это. Никогда, никогда не правилось мне рожать! Да и, по правде говоря, спать с герцогом в одной кровати тоже было нелегко. Он очень не любил, когда его тревожили, и я часто выпущдена была лежать на самом краешке. Однажды я даже упала на пол, чем немало огорчила супруга, который винил во всем себя, а вовсе не мою неуклюжесть».

Филипп и Лизелотта были хорошими родителями, правда, их роли в воспитании детей были не совсем традиционными, — что, впрочем, вполне соответствовало их характерам. Филипп всячески баловал детей, но не пользовался у них большим авторитетом. Когда принц и его сестра становились невыносимы, Мессье звал на помощь Лизелотту: «Они никого не боятся, кроме вас», — жалобно говорил он. Мадам быстро наводила порядок.

Маленький Филипп, герцог Шартрский, был очаровательным ребенком, и мать и отец его обожали до безумия. Умный, сообразительный и талантливый мальчик был их главной радостью и предметом гордости.

Во время одной из болезней, когда казалось, что малыш вот-вот умрет, Лизелотта так горевала, что даже хотела заколоться шпагой. К счастью, мальчик выжил.

Филиппу прочили великое будущее. Гороскоп предсказывал ему корону... Что весьма настораживало его дядю, короля Франции. Он будет поступать с герцогом Шартрским так же, как некогда поступали с его отцом, — не доверяя ему ничего по-настоящему значительного, не позволяя ему стать ни выдающимся полководцем, ни проявить себя в политике из опасения вырастить соперника для собственного сына.

Филипп не станет королем. Но он будет регентом при малолетнем Людовике XV. А вскоре после Великой французской революции, когда род Людовика XIV прервется, на трон взойдет его потомок Луи-Филипп.

Грубая и мужеподобная Лизелотта Пфальцская была полной противоположностью первой жене герцога Орлеанского утонченной и нежной Геприетте. Но было между ними и

нечто общее: Лизелотта тоже была влюблена в короля. Но влюблена безответно...

Людовику очень нравилось общество невестки. Король ценил ее немецкую прямолинейность и острый язык и часто приглашал Лизелотту на прогулки или на охоту, восхищаясь ее ловкостью и бесстрашием, ее страстной любовью к мужским забавам. Но он никогда не обращал на нее внимания как на женщину. И Лизелотте не оставалось ничего другого, как мучительно и безнадежно ревновать его к каждой новой фаворитке. Конечно, она и не ожидала от его величества ответных чувств, понимая, что никогда не сможет соперничать с такими красавицами, как мадам де Монтеспан. Но от этого понимания легче не становилось. Ведь сердцу не прикажешь...

Глава 23

ФРАНСУАЗА ДЕ МОНТЕСПАН: ПРЕЛЕСТНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Франсуаза Атенаис де Монтеспан была настолько полной противоположностью Луизе де Лавальер, что создается впечатление, — король упал в ее объятия исключительно поэтому. Слезливость вечно страдающей Луизы ему наскучила. А маркиза де Монтеспан, помимо того, что была чрезвычайно хороша собой, имела веселый нрав, острый ум и легкий характер. Людовик хотел, чтобы Луиза и Атенаис были у него обе и дружили. Одно время французы даже иронизировали, что у них теперь три королевы, особенно когда его величество, не смущаясь, разъезжал по провинции в карете вместе с женой и обеими любовницами. Но невозможно иметь все сразу, даже если ты король...

Франсуаза родилась 5 октября 1641 года в одной из самых родовитых семей Франции — де Рошешуар, ее отцом был герцог де Мортемар, а матерью Диана де Граппен, бывшая фрейлиной королевы Анны Австрийской.

С двенадцати лет, как и полагалось девочке из хорошей семьи, Франсуаза воспитывалась в монастыре, где ей должным образом была привита набожность, хорошие манеры и высокие моральные принципы.

А в двадцать лет она отправилась в Париж, чтобы войти в пятая фрейлин Генриетты Стюарт, только что ставшей герцогиней Орлеанской.

Франсуаза была красавицей и идеально воплощала модный в то время типаж: пухленькая, с высокой грудью и тонкой талией, небольшого роста блондинка с яркими голубыми глазами. К тому же у нее была великолепная кожа, «цвета свежего, только что взбитого крема», и прекрасные зубы — что в то время вообще являлось редкостью.

Франсуаза блистала в парижских салонах. И не только благодаря красоте. Она была весела и остроумна, в ней жил знаменитый «дух Мортемаров», о котором Вольтер писал: «Они могли кого угодно очаровать и увлечь своим разговором, в котором шутки и глубокомысленные тирады чередовались с притворной невинностью и искусным знанием». И герцог де Сен-Симон в «Мемуарах» описывает ее очень лестно: «Атенаис де Монтеспан обладала бесценным даром говорить фразы, одновременно смешные и значительные, иногда даже не подозревая сама, что именно она сказала».

Кстати, именно в то время Франсуаза и придумала себе это имя — Аленаис, решив, что она вполне достойна прекрасной и грозной воительницы, греческой богини Афины.

В 1663 году Атенаис вышла замуж за гасконского дворянина Анри-Луи Пардельяна де Гондрена маркиза де Монтеспан. Как и положено гасконцам, несмотря на высокий титул, маркиз был довольно беден и вечно тонул в долгах. Альянс этот для семьи Мортемар был не слишком выгоден, — они могли бы пристроить красавицу-дочь более удачно, но случилось так, что жених Атенаис, молодой человек из очень хорошей семьи — Луи-Александр де Тремоль, маркиз де Нуармуатье, принял участие в дуэли, трое участников которой были ранены и один убит. Король был в ярости и повелел оставшихся в живых дуэлянтов показательно отправить на эшафот. Им удалось бежать. Свадьба, однако, расстроилась... Маркиз де Монтеспан был братом убитого на дуэли юноши, однажды он навещил покинутую невесту и — внезапно в нее влюбился... Мортемары охотно отдали дочь за него. Ведь Франсуазе к тому времени уже исполнилось 22 года, — почти старая дева. Да и после скандала с дуэлью, кто знает, как скоро нашелся бы другой жених?

Первое время супруги души друг в друга не чаяли, уже через десять месяцев после свадьбы на свет появилась дочь Мари-Кристин. Но, как это часто бывает, материальные затруднения быстро убили любовь и счастье. Маркиз де Монтеспан совершенно не умел распоряжаться деньгами, он быстро пустил на ветер небольшое приданое жены и снова увяз в выяснениях отношений с кредиторами. Чтобы хоть как-то поправить положение, он решил отправиться на войну. А Франсуаза благодаря хорошей протекции получила место фрейлины королевы, — это была очень выгодная должность, с выплатой жалованья и предоставлением личных апартаментов. Где-то в промежутке между войнами,

которые, к слову сказать, совершенно не принесли удачи и богатства маркизу де Монтеспан, у супругов родился еще один ребенок — Луи-Антуан.

Следует заметить, что мадам де Монтеспан при всей своей яркости и горячем темпераменте отнюдь не была распутной женщиной. Вольности и соблазны королевского двора, казалось, совсем ее не привлекали, с воздыхателями она была холодна и хранила верность мужу.

Она была слишком умна, чтобы размениваться по мелочам.

Питала ли маркиза уже тогда надежды очаровать короля? Вполне возможно... Ведь она была в его вкусе. И Людовик даже проявлял к ней интерес. Но Атенаис держалась строго, она знала, что если уступит легко, то король быстро в ней разочаруется. Таких примеров при дворе было множество.

Королева была восхищена чистотой и набожностью своей фрейлины и просто души в ней не чаяла. Особенно после того, как однажды Атенаис сказала в ее присутствии о ненавистной Лавальер:

— Если бы со мной случилось то, что случилось с ней, то я бы скрылась на всю жизнь в монастырь.

Мария-Терезия горячо ее поддержала, и с тех пор маркиза де Монтеспан стала ее подругой и доверенным лицом.

Между тем, чувствуя, что королю становится с ней скучно, Луиза де Лавальер часто приглашала Атенаис составить им компанию, не замечая, что Людовик все больше очаровывается смешливой и остроумной маркизой.

Король элегantly ухаживал за ней, Атенаис долго не сдавалась. Но все же однажды она уступила страсти его величества, — возможно, решила, что уже пора, а может быть,

просто не смогла устоять, — это произошло после того, как они танцевали на балу у герцога Орлеанского.

И когда в очередной раз маркиз де Монтеспан вернулся с войны, он застал свою супругу беременной... Она ждала ребенка от короля.

Другой супруг на месте маркиза был бы счастлив. Ведь Атенаис в один миг решила материальные затруднения семьи. Король ни в чем не мог ей отказать, окружил роскошью, осыпал подарками, назначил на значительные должности всех ее многочисленных бедных родственников. Но де Монтеспан был гасконцем. Он был горд. И он любил свою жену. Он не желал делить ее ни с кем, даже с королем. Станный человек... При дворе все были изумлены и возмущены его недовольством. Даже Мольер в комедии «Амфитрион» специально для маркиза де Монтеспан включил фразу: «Делить супругу с Юпитером не позорно».

Маркиз считал иначе. И вел себя совершенно неприлично.

Он вламывался в покои жены и устраивал ей скандалы, он грозил забрать у нее детей, он произнес множество нелестных слов о ее нравственности и чести. Более того, — он произнес множество нелестных слов и в адрес короля, назвав его канальей, вором и развратником. Он хвастал тем, что посещает самые скверные бордели Парижа, чтобы подцепить нехорошую болезнь и заразить ею неверную жену.

В конце концов терпение короля лопнуло и он приказал заключить маркиза в Бастилию, где тот провел примерно неделю, после чего его пришлось выпустить — общественность возмутилась подобному произволу. Ведь обманутый муж не провинился ни в чем, кроме того, что не одобрил измены своей жены.

Тем не менее терпеть рядом с собой буйного маркиза король не желал, он повелел ему убраться восвояси из Парижа и отправляться в свое поместье. Что тот и сделал, забрав с собой детей.

Перед отъездом маркиз де Монтеспан устроил целое представление, — не мог уехать, в последний раз не выставив на посмешище супругу и короля.

Он приехал в Сен-Жермен, где в ту пору находился королевский двор, в дорожном экипаже, выкрашенном в черный цвет и с ветвистыми оленьими рогами, прикрепленными на крыше вместо шпомажей. Рога были изображены и на дверцах кареты вместо гербов.

— Мне стыдно за него, — говорила Атенаис, — ему лишь бы потешить публику.

По прибытии в поместье маркиз продолжил спектакль. Он велел открыть ему большие ворота, под тем предлогом, что его рога слишком велики для того, чтобы пройти в малые. Потом, созвав всех слуг, он объявил им о кончине мадам де Монтеспан «по причине кокетства и амбиций» и устроил похороны по всем правилам, заказав даже заупокойную мессу. Чучело Атенаис было захоронено на кладбище, на надгробном камне высекли даты «1663—1667». А семейство на некоторое время облачилось в траур.

Еще некоторое время маркиз де Монтеспан продолжал разыгрывать оскорбленное достоинство, но потом отбыл на очередную войну. Во время кампании 1668 года, он прославился тем, что похитил какую-то юную руссильонку и насильно удерживал ее в своем полку, перседев в мужское платье. Разразился скандал, маркиз едва не угодил в тюрьму — теперь уже за дело. Знаменитая крепость Пиньероль, — где

в свое время содержались множество известных людей, Николя Фуке, маркиз де Лозен и таинственная Железная Маска, — ждала его в свои объятия. Но беспокойный гасконец вовремя сбежал и несколько лет вместе с сыном скрывался где-то в Испании.

Маркиза де Монтеспан воспользовалась благоволением короля с размахом. В отличие от всегда угрюмой Марии-Терезии и слезливой простушки Луизы де Лавальер, Атенас была создана для того, чтобы блистать, она была настоящей королевой.

В Версале апартаменты мадам де Монтеспан занимали двадцать комнат, тогда как Марии-Терезии приходилось довольствоваться десятью. Шлейф королевы нес паж, тогда как для фаворитки те же обязанности выполняла супруга маршала.

Как писала мадам де Севинье: «Триумф ее был громок и молниеносен. В непомерной гордыне мадам за семь лет прибрала к рукам все и вся и начала тиранить окружающих, в том числе самого короля».

В письме от 15 мая 1676 года своей дочери мадам де Севинье так описывает путешествие королевской фаворитки:

«Она едет в коляске, запряженной шестью лошадьми, с маленькой м-ль Тианж; за ней следует карета с шестью девушками, запряженная тем же способом. В ее кортеже есть две крытые повозки, шесть мулов и десять-двенадцать всадников верхом на лошадях, без офицеров; ее свита насчитывает сорок пять персон. Для нее готовят комнату и кровать; прибыв, она ложится и плотно ест. К ней прихо-

дят испросить милостей для церкви; она сыплет золотыми луидорами направо и налево, щедро и милостиво. Каждый день у нее бывает военный курьер...»

Мадам де Монтеспан всецело властвовала при дворе. Она присутствовала на всех придворных церемониях, решала вопросы этикета, вводила новую моду. Она вершила судьбы придворных, раздавая милости, звания и титулы одним, других — подвергая опале и разоряя. Без нее не обходилась и внешняя политика, Атенаис ничего не выпускала из своих прекрасных ручек.

Маркиза де Монтеспан родила королю семерых детей, всех их Людовик официально признал, так же как и детей Луизы де Лавальер. Бесконечные беременности, а также любовь к обильным трапезам, заставили маркизу растолстеть. Она все еще была прекрасна, но понемногу красота ее начинала увядать. К тому же король, вообще не склонный к тому, чтобы хранить верность кому бы то ни было, к сорока годам и вовсе пустился во все тяжкие, он не пропускал ни одной юбки...

«Его устраивает все, — писала в дневнике Лизелотта Пфальцкая, — лишь бы рядом с ним были женщины: крестьянки, дочери садовников, горничные, титулованные особы — и лишь бы они делали вид, что влюблены в него».

Атенаис приходилось бороться за то, чтобы устранять всех этих бесконечных соперниц: мадемуазель де Рувруа, де Гранси, Рошфор-Феобон, принцессу де Субиз, мадам де Людр. Ведь все эти юные особы тоже строят интриги против нее.

Но самой опасной соперницей стала Анжелика де Фонтанж.

Глава 24

АНЖЕЛИКА ДЕ ФОНТАНЖ: ГЛУПЫЙ АНГЕЛ

Среди значимых увлечений Людовика затесалось одно, коротко просиявшее и оставшееся в памяти современников, потому что объект страсти — юная Анжелика де Скорай де Руссиль, более известная, как герцогиня де Фонтанж — была просто умопомрачительно, фантастически прекрасна... И потому, что она так рано и загадочно умерла.

Да, ее звали Анжелика, как и героиню знаменитого книжного сериала Анн и Сержа Голон про Анжелику де Пейрак, которая блистала при дворе «короля-солнце», но так ему и не уступила. Между этими двумя Анжеликами общего, кроме имени, разве что цвет волос: они обе были блондинками. В остальном — совершенно разные характеры и судьбы, и Анжелика де Скорай никак не может быть прообразом Анжелики де Пейрак, хотя такая версия существует.

Можно сказать, что Анжелика «вклинилась» между двумя великими фаворитками: между периодом, когда жизнью короля владела Монтеспан, и периодом, когда он полюбил Ментенон. Атенаис де Монтеспан даже приписывают высказывание, якобы обращенное к мадам де Ментенон: «У короля три женщины: я — официальная фаворитка, этой девушке принадлежат его ночи, а вам — его сердце». Но вряд ли это может быть правдой, ведь Монтеспан никогда не питала такой симпатии к Ментенон и была слишком эгоцентрична, чтобы признать, что сердце короля может принадлежать кому-то кроме нее самой. Что касается положения официальной фаворитки — был период, пусть и недолгий, когда юная красавица Анжелика де Скорай потеснила Монтеспан на ее «троне».

Мария-Анжелика де Скорай де Руссиль родилась в 1661 году в замке Кропьерс. Ее отец, Жан де Скорай, был губернатором Оверни. Ей было шестнадцать, когда в гости к ее отцу прискал двоюродный брат. Опытный придворный, он был потрясен красотой Анжелики и сразу понял, какие выгоды семья сможет получить, если представить девушку при дворе: как минимум она сделает блестящую партию, а в идеале — станет одной из королевских фавориток! Дядя добился для Анжелики места фрейлины в свите Лизелотты Пфальцской, супруги Месье.

Один из послов при французском дворе вспоминал, что Анжелика была «блондинкой потрясающей красоты, подобной которой не видели в Версале уже много лет. Фигура, дерзновенность, весь ее облик потрясли и приворожили даже такой галантный и изысканный двор».

«Прелестна словно ангел, — писал о ней другой современник, — но глупа как пробка». Возможно, он был не прав. Анжелика не была так уж глупа. Просто она была тихой и неамбициозной девушкой. Ей бы выйти замуж за какого-нибудь дворянина средней руки, уехать в его поместье, рожать ему детишек и прожить неторопливую, благостную жизнь. Она даже не наслаждалась придворной атмосферой и своим положением признанной первой красавицы. И королевской фавориткой становиться не очень-то хотела. Разумеется, ей льстило всеобщее преклонение. Но чрезмерная суета придворной жизни угнетала. Она казалась существом не от мира сего: белокожая, очень светловолосая, нежная, словно фарфоровая куколка или сахарный ягненок.

Король обратил внимание на ее красоту сразу, но поначалу насмешливо называл кроткую Анжелику «волком, который меня не съест»: все красивые женщины при дворе были для Людовика «волками», которые охотились на него, желая заполучить хоть немного королевского внимания. Пресыщенный, король не желал сам ни за кем охотиться. Однако безразличие этой нежной красавицы, постоянно задумчивой, словно погруженной в собственный незримый мир, сначала задело его, потом раззадорило. Он принялся добиваться расположения Анжелики, и добился достаточно быстро: родственники буквально подталкивали девушку в объятия короля, а она была послушной, и возможно, король ей даже правился. Впрочем, о чувствах этой реальной Анжелики к королю ничего не известно. Даже если она питала отвращение к Людовику, все равно она покорно легла в его постель.

Был ли влюблен король в Анжелику? Может быть, не так, как в главных своих фавориток, но, несомненно, его увлечение юной красавицей было очень бурным. В 1678 году начался их роман. Людовик, казалось, помолодел, общество юного создания вдохнуло в него энергию, он снова принялся наряжаться, снова увлекся маскарадами и спектаклями, потому что их любила Анжелика. Они часто выезжали вместе на охоту, Анжелика была прекрасной наездницей. Король осыпал Анжелику подарками и буквально наслаждался ее транжирством. В отличие от других дам, Анжелика огромные суммы тратила не на наряды и украшения, а на породистых лошадей.

В 1679 году Людовик объявил, что Анжелика де Скорай — официальная королевская фаворитка.

В то время она была уже беременна от короля.

Мадам де Монтеспан, поначалу принимавшая участие в судьбе девушки, пригласившая ее в свой избранный круг, искавшая Анжелике жепиха и уверенная, что со стороны этой тихони ей уж точно ничего не грозит, была в ярости. Она опасалась, что Анжелика займет ее место. И предприняла все возможное, чтобы избавиться от соперницы. Беременность мадемуазель де Скорай вначале проходила легко, и вдруг молодая, здоровая, цветущая женщина начала хворать, ничего не могла есть, худела, с трудом ходила, задыхалась... Возможно, причины были естественные, течение беременности может меняться к неблагоприятному. Но современники были уверены, что Анжелику пыталась отравить мадам де Монтеспан.

В декабре 1679 года Анжелика родила мертвого мальчика. И уже не оправилась от родов. Она продолжала хворать. У нее не прекращались кровотечения и боли. Ее красота поблекла, свежую белизну лица сменила нездоровая бледность. На коже появились странные пятна, которые она камуфлировала с помощью мушек. Моду на мушки в декольте тут же перенял весь двор, а фаворитке становилось все хуже и хуже.

И вот тогда стало ясно: король любил не Анжелику, а только ее красоту. Одна из придворных дам писала: «Короля, по правде, привлекало только ее лицо. Ее глухая болтовня раздражала его. Можно привыкнуть к красоте, но не к глузости». Когда красоты не стало, Людовик стал тяготиться обществом ослабевшей фаворитки, уже не способной делить с ним бодрые забавы и даже услаждать его в постели. Когда Анжелика попросила отпустить ее в монастырь, где она могла бы поправить свое здоровье, король отпустил ее с легким сердцем, даровав на прощание титул герцогини де Фонтанж.

Кажется, Анжелика понимала, что уже не вернется в Версаль. Она уезжала в глубокой тоске. Мадам де Севинье писала: «Мадемуазель де Фонтанж уезжает. У нее четыре кареты, запряженные шестью лошадьми, ее сопровождают все ее сестры, но все выйдет так печально, что на это невыносимо смотреть — эта потрясающая красавица потеряла всю кровь, побледнела, изменилась, ее переполняет грусть, несмотря на пожалованные сорок тысяч ливров годового дохода. Все, чего она желает — вернуть себе здоровье и сердце короля».

Ей не удалось вернуть ни здоровье, ни сердце короля. Кровотечения продолжались, она совершенно обессилела, и хотя в аббатстве Шелле, куда Анжелика приехала для лечения, монахини славились своими лекарскими умениями, — они не смогли ей ничем помочь. Весной 1681 года герцогиня де Фонтанж слегла и уже почти не вставала. В мае она попросила, чтобы король навестил ее. Людовик приехал, пробыл несколько часов у постели бывшей фаворитки. При виде того, как истаяла эта двадцатилетняя красавица, Людовик не сдержал слез, и утверждают, что Анжелика прошептала: «Теперь я могу умереть счастливой, я знаю, что мой король сокрушится обо мне, я верю, что он меня не забудет».

Анжелика де Фонтанж умерла 28 июня 1681 года. Современники считали, что причиной ее смерти стал яд. В наше время, изучив протокол вскрытия, ученые вынесли вердикт, что добил фаворитку плевролит, видимо, развившийся из-за того, что Анжелика почти все время проводила лежа в постели. Но что уложило ее в постель — яд или естественные причины — неизвестно.

И все же, несмотря на недолговечность своего сияния, юная красавица вошла в историю. И уж по крайней мере в историю моды: благодаря прическе «фонтанж», которую она изобрела якобы совершенно случайно. «Легенда гласит, что однажды, во время охоты в Фонтенбло, конь, на котором она скакала, бросился в чащу, и сложная прическа из множества локонов, за которую цеплялись ветки, рассыпалась и расстрепалась. Находчивая юная дама перевязала волосы лентой (есть версия, что это была подвязка для чулка), и вид каскада золотых волос, рассыпавшихся по спине и небрежно присобранных, так понравился королю, что он попросил фаворитку не менять прическу до самого вечера. Уже на следующий день прическа “фонтанж” вошла в моду при дворе, — рассказывает историк моды Марьяна Скуратовская. — Сперва волосы просто особым образом украшали кружевом, но со временем прическа все усложнялась, и в конце концов превратилась в сложное высокое сооружение из волос, проволочного каркаса и нескольких рядов жестко накрахмаленных кружев. Но название сохранится. Мода на “фонтанж” просуществует несколько десятков лет, но и потом, когда исчезнет, навсегда, тем не менее, сохранит имя юной фаворитки...»

Подозрения на счет того, что прелестная Анжелика де Фонтанж умерла не своей смертью, возникли не на пустом месте. Станные симптомы ее болезни откровенно намекали на то, что бедняжку потчуют ядом. А кому еще это выгодно, кроме маркизы де Монтеспан? К тому же, как раз в то время об Атенаис поползли зловещие слухи, — якобы она занималась черной магией...

Увлеченность короля юной де Фонтанж действительно заставила мадам де Монтеспан поволноваться, а ее беременность, видимо, и вовсе привела ее в отчаяние. Иначе почему она сочла, что у нее нет иного выхода, кроме как довериться мистическим силам? Впрочем, может быть, она просто решила пойти по легкому пути. Ведь это так просто: один небольшой ритуал, несколько капель волшебного зелья — и не нужны никакие интриги, соперницы будут устранены, король больше не взглянет ни на одну из женщин и будет любить только ее. Какое искушение!

Как иначе объяснить участие маркизы де Монтеспан в сатанинских ритуалах? Ведь то, что она была очень набожна, это чистая правда, и, совершая богопротивные непотребства, она не могла не знать, что губит свою душу. Амбиции, власть и богатство были для нее важнее? А может быть, маркиза надеялась, что когда-нибудь потом сможет выпросить у Господа прощение? Кто знает... В те времена набожность никому не мешала грешить.

Глава 25

ЖИР ПОВЕШЕННОГО ПОПОЛАМ С КРОВЬЮ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ

То, что уже много лет в парижском высшем обществе были модны убийства с помощью отравлений, не было секретом ни для кого, кроме, разве что, чиновников из полицейского управления. И если тебе приходило в голову избавиться от надоевшего мужа или родителя, стоило только навести справки у знакомых, чтобы немедленно получить нужный совет — к кому следует обратиться. Обделывая свои темные делишки, дамы и господа не особенно даже скрыва-

лись, порою в открытую обсуждая на светских приемах различные новые способы, какими нынче можно было отравить неугодного родственника. Немудрено, что в конце концов все-таки разразился скандал.

Произошло это после того, как во время обеда, устроенного мадам Лавигурс, женой модного дамского портного, одна из приглашенных, мадам Боссе, вдова торговца лопадьми и известная гадалка, выпила лишнего и заявила во всеуслышание, как довольна своей клиентурой: высочайшими вельможами Франции, среди которых были маркизы, графини и даже герцогини. «Еще три отравления, и я покину это блестящее общество с хорошим состоянием!» — произнесла эта дама, горделиво улыбаясь.

На беду не в меру откровенной особы на том же обеде присутствовал адвокат Перрэн, бывший хорошим знакомым капитана полиции Дегрэ, не далек как вечером того же дня изложивший своему другу этот весьма занимательный разговор.

Уже на следующий день Дегрэ отправил к мадам Боссе свою осведомительницу, которая пожаловалась гадалке на своего мужа и тут же получила от нее пузырек с ядом за весьма умеренные деньги.

Отравительницу схватили, заключили в тюрьму и допросили с пристрастием. С испугу та выдала полиции не только многих своих высокородных клиентов, но и других так называемых колдуний, промышлявших тем же ремеслом, что и она сама. На следующий день были арестованы мадам Лавигурс и мадам Лавуазен, при обыске у которых нашли очень много интересного: помимо всякой колдовской дребедени вроде порошка из панциря рака, обрезков ногтей и

жира повешенного, еще и мышьяк, ядовитые свойства которого были всем прекрасно известны. Эти две колдуньи, так же как и их товарка, не особенно отпирались от своих преступлений, под пытками выдавая все новые и новые имена. И за четыре года с момента ареста злополучной Боссе «дело о ядах» разрослось до таких масштабов, что в 1679 году король был вынужден возродить «Огненную палату», специальный судебный орган, во времена оны разбиравший дела еретиков и распущенный за ненадобностью уже более ста лет. Теперь его услуги понадобились снова.

Расследование тянулось из года в год, и, судя по всему, до окончания его было еще очень далеко. Все новые имена колдунов, отравительниц, чернокнижников и алхимиков всплывали на следствии. Тюрьмы ломились от арестантов, и хотя некоторых из них периодически сжигали на костре, освободившееся место тотчас же занимали новые обвиняемые в невиданных количествах.

Новый поворот в этом утомившем всех разбирательстве случился в феврале 1680 года, когда казнили самую знаменитую и устрашающую из колдуний — мадам Лавуазен, признавшуюся в таком количестве ужасных преступлений, что волосы вставали дыбом даже у повидавших многое судебных чиновников. Мадам Лавуазен не только готовила яды, она занималась черной магией и, совершая злодейские ритуалы, погубила несколько сотен младенцев, чьи трупы сжигала в собственной печи или же закапывала во дворе. Лавуазен назвала множество имен, в том числе и знатных аристократов, но никакие пытки не смогли заставить ее выдать самых могущественных своих клиентов — сделай она это и ее тут же казнили бы, а пока шло следствие, она могла

надеясь, что еще долгие годы проведет в тюрьме. Не могла она выдать и самых опасных своих сообщников, потому что в этом случае даже после смерти их месть могла бы настигнуть ее.

Но дочь не отличалась благоразумием матери. Как только обгорелые останки ведьмы были преданы земле, рассерженная тем, что никто из высокопоставленных господ не помог им, несмотря на все уверения, Маргарита Мовуазен сама попросилась на допрос и поведала изумленным и перепуганным судьям то, что утаила ее мать: о том, что ее клиенткой, помимо прочих, была сама фаворитка короля маркиза де Монтеспан. Записав показания подследственной, начальник полиции Ла Рейни отнес их восному министру Лавуа, а тот в свою очередь предоставил их королю.

Сказать, что Людовик был в ужасе, это значит сильно преуменьшить его чувства.

«Когда мадам де Монтеспан начинала сомневаться в расположении короля, — читал он в показаниях Мовуазен, — она давала знать моей матери, и та посылала ей какие-то снадобья для его величества. Обычно мать сама относила их. А я первый раз встретила мадам де Монтеспан два с половиной года назад. Маркиза пришла к матери, долго беседовала с ней с глазу на глаз, потом позвали меня. Это было в четверг. Мы договорились встретиться в понедельник в условленном месте, где я должна быть в маске, которую сниму, увидев мадам де Монтеспан. Я все выполнила. И проходя мимо маркизы, я сунула ей в руку маленький пакетик с порошком, приготовленным матерью... Состав этих снадобий я не знаю, мать никогда не доверяла мне приготовление их, но я уверена, что туда входила кровь летучей мыши и ис-

толченные облатки, смоченные в жертвенной крови. И еще, конечно, жир повешенного... Маркиза подмешивала снадобья в питье короля, и тот вскоре возвращал ей свою любовь».

Как раз в этот момент Людовик припомнил, что не так давно принял из рук возлюбленной удивительно мерзкую на вкус «микстуру от кашля» и его скрутил приступ жестокой рвоты. Только чрез час с небольшим он смог продолжить чтение:

«Но не всегда снадобий было достаточно. Если король обращал свой взор на другую женщину, необходимы были особенные магические ритуалы. Черные мессы. Для исполнения их мать приглашала священника... Я не знаю его имени, при мне никогда не называли его, и лицо его было скрыто маской... Я видела его только один раз, когда мать приказала мне прислуживать на черной мессе. Это было незадолго до ее ареста. Священник принес младенца, явно родившегося раньше срока, он купил его за экию у какой-то проститутки. Уложив ребенка на живот мадам де Монтеспан, обнаженной лежавшей на алтаре, он перерезал ему горло и собрал кровь в чашу, после чего освятил в ней облатку и дал причаститься маркизе. В свою очередь мадам де Монтеспан произнесла следующие слова: “Астарот, Асмодей, вы, князья любви, я заклинаю вас жертвой этого ребенка и прошу дружбы короля и дофина, и чтобы она не кончалась. Пусть королева будет бесплодна, пусть король покинет ее постель и стол ради меня, пусть я получу от него все, что попрошу для себя или для родственников, пусть мои друзья и слуги будут ему приятны; пусть я буду уважаема вельможами; пусть меня призывают на Королевский совет, чтобы я знала, что там происходит; пусть дружба и любовь короля ко мне удвоится; пусть

король покинет и даже не взглянет на Фонтанж (имя женщины каждый раз менялось по необходимости) пусть король разведется с женой, и я стану королевой”. Так же мать дала маркизе яд, из-за которого новая фаворитка короля потеряла ребенка».

Ознакомившись со всеми материалами дела, Людовик на некоторое время впал в проstration, однако, немного придя в себя, приказал сохранить в тайне последнее признание дочери казненной ведьмы и саму ее как можно быстрее предать огню. Преступления мадам де Монтеспан должны были остаться в тайне, потому что бросали тень и на короля, и на их общих детей, которых его величество не так давно официально признал.

Маркизу де Монтеспан никто не обвинял, но король раз и навсегда отправил ее в отставку, переселив из огромных покоев, состоявших из двадцати комнат, в скромные апартаменты где-то на задворках Версаля и на какое-то время отказался даже видеться с ней. Одно только упоминание о бывшей возлюбленной вызывало у его величества приступ тошноты. Позже, впрочем, он навещал ее. Но исключительно, чтобы отдать дань уважения матери своих детей.

Утаить что-либо от придворных сплетников было чрезвычайно непросто. Никто ничего не знал наверняка, но каждый считал своим долгом строить догадки, и, несмотря на всю тщательность хранимой тайны, имя маркизы де Монтеспан вскоре стали связывать с делом ведьмы Лавуазен.

Таким образом, черная магия не принесла Атенаис никакой пользы и даже, напротив, погубила ее окончательно.

После того как мадам де Монтеспан была отправлена в отставку, ее апартаменты перешли к ее старшему сыну герцогу дю Мэн. И в одно прекрасное майское утро придворные могли наблюдать такую сцену: из окон покоев маркизы на землю летела мебель, разлетаясь в щепки. Это сын приказал таким образом расправиться с имуществом матери. Очень показательно... Впрочем, мадам де Монтеспан никогда не была хорошей матерью своим детям, их воспитывала мадам де Ментенон.

После отставки с должности фаворитки Атенаис прожила в Версале еще восемь лет. Король выплачивал ей приличное содержание, и она по-прежнему ни в чем себе не отказывала, стараясь вести привычный образ жизни. Но, конечно, теперь это была лишь тень жизни... И маркиза де Монтеспан была лишь призраком самой себя.

Несмотря на опалу маркизы, дети Атенаис и короля пользовались всеми привилегиями принцев крови, что немало возмущало придворных. Но никто, разумеется, не смел высказывать неудовольствие вслух. Людовик действительно зашел очень далеко, когда в 1685 году выдал свою незаконную дочь Луизу-Франсуазу, мадемуазель де Нант, за Людовика III Конде, — внука Великого Конде, первого принца крови. А в 1692 году женил герцога дю Мэн на Анне-Луизе, внучке Великого Конде.

В том же 1692 году король выдал дочь Франсуазу-Марию, мадемуазель де Блуа, за своего племянника герцога Шартрского.

Этот брак едва не стоил инфаркта герцогу и герцогине Орлеанским, — как же так, их сына, Внука Франции, вынудили заключить союз с незаконнорожденной дочерью какой-то

фаворитки! — но с королем совершенно невозможно было спорить. К тому же герцог Шартрский, которому в ту пору было всего семнадцать лет, совершенно легкомысленно отнесся к предложению его величества жениться на его дочери и тут же дал на это свое согласие.

За что получили от матери крепкую затрещину.

«Как обычно, придворные терпеливо ожидали в коридоре окончания совета и мессы короля, — писал Сен-Симон, — когда увидели направляющуюся к ним Мадам. Монсеньор, ее сын, подошел к ней, как он это делал всегда по утрам, чтобы приложиться к руке. Но вдруг она закатила ему такую увесистую пощечину, что звон от нее был слышен за несколько шагов, донельзя смутив бедного принца на потеху многочисленным зрителям».

Вскоре герцог Шартрский вполне осознал, насколько его мать была права.

Его брак с мадемуазель де Блуа трудно было назвать счастливым. Эта девица оказалась феноменально ленивой и нетемпераментной. «Ее ничего не интересовало, — писал Арсен Уссей, — кроме зеркала и постели, с которой она поднималась лишь для того, чтобы приодеться перед мессой. Но сразу же после молитвы она укладывалась на диван, откуда ее силой нельзя было поднять до того самого момента, когда приходило время ложиться спать».

Исполнение супружеских обязанностей также утомляло мадам де Блуа несказанно, ссылаясь на мигрень, она часто просила мужа оставить ее в покое. Тот не особенно возражал, — в отличие от своего отца герцог Шартрский был большим любителем женского общества и успешно находил утехи на стороне.

Мадам де Блуа, однако, не желала с этим мириться. В конце концов она пожаловалась его величеству на неверность мужа, и тот вызвал к себе герцога Орлеанского, потребовав, чтобы он сделал внушение сыну.

Филипп принялся защищать герцога Шартрского в свойственной ему импульсивной манере, справедливо пеняя королю на то, что всему виной безделье, на которое тот обрекает его сына, не позволяя ему принимать участие в делах государства и вообще как-либо проявить себя. Что еще остается ему, кроме как предаваться удовольствиям?

«В пылу ссоры герцог Орлеанский припомнил брату, что когда-то тот вывозил в военный лагерь в одной карете жену, вечно страдавшую от измен мужа, и двух любовниц, Лавальер и Монтеспан, так что не ему, Людовику, судить о нравственности племянника, — пишет Филипп Эрланже. — Всегда сдержанный, Людовик вышел из себя. Братья ругались так горячо, что придворные прекратили всякие разговоры, прислушиваясь к шуму, доносившемуся из кабинета короля».

Вернувшись домой после этой бурной ссоры, Филипп почувствовал себя плохо, во время ужина с ним случился апоплексический удар, от которого он так и не оправился.

И 9 июня 1701 года герцог Орлеанский скончался.

Примечательно, что его возлюбленный певалье де Лоррен, которого Лизелотта саркастически именovala «второй супругой принца», пережил его ненадолго.

«И смерть рыцаря оказалась достойной его жизни, — пишет Ги Бретон, — 7 декабря 1702 года он в Пале-Рояле рассказывал г-же Маре, гувернантке детей герцога Орлеанского, как целую ночь предавался самому безудержному рас-

путству, и вдруг, в момент перечисления всякого рода непристойностей, де Лоррена поразила апоплексический удар, он лишился языка и вскоре испустил дух».

Сама же Лизелотта пережила мужа на целых двадцать лет. В весьма преклонном возрасте 70 лет она умерла 8 декабря 1722 года.

Пусть сама мадам де Монтеспан была теперь никем, но ее дети заняли такое высокое положение в обществе, о каком она могла только мечтать. Как сказал Вольтер, — это был последний триумф мадам де Монтеспан при дворе.

Когда маркиза заявила, что хочет покинуть двор и уйти в монастырь, король не препятствовал ей в этом, и даже, напротив, выразил удовольствия от того, что она наконец покинет двор. Атенаис расстроилась и удалилась в некогда построенный для нее близ Версаля дворец Кляйни, откуда, впрочем, ее вскоре выселил герцог дю Мэн, потребовав поместья в качестве свадебного подарка.

Монтеспан не стала монашкой, но истово занялась благотворительностью. На ее средства был построен монастырь Святого Иосифа, где воспитанниц учили рукоделию и прочему женскому ремеслу, дабы дать возможность жить безгрешно. Маркиза основала госпиталь в Фонтенбло, где содержались девочки-сиротки. Она немало жертвовала богадельне Сен-Жермен и пансиону для бедных девиц при монастыре Урсулинок. Она сама подолгу жила в монастыре, много молилась и под роскошной одеждой носила вериги, терзавшие ее плоть.

Смогла ли она искупить грехи молодости?

Монастырь Святого Иосифа располагался недалеко от обители босоногих кармелиток, где жила Луиза де Лавальер. И Атенаис иногда навещала бывшую подругу.

— Я уверяю вас, у меня больше нет амбиций в этом мире, и осмелюсь сказать, что я свободна и от каких-либо желаний, что в свою очередь делает меня нечувствительной к боли любого толка, — говорила она ей.

— Но вы плачете, — отвечала Луиза. — А я больше не плачу.

— Не плачете? Никогда? А я буду оплакивать свою жизнь всегда, — призналась Атенаис.

Мадам де Монтеспан умерла 27 мая 1707 года, когда поехала поправить здоровье на воды курорта Бурбон-л'Апшрамо. По поводу ее кончины переживали младшие дети, но король запретил им носить траур и вообще как-либо проявлять скорбь, — но в этом нет ничего вопиющего, точно так же он относился к смерти многих близких людей.

Герцог дю Мэн был рад смерти матери.

А маркиз д'Анган, сын от брака с маркизом де Монтеспан, прервал охоту и примчался к ложу покойной лишь затем, чтобы выяснить, что причитается ему по завещанию. Он опасался, как бы маркиза не отписала все свое имущество детям от короля.

Гроб с останками некогда самой могущественной женщины во Франции пересвезли в семейную усыпальницу Рошешуар-Мортемар и похоронили очень тихо и скромно, без всякой помпезности. При дворе не было заказано ни одной мессы. И лишь популярная газета «Меркюр», некогда так восхищавшаяся великолепной Монтеспан, опубликовала

маленькую замстку: «Маркиза доказала, что способна быть столь же великой благотворительницей, как и королевской любовницей».

Царствование маркизы де Монтеспан при дворе Людовика XIV длилось десять лет, и это были годы великих свершений и побед, роскоши и сияния королевского двора. Когда король начал стареть и плотские желания перестали волновать его столь сильно, он тоже сделался праведником и принялся замаливать грехи. С тех пор веселье и блеск придворной жизни изрядно поугасли, придворные, как и его величество, вынуждены были вести степенный и благочестивый образ жизни. Из всех грехов в чести оставалось только обжорство.

Начинался период владычества Франсуазы де Ментенон.

Глава 26

СМЕРТЬ КОРОЛЕВЫ

30 июля 1683 года тихо скончалась королева Мария-Терезия.

Во время поездки короля по Эльзасу, которая оказалась довольно утомительной, королева почувствовала себя плохо, — под левой рукой у нее развился абсцесс, который никак не поддавался лечению. Мария-Терезия, как и всегда, не произнесла ни слова жалобы, однако очень быстро ей стало хуже и по возвращении в Версаль она слегла с высокой температурой.

Понимая, что умирает, королева подозвала к себе Франсуазу де Ментенон, сняла с пальца обручальное кольцо и надела его на палец подруги, тем самым благословляя ее союз с королем.

Придворные, оказавшиеся свидетелями этого поступка, были немало изумлены.

Марино-Терезию всегда недооценивали, ее считали глуповатой, скучной и пресной, не замечали красоты ее души.

«Застенчивая, простодушная, продолжающая любить своего мужа, который ей беспрестанно изменял, она совсем не была глупа: нужно было обладать большой добродетелью, хладнокровием и умом, чтобы улыбаться, когда хотелось плакать, когда в течение двадцати двух лет ей предпочитали красавиц, обязывая ее находиться с ними рядом и улыбаться... — пишет Франсуа Блюш. — Праправнучке Карла V, чтобы удержать своего мужа, не хватало некоторой пикантности и умения вести разговор, того, что является дополнительным подспорьем для любви в семейной жизни. Но она была хорошей женой, набожной женщиной и необычайно деликатной к своему господину, мужу-королю».

И Людовик, без сомнения, ценил это.

— Она никогда не доставляла никакого другого огорчения, кроме собственной смерти, — сказал он, когда ему сообщили, что его супруга отошла в мир иной.

Глава 27

МАДАМ ДЕ МЕНТЕНОН: ВТОРАЯ ЖЕНА КОРОЛЯ

Не все великие любовные истории начинаются со вспышки пылкой страсти или с тихого сияния романтической влюбленности. Иногда любовь приходит вслед за дружбой. И чаще всего именно такие союзы становятся наиболее прочными и счастливыми.

Последняя любовь Людовика XIV, «короля-солнце», была именно таким союзом, основанным на многолетней дружбе, взаимном уважении и духовной поддержке. А партнером в этом союзе стала женщина, ничем не похожая на прежних его фавориток. Скрамная, благоразумная, стыдливая, немолдая, не особенно красивая и — по мнению большинства придворных — очень скучная особа: Франсуаза д'Обинье, мадам Скаррон, маркиза де Ментенон. Она была старше короля на три года! И она никогда не пыталась его соблазнить... Но завладела его умом и сердцем, стала его наперсницей и «серым кардиналом» за его троном. Все то, чего стареющий король не мог получить от жены, королевы Марии-Терезии, и от многочисленных любовниц, он получил от Франсуазы Скаррон. И оказалось, что Людовику для счастья нужно больше, чем другим мужчинам, или просто — нечто иное.

Несмотря на ее известность, воссоздать точную биографию мадам де Ментенон не так уж просто. Большинство авторов черпают информацию о ней из мемуаров Сен-Симона, в которых Франсуаза предстаёт расчетливой авантюристкой, а король — глупцом, которого ей удалось подчинить. Но не следует забывать, что Сен-Симон ненавидел как самого Людовика XIV, так и женщину, которую тот возвел так высоко. Если же отвлечься от истории, рассказанной Сен-Симоном, картина получается несколько иной.

Франсуаза д'Обинье родилась 27 ноября 1635 года в крепости Ниор, куда ее родители, Констан д'Обинье и Жанна де Кардийяк, были заточены за приверженность протестантской вере. Франсуаза приходилась внучкой великому поэту и не менее великому предводителю гугенотов Агриппе

пе д'Обинье, который, впрочем, не дожил до ее рождения, но тень его постоянно маячила за ее плечами: никто никогда не забывал о происхождении этой девушки. Все ее воспитатели считали, что протестантская вера у нее в крови и что выкорчевать ересь у внучки самого Агриппы д'Обинье просто невозможно, и следует отметить, эта уверенность сильно подпортила Франсуазе детство и юность. Ее отец, Констан д'Обинье, бретер, игрок, пьяница, все же был ярым гугенотом, готовым за веру пойти на смерть и муки. При этом он, по слухам, из ревности убил первую свою жену. Жанна де Кардийяк была второй, и тоже — незыблемой в своей вере гугеноткой. Когда их с супругом и двухмесячным сыном Шарлем заточили в Ниор, она радовалась возможности пострадать за истину. В Ниоре она забеременела снова и родила девочку. Эта гордая женщина заплакала только тогда, когда ее новорожденную дочь по приказу кардинала де Ришелье забрала графиня де Нейльян, чтобы окрестить в католическую веру. Крестным отцом девочки стал герцог де Ларошфуко. После крещения малышку вернули родителям, в надежде, что теперь душа ее спасена, даже если воспитание ей дадут еретическое. Что и случилось: Жанна д'Обинье воспитывала Франсуазу в строго протестантском духе. Образование девочка получила недостаточное, чтобы в полной мере развить ее неординарный ум, однако к будущим жизненным испытаниям мать подготовила ее достойно.

Поскольку крепость — все же не самое лучшее место для воспитания детей, Шарля и Франсуазу отдали в семью тетки, родной сестры отца, мадам де Виллет. В отличие от Жанны д'Обинье, она была хоть и истой гугеноткой, но женщиной

ласковой и дстолпобивой. Годы, проведенные в ее доме, были самыми счастливыми для Франсуазы.

После освобождения из крепости Констан д'Обинье с семьей по приказу кардинала был выслан на Мартинику. Вскоре к нему присоединились и его жена с дочерью. Жанна д'Обинье сумела обустроиться на острове с комфортом и даже начать какое-то дело. Теперь уже точно не известно, какой бизнес она выбрала, чтобы повысить доходы семьи, но, чтобы организовать его, Констан забрал всю свою пенсию на десять лет вперед. Кончилось все крахом: Констан в очередной раз ударился в загул, проиграл все семейное имущество и бежал обратно во Францию, оставив жене все свои долги. Жанна пыталась справиться с ситуацией, быть своим детям «и отцом и матерью» (так она писала родным), но в конце концов сдалась и решила вернуться, чтобы искать поддержки если не у блудного мужа, то хотя бы у своей семьи. Но главный ее кредитор, губернатор острова, отказывался отпускать мадам д'Обинье пока она не расплатится. Жанна пообещала прислать деньги из Франции, а в качестве заложницы оставила свою дочь Франсуазу, увезя с собой Шарля. Лишь спустя год губернатор понял, что был обманут и что на его попечение оставили ребенка, за которым никто не собирается возвращаться. Воспитывать ее до совершеннолетия он не собирался, но и вовсе бросить на произвол судьбы юную дворянку он не мог, так что оплатил Франсуазе дорогу во Францию и сопровождающую, которая должна была передать ее родственникам. Франсуаза, несмотря на малолетство, очень хорошо понимала все происходящее. Понимала, что ее предали, сознавала свою ненужность. Стоицизм

му, который позже поражал окружающих, и невозмутимости перед лицом невзгод она училась с детства.

На обратном пути с Мартиники с Франсуазой д'Обинье произошел загадочный инцидент: она тяжело захворала и впала в такое глубокое беспамятство, что ее сочли мертвой, вынесли на палубу, и матрос уже начал заворачивать ее в кусок ткани, чтобы похоронить в море, когда солнце, коснувшись ее век, привело девочку в сознание и она открыла глаза. Спустя годы Франсуаза рассказала эту историю епископу города Мец. Он заметил: «Из такой дали зря не возвращаются, возвращаются для свершений».

Родители Франсуазы были разорены, отец много пил, мать болела, так что во Франции девочку снова взяла под свое крыло любимая тетя, мадам де Виллет. И для Франсуазы опять было началась жизнь в любви и душевном тепле, но длилась она недолго. Крестная, графиня де Нейльян, узнала, что внучка Агриппы д'Обинье, которую они так старались вернуть в лоно истинной веры, воспитывается у протестантов, и сочла своим долгом вмешаться. Она сначала забрала Франсуазу к себе и пыталась привить ей почтение к католической вере и необходимое смирение, практически превратив девочку в служанку, а когда потерпела неудачу — передала крестницу монахиням-урсулинкам. Жизнь в монастыре Франсуазе совершенно не понравилась, однако она всей душой привязалась к одной из монахинь, сестре Селесте. Этой женщине удалось вырвать ростки протестантской ереси из души девочки и склонить ее принять причастие по католическому обряду. Ради сестры Селесты Франсуаза хотела даже остаться в монастыре. Позже она вспоминала: «Я любила ее больше, чем могу описать. Я хотела принести себя в жерт-

ву, чтобы служить ей...» Однако поступить в монастырь без денежного взноса было невозможно. Обычно невесты Христовы приносили с собой свое приданое, а Франсуаза была бесприданницей. И как только монахины сочли, что ее перевоспитание завершено, Франсуаза вернулась в дом графини де Нейльян.

В 1650 году один за другим умерли ее родители. Теперь графиня де Нейльян стала официальной опекуной Франсуазы. Графиня привезла свою крестницу в Париж, но толком не знала, что ей делать с подопечной: то ли вручить Франсуазе необходимую для поступления в монастырь сумму, то ли дать небольшое приданое и выдать замуж, а пока она держала ее при себе как приживалку и камсристку. Время шло, и сложившаяся ситуация устраивала графиню все больше, а Франсуазу — все меньше. На ее счастье, в доме графини де Нейльян собиралось блестящее общество, и бывали люди, которые могли оценить ум и неординарность Франсуазы. Один из таких людей рассказал о незавидной судьбе внучки Агриппы д'Обинье другому поэту — знаменитому на весь Париж Полпо Скаррону.

Некогда Поль Скаррон был блестящим кавалером, волокитой, придворным остроумцем и всеобщим любимцем, но ему не было и тридцати, когда его поразили ревматоидный артрит, скрутивший и практически парализовавший его тело. Поэт стал пленником инвалидного кресла, его мучили чудовищные боли, но остроумие его не покинуло, разве что в стихах появилось больше яда. Скаррон был небогат, но решил помочь Франсуазе д'Обинье и дать ей сумму, необходимую для поступления в монастырь. Девушка написала ему

благодарственное письмо, в котором выразила восхищение его стихами. Письмо произвело на Скаррона впечатление, он ответил, завязалась переписка. Еще ни разу не увидев друг друга, сорокадвухлетний поэт-калека и шестнадцатилетняя бесприданница стали друзьями. Наконец, Поль Скаррон пожелал познакомиться с Франсуазой. Графиня де Нейльян приняла его в своем салоне. Современники утверждали, что едва Скаррон увидел Франсуазу, он сразу заявил: «Нет, малютка, вы не пойдете в монастырь. Вы выйдете за меня замуж!»

Франсуаза согласилась. Она стала для Скаррона не только женой, но другом, собеседницей, сиделкой. А еще — хозяйкой его салона на улице Сент-Луи, в котором бывали самые блестящие люди того времени, многие из которых были приближены ко двору: поэты Сент-Аман, Бенсерад и Тристан Отпельник, аббат Буаробер, художник Миньяр, маршал Тюрени и знаменитая куртизанка Нипон де Ланкло. Одним из завсегдатаев был и маркиз де Монтеспан. Скаррон с увлечением занимался образованием своей жены, а Франсуаза с удовольствием училась. В общении с его гостями она постигала искусство изысканной придворной беседы и галантного остроумия. Хотя весь Париж ужасался участи юной девушки, отданной в жены скрюченному паралитику, хотя все заглазно осуждали графиню де Нейльян, согласившуюся на этот брак, Франсуаза на самом деле была очень счастлива все восемь лет брака со Скарроном.

Поль Скаррон скончался 6 октября 1660 года, оставив Франсуазу практически нищей. Он жил на пенсион, который после его смерти перестали выплачивать, а все сбережения, которые у Скаррона имелись, были потрачены на врачей и дорогостоящие обезболивающие микстуры в последние

годы его жизни. Друзья покойного не покинули вдову в беде и помогали ей небольшими суммами. Среди благотворителей был и маркиз де Монтеспан, в 1663 году женившийся на первой из придворных красавиц — Атенаис де Тонне-Шарант. Он познакомил жену с Франсуазой.

Вдова Скаррон не хотела жить благотворительностью и в 1670 году нашла себе место фрейлины у Марии де Немур, которая вышла замуж за короля Португалии и уже собиралась покинуть Париж, когда маркиза де Монтеспан, к тому времени ставшая фавориткой короля Людовика XIV и родившая от него сына Луи-Огюста, предложила ей новую, тайную, постыдную, но вполне денежную должность: стать воспитательницей королевского бастарда. Франсуаза согласилась, ведь уезжать из Парижа ей совершенно не хотелось, тут оставались все ее друзья. К тому же она любила детей, сокрушалась о том, что сама так и не стала матерью.

Она поселилась сначала в деревне Вожирар. Количество ее воспитанников постепенно прибавлялось: на свет появились Луиза-Франсуаза, Луи-Сезар, Франсуаза-Мария, Луи-Александр. Вдова Скаррон прекрасно заботилась обо всех детях, но выделяла старшего, Луи-Огюста. В детстве по недосмотру кормилицы он упал из кровати и сломал ногу, да так и остался хромым, перелом сросся неправильно, у мальчика болела нога. Атенаис де Монтеспан и так-то была не лучшей матерью: что к детям, рожденным от маркиза де Монтеспан и ему оставленным, что к детям от короля была глубоко равнодушна, не горевала о тех, которые умирали в младенчестве, и редко, без интереса, посещала тех, которые выжили. Но сына-кальку она невзлюбила: ей казалось — его несовершенство как-то бросает тень и на нее. Луи-Огюст

остро переживал холодность матери, и мадам Скаррон позволила ему то, чего вообще-то не должна была позволять: называть ее «матушка». Втайне они играли в мать и сына, Франсуаза бесконечно баловала болезненного мальчика. Да и остальные дети обожали свою воспитательницу: она знала вкусы и мечты каждого из них и умела каждому доставить радость.

В отличие от Монтеспан Людовик XIV не был так уж безразличен к своим детям. Он регулярно посещал их, иногда в обществе Атенаис, иногда — один. Он присажался неожиданно, но всегда видел, что дети опрятны, здоровы, веселы, хорошо воспитаны, а детские комнаты содержатся в отменном порядке. Вначале он не питал особой симпатии к мадам Скаррон, поверенной их с Атенаис тайн. Почему-то у него вызывала отвращение сама мысль, что эта женщина спала с калекой, к тому же он был наслышан о вдове Скаррон как об одной из «парижских умниц», а король не любил чрезмерно умничающих дам, считая, что для женщины главное быть красивой, обольстительной и любящей. Он словно забыл, как когда-то его самого знакомила с мировой литературой и классической музыкой Мария Манчини... Но видя, как Франсуаза заботится о детях и как дети ее любят, Людовик понемногу начал проявлять расположение к воспитательнице, беседовать с ней, задерживаться у нее. И пришел момент, когда их разговоры вышли за пределы обсуждения детских проблем и перешли на вопросы более важные и серьезные: Франсуаза и король говорили о том, что есть истинная духовность, обсуждали вопросы религии, философии и даже экономики. Оказалось, вдова Скаррон во всем сведуща,

много знает о том, что творится во Франции, и иной раз может открыть королю глаза на что-то, что скрывали от него его министры.

Франсуаза и Людовик стали друзьями. Поначалу Атенаис даже не предполагала, что эта дружба может вылиться во что-то более серьезное, ведь мадам Скаррон была на три года старше короля, да и не так красива, как мадам де Монтеспан. Но когда Франсуаза в 1674 году купила на подаренные Людовиком деньги имение и замок Ментенон, Атенаис выразила возмущение.

Историк Ги Бретон так описывал их диалог:

«— Вот как? Замок и имение для воспитательницы ба-стардов?

— Если унижительно быть их воспитательницей, — ответила новоявленная помещица, — то что же говорить об их матери?»

С этого дня отношения между мадам де Монтеспан и мадам Скаррон начали ухудшаться. Положение Атенаис при дворе уже стало шатким, ее непомерные материальные требования и постоянные капризы начали утомлять короля, и мадам де Монтеспан даже прибегла к черной магии, чтобы привлечь к себе его внимание, участвовала в черных мессах и опаивала Людовика любовными зельями, и даже, как считали многие современники, отравила нескольких соперниц. Мадам Скаррон она не считала соперницей, но невзлюбила и начала прилюдно оскорблять. И король, чтобы защитить женщину, которую он считал своим другом, даровал ей имя мадам де Ментенон и титул маркизы, по названию приобретенных земель: это сразу повысило ее статус.

Он уже доверял Франсуазе настолько, что делился с ней даже своими страхами: перед старостью, смертью и загробной карой. Они вместе молились.

Разумеется, будучи опытным сладострастником, король не мог не попытаться соблазнить мадам де Ментенон. Но она ему отказала, заявив, что не собирается становиться причиной очередного его прегрешения.

«Вашему величеству следует уделить внимание супруге, а не мне», — заявила она королю. И Людовик был не возмущен, а восхищен отказом. Оказывается, существуют на свете истинно чистые женщины!

Звезда Атенаис де Монтеспан поемногу заходила, а звезда Франсуазы де Ментенон поднималась на придворный небосклон.

Франсуаза призывала короля быть добрее к жене, с которой он соединен по Божьей воле, и Людовик действительно начал уделять больше внимания королеве Марии-Терезии.

«Укрепляя монарха в вере, — писал герцог де Ноай, — она использовала чувства, которые внушила ему, дабы вернуть его в чистое семейное лоно и обратить на королеву те знаки внимания, которые по праву принадлежали только ей».

Мария-Терезия была совершенно счастлива: король проводил с ней целые вечера и разговаривал с такими нежностью и вниманием, каких она не получала от него за все тридцать лет супружества! Людовик проговорился, что «виновница» этого чудесного превращения — воспитательница его бастардов, которых он к тому времени уже признал официально. И Мария-Терезия прониклась к мадам де Ментенон

такой же сильной симпатией, насколько сильную антипатию она питала к мадам де Монтеспан.

Атенаис пыталась бороться, демонстративно покинула Версаль в надежде на то, что король соскучится по ней, его давней возлюбленной, и сам пошлет за ней, а потом она сможет диктовать ему условия, как это бывало раньше. Но в ее отсутствие произошел дворцовый переворот в миниатюре: Людовик XIV даровал мадам де Монтенон покой в Версале, а покой самой Атенаис отдал ее старшему сыну, двадцатитрехлетнему Луи-Огюсту, герцогу Мэнскому, который подготовил покой к своему переезду очень эксцентрично: приказал выбросить всю мебель, принадлежавшую матери, из окна.

Атенаис вернулась и прожила в Версале еще 8 лет, но уже в других, более скромных покоях. Людовик посещал ее иногда, но его любовь ей уже не удалось вернуть никогда.

Последние годы жизни королевы Марии-Терезии король оставался идеальным мужем, и королева знала, кому она этим обязана. В июле 1683 года, лежа на смертном одре, Мария-Терезия не раз призывала к себе маркизу де Монтенон и вела с ней беседы о Боге и загробном мире. В день своей смерти королева сняла с руки обручальное кольцо и надела его на руку Франсуазы. Жест более чем символический... Но никто и подумать не мог бы, что король и правда женится на воспитательнице своих детей!

Только после смерти королевы Франсуаза де Монтенон согласилась стать любовницей Людовика XIV. Она никогда не была страстной женщиной, телесная близость не доставляла ей особого наслаждения, но ее холодность королю

казалась пленительной. И еще одним доказательством ее духовной чистоты. Все в ней восхищало Людовика. Это была любовь, настоящая любовь, когда влюбленный способен обожать даже недостатки любимого существа.

«Король, — писала в мемуарах мадам Сюар, — любил мадам де Ментенон со всей пылкостью, на которую был способен. Он не мог расстаться с ней ни на один день, почти ни на одно мгновение. Если ее не было рядом, он ощущал невыносимую пустоту. Эта женщина, которая запретила себе любить и быть любимой, обрела любовь Людовика Великого, и это именно он робел перед ней».

Сохранились и письма самого Людовика, подтверждающие факт его безмерной влюбленности: «Я пользуюсь отъездом из Моншеврья, чтобы заверить вас в истине, которая мне слишком нравится, чтобы я разучился ее повторять: она состоит в том, что вы мне бесконечно дороги, и чувства мои к вам таковы, что их невозможно выразить; в том, наконец, что как бы ни была велика ваша любовь, моя все равно больше, потому что сердце мое целиком принадлежит вам. Людовик».

Многие историки и современники считают, что Ментенон женила короля на себе хитростью. Она неожиданно устыдилась и прекратила всякие интимные отношения с ним, заявив, что она пала жертвой любовного увлечения, но теперь осознала, насколько грешна их связь, и даже выразила желание покинуть Версаль и удалиться в монастырь, тем более, что воспитанники выросли и больше в ней не нуждались. Но влюбленный король не готов был отпустить ее, и Луи-Огюст умолял отца «удержать любимую матушку», и когда Людо-

вик задумался о том, не жениться ли ему на Менсенон, — все до единого советчики, поддерживавшие его в этой мысли, были ее друзьями... Что ж, возможно, это было интригой. Но, скорее всего, мадам де Менсенон и на самом деле тяготилась внебрачной связью. С возрастом она позабыла уроки остроумного Скаррона и стала столь же неистовой в доброте, как ее мать-гутенотка. Она писала: «Женщины нашего времени для меня непереносимы, их одежда — нескромна, их табак, их вино, их грубость, их леность — все это я не могу переносить». Впрочем, мужчин она тоже не щадила: «Я вижу страсти самые различные, измены, низость, безмерные амбиции, с одной стороны, с другой — страшную зависть людей, у которых бешенство в сердце и которые думают только о том, чтобы уничтожить всех».

Сделать Менсенон королевой перед лицом людей Людовик не мог, но мог сделать ее своей женой перед лицом Господа. И судя по тому, что Франсуазу это вполне устраивало, ее чувства, ее раскаяние и ее сомнения были совершенно искренними.

Король передал предложение о браке через своего духовника отца де Лапеза. Мадам Сюар в мемуарах утверждает, что Франсуаза «была столь же очарована, сколь удивлена, и поручила священнику передать королю, что полностью ему принадлежит...»

Ги Брентон пишет: «Брак был заключен в 1684 или 1685 году (точной даты не знает никто) в кабинете короля, где новобрачных благословил монсеньер Арле де Шанваллон в присутствии отца де Лапеза. В течение нескольких месяцев никто ни о чем не подозревал. А затем придворные старожилы по множеству малозаметных деталей поняли, что отны-

не мадам де Ментенон перестала быть такой же женщиной, как все остальные. Она прогуливалась в Марли наедине с королем; она занимала апартаменты, ничем не уступающие королевским; Людовик XIV называл ее Мадам, выказывал к ней величайшее почтение и проводил в ее покоях большую часть дня; она на несколько секунд поднималась, когда входили дофин и Месье, но не считала нужным утруждать себя для принцев и принцесс крови, которых принимала только после прошения об аудиенции; наконец, она была допущена на заседания Государственного совета, где сидела в присутствии министров, государственных секретарей и самого монарха...»

Сомневающимся в том, что король женился на маркизе де Ментенон, становилось все меньше.

Мадам де Севинье писала дочери: «Положение мадам де Ментенон уникально, подобного никогда не было и не будет...»

Герцог де Ноай в своих «Мемуарах» утверждал: «Они совершенно определенно соединились узами тайного брака».

Все бывшие фаворитки Людовика в пору своего возвышения блистали больше, чем его вторая жена. И все же из всех фавориток Людовика ее — скромную, лишенную страсти к стяжательству, — ненавидели больше всего. Больше, чем «чернокнижницу» Монтеспан. Франсуазу называли «черной королевой»: за неизменный черный наряд, и за то, что из-за нее прежде великолепный двор погрузился во мрак...

Под влиянием мадам де Ментенон двор Людовика XIV и правда сделался местом «настолько унылым, что здесь завывали бы с тоски даже гугеноты», как выразился один при-

дворный остроумец. Больше не было балов, маскарадов, спектаклей. Дамы и кавалеры вынуждены были одеваться скромнее. Так хотел король. Потому что это считала правильным Франсуаза.

«Мадам Ментенон была женщиной не только суровой и жесткой: все в ней подчинялось приличиям и расчету. Ее набожность была не пылкой, порывистой, как у Лавальер, а сдержанной, обдуманной. Ее щепетильность всегда была выгодной для ее материальных интересов. Не лживая, но очень осторожная; не вероломная, но всегда готовая если не пожертвовать друзьями, то, по крайней мере, покинуть их; скорее создающая видимость добра, чем творящая добро. Без воображения, без иллюзий, эта женщина превосходила других скорее рассудком, чем сердцем. Она была вооружена против всех соблазнов. Страх скомпрометировать свое доброе имя защищал ее от всех опасностей», — писал о ней историк Тонен.

Над Людовиком посмеивались. Король — а выбрал фавориткой немолодую и непривлекательную женщину! «Французский король — противоположность другим государям: у него молодые министры и старая любовница», — говорил Вильгельм Оранский.

Понемногу и сам король соскучился. Он даже жаловался на холодность Франсуазы, теперь уже своей жены, ее духовнику, Годсе де Марс, епископу Шартра, и тот сделал все возможное, чтобы склонить мадам де Ментенон к более рьяному исполнению супружеских обязанностей: сохранилось письмо, в котором епископ призывает свою духовную дочь больше внимания уделять тому, что «должно служить убежищем слабому мужчине, который без этого неизбежно по-

губит себя... Как отрадно свершать по велению добродетели то самое, что другие женщины ищут в опьянении страсти...»

Неизвестно, послушалась ли его мадам де Ментенон. А король старел, и он боялся кары Божьей, а рядом с Франсуазой, удерживавшей его от греха, он чувствовал себя защищенным. У него случилась еще одна любовная связь, с рыжеволосой красавицей Анной де Роан, но страх перед адскими муками пересилил похоть. Король вернулся к Франсуазе и уже более ей не изменял.

«Во внутренней жизни двора она пользовалась всеми преимуществами королевы, но в обществе она держала себя как самая заурядная придворная дама и всегда занимала последние места», — рассказывал Сен-Симон, вечный недоброжелатель мадам де Ментенон.

При жизни, да и после смерти мадам де Ментенон обвиняли в том, что она вмешивалась в политику и подталкивала Людовика к принятию неверных и зачастую жестоких репрессий, в частности — к отмене Нантского эдикта, даровавшего гугенотам свободу вероисповедания. Говорили, будто она, истая католичка, была вдохновительницей «драгонад»: карательных акций, во время которых королевские драгуны нападали на гугенотские поселения, убивая мужчин и детей, насилюя женщин и грабя все подчистую. Последнее обвинение неверно: «драгонады» ужасали мадам де Ментенон, тем более, что в душе она так и осталась гугеноткой, и ее добродетель, и ее стойкость, и ее неприязнь к придворным развлечениям — все это было истинно гугенотским... Да и не могла эта умная, тонко чувствующая женщина, основательница первого во Франции женского учебного заведения —

приюта Сен-Сир для дочерей бедных дворян (который век спустя станет образцом для основания в России Смольного института) поддерживать почти средневековые жестокости.

И все же влияние ее на короля было значительным. Вопрос в том — насколько значительным. Тут даже современники расходятся во мнениях.

«Все хорошо, если это связано с ней; все отвергается, если делается без нее. Люди, дела, назначения, правосудие, помилования, религия — все без исключения в ее руках; король и государство являются ее жертвами, — писал о ней Сен-Симон. — В одном только она не изменяла себе: в страсти к господству и властвованию».

Герцог де Ноай спорит с ним в своих «Мемуарах», утверждая, что «влияние Ментенон было значительно меньшим, чем об этом говорили. Претензии на управление королем и государством не соответствовали ни ее характеру, ни склонностям ее разума».

С Ментенон общались и министры, и главнокомандующие. Она неизменно присутствовала в кабинете короля во время совещаний: сидела в углу, выпивала или читала, но — слушала все... Кто знает, о чем она потом говорила с Людовиком, когда они оставались наедине? Впрочем, король неоднократно говорил, что мадам де Ментенон никогда не спрашивает его о делах. Это он просит у нее совета.

Они прожили вместе тридцать лет. И союз их оставался гармоничным и спокойным. Видимо, королю, прожившему столь бурную жизнь, на склоне лет необходима была именно такая женщина: одновременно несокрушимая опора и тихая гавань.

Лежа на смертном одре, семидесятисемилетний король сказал своей восьмидесятилетней супруге: «Меня утешает в смерти только то, что мы скоро опять соединимся». Злоязычные придворные утверждали, будто мадам де Ментенон, выходя из покоев короля, пробормотала: «Эгоистом был, эгоистом и умрет! Ну и свидание он мне назначает!» Могла ли на самом деле эта осторожная и сдержанная женщина допустить такой промах — очень сомнительно. А вот предсмертные слова короля не вызывают сомнений.

За три дня до кончины Людовика Франсуаза удалилась в монастырь Сен-Сир, где тихо прожила оставшиеся сй четыре года. Луи-Огюст регулярно навещал ее, и однажды мадам де Ментенон призналась своему воспитаннику, что любила его больше всех людей на земле, даже больше, чем короля... Ее не стало 15 апреля 1719 года. Разумеется, речи не шло о том, чтобы вторая жена короля нашла упокоение рядом с ним, в королевской базилике Сен-Дени. Тело мадам де Ментенон было забальзамировано и погребено в церкви Сен-Сир, а в часовне замка Ментенон поставлен кенотаф с памятной надписью. Наследницей имущества Франсуазы стала ее племянница, дочь ее брата Шарля, названная в ее честь: Франсуазой д'Обинье д'Амаль.

Со своим возлюбленным королем Франсуаза де Ментенон соединилась только в годы Великой французской революции, когда восставшие разорили усыпальницу в Сен-Дени, ссыпали мощи королей и членов их семей в котлован, частично — засыпали известью, частично — сожгли и развеяли по ветру... И такой же участи удостоились некоторые наиболее известные персоны прошлого, в том числе — фаворитки королей. Могила мадам де Ментенон была вскрыта, а прекрас-

но сохранившись благодаря искусству бальзамировщика тело — сожжено. По бунтующему Парижу ходила шутка: «В тот день с ней обращались, как с настоящей королевой».

Глава 28

ДЕНЬ КОРОЛЯ

Женитьба на мадам де Ментенон очень переменила Людовика XIV. То ли наступило пресыщение удовольствиями. То ли это любовь совершила с королем такое чудо. Он стал еще более набожным, он весь погрузился в работу и почти забыл о развлечениях. По крайней мере, они были уже совсем не те, что раньше.

Придворным не так легко оказалось к этому привыкнуть. Лизелотту Пфальцскую, в душе так и оставшуюся протестанткой, крайне раздражало воцарившееся при дворе ханжество, и она писала родственникам в Баварию гневные письма о том, как ей надоели бесконечные мессы, понося ненавистную мадам де Ментенон и ее нововведения. Впрочем, Лизелотта ругала вообще все: войну, французскую кухню, страсть придворных к картам и уклад жизни своей новой родины. Пока Людовик, узнав об этом от главы полицейского управления Ларейни, не рассердился и не запретил ей переписку с родней в подобном ключе.

Однажды его величество устроил скандал развращенным друзьям своего брата, по слухам, пытавшимся склонить к «итальянскому пороку» его детей. На несколько месяцев те были высланы из Версаля.

Мадам де Ментенон пыталась запретить при дворе театральные спектакли и балеты, но тут уж король не подчинился. Он пошел с супругой на компромисс, заявив, что

будет посещать их не слишком часто. В конце концов, хоть какие-то развлечения были по-прежнему нужны и ему и придворным, — иначе можно умереть от тоски.

Но если обратиться к свидетельствам людей, приближенных к особе его величества, становится понятно, насколько же развлечений стало мало...

«Людовик встает поздно и ложится спать тоже поздно, — пишет Франсуа Блюш. — Церемониал соблюдается лишь в утренние и вечерние часы: в первые минуты вставания и во время утреннего приема, а также во время вечернего приема перед отходом ко сну и непосредственно перед тем, как отойти ко сну, скрывшись за пологом алькова. Короля будят около половины девятого, он возглавляет заседание одной из секций своего совета, которое проходит каждый день от девяти тридцати до половины первого. По воскресеньям заседает Государственный совет, или совет министров. Это самый важный совет, на котором обсуждаются и принимаются самые серьезные решения. Король заставляет высказываться каждого государственного министра — Мишеля Летелье, маркиза де Лувуа, Лепелетье, которые составляют клан Летелье, и маркиза де Круасси, единственного представителя клана Кольбера, — и выносит решения, как правило, в согласии с мнением большинства. Один раз в две недели (в понедельник) вновь заседает все тот же совет министров; во второй понедельник из этих двух недель собирается совет депеш; здесь разбирается переписка между правительством и интендантами и делаются обобщения...

По вторникам проходят королевские советы финансов, унаследованные от прежнего суперинтенданта Фуке. Его Величество председательствует на этих советах в присут-

ствии, теоретически, канцлера и, практически, Монсеньора, маршала Вильруа, генерального контролера и двух советников из королевского совета финансов...

Позже, а именно во время пребывания в Марли, Людовик XIV будет иногда иметь одно или два утра свободных. Он этим будет пользоваться, чтобы совершить прогулки, а при случае и поохотиться.

В обычные дни монарх покидает кабинет совета около половины первого. Он велит тогда «предупредить супругу Монсеньора, что готов идти в церковь, и весь королевский дом шел вместе с ним к мессе, которая сопровождалась превосходной музыкой.

После службы Людовик XIV наносил визит маркизе де Монтеспан. Затем идет «обедать в переднюю гостиную супруги Монсеньора. Обслуживают короля за столом дворяне. Монсеньор, супруга Монсеньора, Месье и его супруга, Мадмуазель и мадам де Гиз едят с королем; за столом иногда присутствуют принцессы крови.

По окончании трапезы король наносит короткий визит своей невестке, затем едет подышать свежим воздухом после стольких часов, проведенных в помещении».

Людовик никогда не любил Париж, ему было в нем тоскливо и душно. И как только выдалась возможность, — а именно после смерти королевы-матери, — он стремился уезжать из столицы как можно чаще, жил в Сен-Жермене, в Венсенне, в Фонтенбло. А с тех пор, как закончилось строительство Версаля, он уже практически не появлялся в Париже.

«Он всю жизнь любил проводить время под открытым небом. Ему необходимо было либо совершать длительные прогулки по своим садам в сопровождении принцесс и дам,

либо посхатъ ненадолго поохотиться. Время от времени он занимался соколиной охотой. Иногда Его Величество охотился с ружьем. Но король предпочитал псовую охоту на лань или оленя верхом на лошади, если у него все хорошо со здоровьем, или в очень мягкой коляске, когда подагра давала о себе знать.

Этот «послеобеденный» выход, в котором король так нуждался, был всего лишь антрактом. Вторая часть после-полуденного времени снова посвящается правительству...

Удивительным был также созданный институт апартаментов, который три раза в неделю делает приятным вечернее времяпровождение при дворе.

«В эти последние годы говорили, — пишет Фюретьер, — что был день апартаментов короля, имея в виду различные праздники, на которых король несколько дней подряд угощал двор в своих роскошно меблированных, ярко освещенных апартаментах, где играла музыка, устраивались балы, легкие ужины, игры и другие замечательные развлечения». После окончательного обустройства в Версале Его Величество принимает по вторникам, четвергам и субботам. В эти дни салоны Людовика XIV открывались в семь часов вечера. Король, страстный любитель бильярда, часто играл до девяти вечера, его партнерами были друзья — герцог Вандомский, обер-палатмейстер Луи Лотарингский, граф д'Арманьяк, герцог де Грамон, следует упомянуть еще Мишеля Шамийера, советника парламента, который был одним из лучших игроков королевства. Окончив игру на бильярде, король шел к маркизе де Ментенон и оставался там до ужина, после которого начинался бал. Ибо Людовик XIV, не в пример своему прадеду Филиппу II, если и отдавал приоритет государствен-

ным делом, не превращал свой двор в ханжеское сообщество врагов веселья. Здесь часто играют по-крупному; любители театра смотрят прекрасные спектакли; часто устраиваются маскарады.

В дни, когда не было приема в апартаментах, Людовик XIV проводил начало вечера, от восьми до десяти часов, у мадам де Менгенон. Затем он покидал свою тайную супругу и «шел ужинать к супруге Монсеньора». Оттуда он отправлялся к мадам де Монгеспан. В полночь король уходил в свои апартаменты к началу церемониала отхода ко сну. «Совершение туалета перед сном, — пишет маркиз де Данжо, — длилось от полуночи до половины первого, самое позднее оно заканчивалось в час ночи».

Людовик XIV начинает и кончает свой день молитвой и никогда не пропускает мессы в час дня.

Пожалуй, еще одним порочным развлечением, которое никому, однако же, и в голову не могло прийти назвать грехом и выступить против него на борьбу — были обильные трапезы. Хотя вот их-то следовало бы запретить, потому что вред здоровью они наносили изрядный. Чревоугодие при дворе достигало каких-то катастрофических масштабов. Людовик XIV очень любил покушать, каким образом он осуществлял свою страсть не совсем понятно, потому что жевать ему было нечем — к сорока годам его величество практически лишился зубов. Причем придворные эскулапы удаляли их так неумело, что в процессе одной из операций король лишился и части челюсти. Поэтому каждый раз, когда пил или полоскал рот, вода попадала ему в нос. Как же он умудрялся жевать? А жевать было что...

«380 человек были заняты исключительно делом пропитания короля, — пишет Жорж Ленотр. — Поскольку, встав по утрам, король выпивал только чашку бульона или настойку палфея, он довольно рано начинал испытывать голод, и обед ему обычно сервировали около 10 часов утра. Тут уж было чем заморить червяка!

Итак, супы: диетический из двух больших кашлунов; суп из четырех куропаток, заправленный капустой; бульон из шести вольерных голубей; бульон из петушиных гребешков и нежных сортов мяса; наконец, два супа на закуску: из кашлуна и куропатки.

Первые блюда: четверть теленка и кусок ястреба, все весом в 28 фунтов; паптет из двенадцати голубей.

Закуски: фрикасе из шести куриц; две рубленые куропатки.

Четыре промежуточных блюда: соус из трех куропаток; шесть выпеченных на жаровне паптетов; два жареных индюка; три жирных цыпленка под трюфельным соусом.

Жаркое: два жирных кашлуна; девять жареных цыплят; девять голубей; две молоденькие курицы; шесть куропаток; четыре паптета.

Десерт: свежие плоды, с верхом наполнившие две фарфоровые миски; столько же сухих фруктов; четыре миски с компотами или вареньями».

Причем в повседневности король принимал пищу в одиночестве, а члены семьи и прочие приближенные присоединялись к нему только в торжественных случаях. Разумеется, его величество не съедал все и к некоторым блюдам, наверняка, даже не притрагивался, но все равно масштабы впечатляют. И это — только первый обед. А был еще второй

обед. Были еще и закуски. Был и ужин. А на ночь королю, на всякий случай, — вдруг он смертельно проголодается! — оставляли графин с водой, три хлебца и две бутылки вина.

Не мудрено, что его величество часто мучился несварением желудка, был склонен к полнокровию и головокружениям. Чего уж говорить о приступах подагры — этой самой распространенной болезни аристократов. В моменты обострения ее врачи не находили ничего лучшего, как прописать его величеству принимать бургундское вино, «как содержащее менее винного камня и более спирта», чем его любимое шампанское. Это предписание стало причиной трагедии для виноградарей Рейнской области и поводом для счастья производителей вин в Бургундии.

Глава 29

ЛЮДОВИК ВЕЛИКИЙ ДОФИН

Мария-Терезия произвела на свет шестерых детей, из которых до зрелого возраста дожил лишь первенец — Людовик Великий Дофин, родившийся 1 ноября 1661 года. Насчет того, получился бы из него хороший король или нет, историки расходятся во мнениях. Одни из них уверены, что у него хватило бы твердости характера, разумности и способностей, чтобы достойно продолжить дело своего отца, другие полагают, что наследник Людовика XIV был вял, безынициативен и глуповат. Истина, как обычно, где-то посередине. Да, дофин ничем особенно не блистал и не обладал яркой харизмой, но — поди-ка попробуй конкурировать с «королем-солнце», всегда находясь в тени его сияния, постоянно ощущая свою ущербность в сравнении с ним, угнетенный

завышенными ожиданиями и страхом разочаровать. К тому же дофин с младенчества воспитывался в пресклонении перед великим отцом, он никогда и не посмел бы хоть в чем-то его превзойти.

Великий Дофин был вещью в себе, этот принц, взойдя на престол, мог бы раскрыться с самой неожиданной стороны и всех поразить. Но мог бы так и остаться жемчужиной, надежно спрятанной в своей раковине. К сожалению, никому не довелось этого узнать.

Людовик XIV очень серьезно подошел к вопросу воспитания наследника, поручив его умнейшим и достойнейшим педагогам, отличавшимся строгой нравственностью. Это герцог Монтозье, которому помогают святые отцы де Париньи и де Флешье. К ним позже присоединится Жак Бенинь Боссюэ.

Этими мудрыми господами для наследника была подобрана 64-томная библиотека греческой и латинской классической литературы «Ad usum Delphini» — «для использования дофином». Составлена она была из произведений величайших философов и драматургов, которые дополнили обширными комментариями и растерзали купорами, — из всех этих трудов были безжалостно вырезаны сцены секса, насилия, сомнительного юмора и прочего, что, по мнению составителей, могло смутить или направить в сторону порочных фантазий невинный детский ум. Первый том вышел из печати, когда дофину было девять лет, последний — когда ему исполнилось тридцать семь.

Специально для сына Людовик начал писать «Мемуары», в которых делился опытом и знаниями, объяснял какие-то

спорные свои поступки и предостерегал от ошибок, посвящая в тайны искусства «быть королем».

Сложно было не возненавидеть учебу при таком подходе. К тому же получившие от короля полную свободу действий воспитатели не церемонились с ребенком. За малейшее непослушание, невнимательность или ошибку дофин получал от герцога Монгозье опутимый удар линейкой, шлепок или оплеуху.

При первой же возможности Монсеньор от учебы бежал. И как только достиг возраста, позволившего ему избавиться от опеки воспитателей, тут же поспешил забыть все, чему его учили. Нет, конечно же, знания, заложенные в нем с детства, не могли испариться бесследно, но принц ими не пользовался.

Великого Дофина описывают как рыхлого, неуклюжего, безобразно толстого и ко всему безразличного юношу, который все время молчал, предпочитая ни с кем не делиться своим мнением, — если оно у него вообще было.

«Характера у него не было никакого, здравого смысла достаточно, но ни намек на сообразительность, — пишет Сен-Симон, — было в нем высокомерие, было достоинство — и природное, и проистекавшее из его представительности, и усвоенное в подражание королю; его отличали безмерное упрямство и то сочетание связанных между собою слабостей, из коих была соткана его жизнь; он был ласков по лени и по некоторой недалекости, но в глубине души черств, хотя внешне казался добрым, причем доброта его распространялась только на подчиненных и слуг и выражалась лишь в расспросах о всяких низменных предметах; с низшими он вел себя поразительно фамильярно, между тем оставался

безразличен к чужому горю и нищете, причем скорее по небрежности и в подражание другим, чем по природной жестокости; он был поразительно молчалив и, следовательно, скрытен... С одной стороны, по причине своей толщины, с другой — из-за трусости принц этот являл собой образец редкой сдержанности; в то же время он был горд сверх всякой меры, что в дофине несколько забавно, тщеславен и крайне внимателен и чувствителен к полагающимся ему почестям и вообще ко всему».

Не обладая государственным умом, Великий Дофин тяготел к искусству. Хотя и не любил читать, — а кто любил бы после изучения 64-х томов классики с комментариями и купюрами? — он обожал театр, особенно оперу, и вообще был тонким ценителем музыки.

Апатичный и вялый принц преобращался, стоило ему вырваться на свободу из дворцовых стен. Он был неугомонным охотником, — просто обожал травить волков, — и мог без усталости проводить в седле многие часы. Но и тут не проявлял решительности.

«Он ловко сидел на коне и прекрасно выпядел верхом, однако был не слишком храбрый наездник, — пишет Сен-Симон. — На охоте впереди него бежал Казо, и стоило принцу потерять его из виду, как он впадал в ужас; он пускал лошадь только в курцалоп и частенько останавливался под деревом, поджидая остальных охотников, долго искал их, а затем возвращался».

Стоит признать, образ будущего государя получается довольно нелестным. Впрочем, здравый смысл и ответственность — это уже немало.

А Франсуа Блош, один из наиболее скрупулезных биографов Людовика XIV, вообще считает, что Сен-Симону нельзя доверять и его описание дофина чересчур предвзято.

«Этот герцог изобразил его лентяем и увальнем. А его портрет Людовика Французского был просто карикатурой. Если Монсеньор страстно увлекался псовой охотой на волков, конными состязаниями, игрой в шары, верховой ездой, состязаниями по снятию пикой кольца и был всегда первым среди своих талантливых друзей, если он собрал прекрасные коллекции, занимался украшением своего дворца, председательствовал на прекрасных маскарадах, царил в Медоне в своем изысканном кружке для избранных, то лишь потому, что он должен был найти умные и приятные занятия, чтоб заполнить свое свободное время, которого у него было в избытке, за что он, конечно, не может нести ответственность. Каждый раз, когда его отец давал ему ответственные военные или политические поручения, он всегда показывал себя достойным королевского доверия; смелый и популярный в армии, внимательный и всегда занимающий твердую позицию в совете министров».

Верно то, что Великий Дофин проявил себя неплохим воспитанником и храбрым солдатом, король даже вынужден был запретить ему излишний героизм на поле боя из страха за его жизнь.

В 1680 году Великий Дофин женился на сестре баварского курфюрста принцессе Марии-Анне-Кристине-Виктории Виттельсбахской.

Договоренность об этом союзе была заключена еще десять лет назад между Людовиком XIV и отцом принцессы —

Фердинандом-Марисей Баварским. Виктория была обручена с Великим Дофином в возрасте восьми лет и с тех пор готовилась стать королевой Франции. Для Баварии это было очень лестно, и, чтобы не посрамить родину, юной принцессе постарались дать приличное образование. По крайней мере, она вполне сносно изъяснялась на языке страны, которой в будущем ей предстояло править.

Несмотря на уговор, Людовик XIV не хотел брать в жены сыну принцессу не глядя, ему казалось важным, чтобы она была как минимум хорошенькой и смогла удержать будущего короля от желания обзаводиться фаворитками. Конечно, даже самая ослепительная красота супруги ничего не гарантировала, но все же...

Поэтому незадолго до предполагаемой свадьбы Людовик отправил в Мюнхен чрезвычайного посла, господина Кольбера де Круаси, — брата своего министра финансов, — с указаниями как следует рассмотреть юную принцессу и составить описание ее внешности.

Через некоторое время его величество получил отчет:

«Хотя я смотрел на нее очень внимательно, в особенности стараясь изучить черты лица и фигуру, ничего безобразного в них не нашел. Несмотря на то, что ни одну линию не назовешь по-настоящему красивой, я нахожу, что все в целом образует очень приятное сочетание. Мне показалось, что она среднего роста, пропорционального сложения. Что у нее довольно белая грудь, красиво развернутые плечи, лицо скорее овальное, нежели круглое, рот не велик и не мал, зубы очень белы и довольно ровны, достаточно правильно обрисованные губы не то, чтобы очень красны, но не назовешь их и бледными; хотя нос у нее несколько толстоват к концу,

нельзя сказать, чтобы он был безобразен и сильно портил лицо; щеки у нее довольно полные, глаза не большие и не маленькие, не блестящие, но и не тусклые. На мгновение мне удалось увидеть ее предплечье и кисть руки, признаться, я не нашел их такими же белыми, как грудь; их цвет мне показался немножко темноватым, как у девиц, что не умеют ухаживать за собой... Короче говоря, государь, из нее получится чудесная принцесса, и, на мой взгляд, она способна правиться даже сильнее, чем более красивые особы».

Это было очень... дипломатичное описание, заставившее короля призадуматься. Все эти бесконечные «не» и обтекаемые выражения сильно его смущали. Людовику показалось, что баварская принцесса — дурнушка. Возможно, он был предвзят еще и потому, что перед его глазами уже много лет находился пример — другая особа из дома Виттельсбахов, похожая на швейцарского гвардейца супруга его брата, Лизелотта Пфальцская.

Поразмыслив некоторое время, Людовик отправил в Мюнхен имеющийся у него портрет Виктории, — где, разумеется, была изображена довольно миленькая девушка, — повелев своему посланнику сравнить его с оригиналом.

Кольбер ответил честно, что, по его мнению, художник принцессе польстил, но не сказать, чтобы очень сильно.

«Действительно, нижняя часть лица Ее Светлости очень приятна, особенно когда она улыбается, но живописец написал овал более удлинненным, а нос менее толстым, чем это есть на самом деле».

Несколько дней после получения этого послания французский двор гудел словно растревоженный улей, обсуждая нос своей будущей государыни, — действительно ли он так

уж сильно утолщается к кончику? Безобразен ли он? Или с этим изъяном можно смириться, не приходя в ужас каждый раз, стоит только бросить взгляд на принцессу?

Потерзавшись сомнениями некоторое время, Людовик отправил в Баварию одного из придворных живописцев с приказом написать портрет девушки максимально достоверно и без всяческих прикрас.

По прибытии в Мюнхен художник сразу же принялся за работу, но вынужден был ее прервать, — у принцессы приключился флюс, отчего щека ее раздулась, и это совершенно ее не красило. А потом картина должна была еще две недели сохнуть, прежде чем ее стало возможно перевозить.

Французский двор умирал от нетерпения. Но вот наконец картину привезли и распаковали. И — придворные выдохнули с облегчением. Принцесса оказалась совсем не дурна.

Однако радость была недолгой, к картине прилагалась записка, начертанная рукой все того же Кольбера: «Портрет не похож. Художник написал лицо более удлиненным, подбородок более остреньким, а нос не таким толстым, как есть в действительности».

Король едва не взвыл от досады, ему уже до смерти надоел принцессин нос и хотелось уже поскорее покончить со свадьбой дофина. Тем более, что особенности строения носа будущей супруги, так же как и прочие ее достоинства и недостатки, совершенно не волновали жениха, — единственного при дворе. Привычный во всем следовать воле своего отца, тот и сейчас готов был принять любое его решение и сказал лишь, что «сколь ни дурна собой его будущая жена, он останется доволен, если она умна и добродетельна».

Услышав об этом, король принял решение.

В тот день, явившись обедать к королеве, его величество принес с собой мюнхенский портрет и объявил:

— Хотя принцесса и не красавица, но и не дурна собой. К тому же у нее масса других достоинств.

Эти слова послужили знаком тому, что все придворные принялись громко восхищаться прелестью баварки. Однако после окончания приема, между собой они сошлись на том, что та страшна как смертный грех. Мадам де Севинье писала: «У нее что-то такое с носом, что сразу производит неприятное впечатление».

Между тем кортеж Виктории Баварской уже приближался к границе Франции.

Отправляясь вместе со всем двором ему навстречу и стора от любопытства, его величество послал вперед своего дворецкого Сангена, «человека верного и не умеющего льстить», чтобы тот посмотрел на принцессу.

— Государь, — сообщил тот, вернувшись, — перстерпите первое мгновение, и вы останетесь очень довольны.

Двор буквально затаил дыхание.

«Все на самом деле произошло лучше, чем ожидалось, — пишет Жорж Ленотр. — Миновав Витри-ле-Франсуа, через пару лет король впервые увидел баварскую невесту; по требованию Людовика свидетелями встречи были лишь его брат и сын: он опасался открытого выражения неблагоприятного впечатления. Когда нареченная бросилась из кареты ему навстречу, он произнес, представляя ей дофина: “Вот о ком идет речь, мадам. Вот мой сын. Я отдаю его вам”. Смущившись, бедняжка неловко выразила свою признательность. Все направились назад в Витри, где оставался двор».

Увидев принцессу, придворные были разочарованы. Нос, который вызвал такую ажитацию, оказался вполне тривиален, и вообще будущая жена дофина производила хорошее впечатление.

Заочная свадебная церемония была проведена еще в Мюнхене 28 января 1680 года, а 7 марта союз вступил в законную силу. Великий Дофин остался весьма доволен своей женой и был, как говорили, весьма пылок. Виктория, в свою очередь, так же прониклась к нему теплыми чувствами.

Последующие несколько лет супруги жили вполне счастливо, на свет один за другим появились трое их сыновей: в августе 1682 года родился Людовик, герцог Бургундский, в декабре 1683 года — Филипп, герцог Анжуйский, еще через три года, в июле 1686 года — Карл, герцог Беррийский и Алансонский.

Казалось бы, все было совершенно прекрасно, но... Несмотря на так предусмотрительно сделанные купюры в многотомном собрании сочинении классиков, Великий Дофин не смог избежать искушения и начал изменять своей жене. Та крайне огорчалась, но ничего не могла поделать, — разве что пожаловаться герцогине Орлеанской, с Лизелоттой они стали подругами.

Жизнь Виктории при французском дворе была довольно печальна. Не обладавшая никакими яркими талантами, принцесса разочаровывала царственного свекра меланхоличностью, болезненностью и тем, что недостаточно хорошо справлялась с обязанностями первой дамы королевства. Она не умела блистать... К тому же рождение детей, да еще и многочисленные выкидыши сильно подточили ее и без того слабое здоровье.

20 апреля 1690 года Виктория умерла, ей было всего лишь тридцать лет.

Супруг ее не особенно об этом печалился, он в то время был очень увлечен очередной любовницей, мадам Резен, женой какого-то актера.

«Это была полная и красивая женщина с высокой грудью и необычайно высокими бедрами, что, видимо, особенно нравилось принцу, — писал Буа-Журдан. — Впервые он увидел ее в театре и она сразу же ему приглянулась. Мадам Резен родила от него ребенка, несомненно по рассеянности, ибо о нем говорили, что он предпочитает заменять любовные радости, имевшие своей целью воспроизведение потомства, более пикантными вещами, в которых знала толк его любовница и где не последнюю роль играли ее груди».

Вероятно, полные дамы с выдающимся бюстом были для его высочества особенно привлекательны, и все остальное не имело большого значения. Потому что самой большой любовью в его жизни, — женщиной, на которой он даже тайно женился, — стала особа совсем некрасивая, но изобильно обладавшая достоинствами, столь возбуждавшими принца. Это была Эмилия де Шуэн, фрейлина принцессы де Конти.

Стоит ознакомиться с описанием этой дамы хотя бы ради того, чтобы оценить комичность той трагедии, что будоражила двор десять лет назад в связи с якобы недостаточно красивым носом баварской принцессы, которая может не понравиться принцу.

«Приземистая, безобразная, курносая и смутная старуха», — пишет о девице де Шуэн Сен-Симон. Герцогиня

Орлеанская даст более объемную характеристику: «Низенькая, с короткими ногами, круглой физиономией, с толстым, вздернутым носом, она обладала большущим ртом, полным гнилых зубов, вонь от которых чувствовалась на другом конце комнаты... Но у нее такая огромная грудь, которой нет ни у одной из знакомых мне женщин. И именно это обстоятельство привлекло Монсеньора, который мог хлопать по ее бюсту, словно бить в литавры».

Но вряд ли дело было только в этом... Скорее всего, в некрасивой и всеми презираемой девице Великий Дофин просто нашел родственную душу. Ему было хорошо в ее обществе, обычно молчаливый и замкнутый, с ней он мог говорить обо всем на свете и обрел в ее лице друга и остроумную собеседницу.

Поначалу мадам де Шуэн жила в Париже и приезжала в Медон, — резиденцию Великого Дофина, — тайно по ночам, одетая как простая горожанка. Ее проводили во дворец, «на антресоли», где Монсеньор проводил с ней какой-то время.

Но потом встречи стали более открытыми.

«С антресолей она перебралась в парадные комнаты и тут спокойно восседала в кресле в то время, как герцогиня Бургундская довольствовалась табуретом. Даже приветствуя принцессу и самого Монсеньора, она не покидала кресла. Высказывалась она немногословно, повелительно и явно претендовала на оказание ей королевских почестей, — пишет Жорж Ленотр.

Вероятно, к тому времени, а это был 1694 год, мадам де Шуэн и Великий Дофин были уже женаты.

Казалось бы, некрасивой фрейлине суждено было повторить судьбу Франсуазы де Ментенон и стать некоронованной королевой при французском дворе, Людовик XIV ста-

рел, жить ему явно оставалось уже недолго. Но — неисповедимы пути Господни. Сыну Людовика XIV не суждено было править. Он умер за четыре года до смерти короля.

8 апреля 1711 года Монсеньор впервые почувствовал сильную головную боль. На следующий день из-за приступа слабости и невыносимой мигрени ему пришлось прервать охоту, вернуться в Медон и лечь в постель. Придворные лекари, тотчас явившись к нему, заподозрили оспу. И не ошиблись.

«На следующий день к вечеру на теле появились маленькие пузырьки, — пишет Франсуа Блоп, — 12-го вечером нависла большая опасность, Монсеньор бредил “с открытыми глазами”»; король запретил входить в комнату сына. На следующий день вновь появляется надежда, и даже 14-го утром надежда еще живет в каждом». «А к семи часам вечера, — записал де Сурш, — он находился в состоянии агонии и к одиннадцати часам вечера скончался. Король тут же приказал закладывать карсты (он не боялся заразиться, пока пытались спасти его сына, теперь же он подаст пример для принятия некоторых предосторожностей), он уезжает из Медона в половине двенадцатого и направляется в Марли. Недалеко от Версаля он повстречался с каретой герцогини Бургундской, которая ехала ему навстречу с несколькими дамами, король остановился, чтобы ей сообщить эту печальную новость, и сразу отъехал; приехав в Марли, он смог лечь в постель только через три часа после того как приехал: его боль была так велика, что он не мог избавиться от сильнейших приступов удушья».

Людовик очень переживал из-за смерти сына, это был первый по-настоящему серьезный удар, который ему пришлось перенести.

Лизелотта Пфальцская писала: «Я видела короля вчера в 11 часов, его печаль так сильна, что она умилоствовала бы даже каменное сердце; однако он не досадовал, со всеми разговаривал и отдавал приказы с большой твердостью в голосе, но всякий раз его глаза наполнялись слезами, и он едва сдерживал рыдания. Я страшно боюсь, как бы он сам не заболел, так как у него очень плохой вид. Я его жалела от всей души».

С уходом Великого Дофина началась череда смертей, ушедших менее чем за год почти всех наследников французской короны. Будто кто-то проклинал стареющего короля, вынудив его видеть, как умирают его внуки, которых он так любил, наблюдать за тем, как вымирает его род, рушатся все его надежды, а он ничего, совершенно ничего не может с этим поделать.

Глава 30

ПРОКЛЯТИЕ КОРОЛЕВСКОГО ДОМА

Несожданная смерть Великого Дофина мгновенно изменила жизнь его старшего сына Людовика, герцога Бургундского. Если тот и думал о наследовании престола, то явно не догадывался, что стать королем ему придется так скоро. Ведь отец был так крепок и здоров, и ему было всего пятьдесят лет...

В раннем детстве воспитанием его никто особо не занимался, и, по некоторым свидетельствам, герцог Бургундский был просто кошмарным ребенком, жестоким, злым и заносчивым, до крайности избалованным. Но в 1689 году, — как только мальчику исполнилось семь лет, — его отдали под опеку Франсуа Фенелону, известному богослову, писателю и, судя по всему, гениальному педагогу, который за несколько лет воспитал из чудовища «доброго, человеческого,

терпеливого, ласкового, скромного и благочестивого принца». Слегка даже переусердствовав с культивированием всех этих добродетелей.

В декабре 1697 года, когда герцогу Бургундскому было пятнадцать лет, состоялось его бракосочетание с Марией-Аделаидой Савойской, старшей дочерью Виктора-Амадея II и его жены Анны-Марии Орлеанской, — дочери Филиппа Орлеанского и его первой супруги Генриетты. Девочке в то время было всего лишь двенадцать лет. Со свадьбой можно было бы и подождать, но она была одним из пунктов тайного союза между Людовиком XIV и герцогом Савойским в войне за пфальцское наследство.

Принцесса приехала во Францию за год до бракосочетания в октябре 1696 года и в начале ноября была принята королем, который сразу же проникся к ней самой искренней симпатией.

«У нее очень красивые и живые глаза; чудесные черные ресницы; очень ровный белый с розовым цвет лица; самые красивые, какие только бывают, светлые волосы; полные алые губы; крупные, не совсем ровные зубы; кисти рук очень хорошей формы, но типичного для этого возраста цвета. Она несомненно делает реверанс и немножко похожа на итальянку; говорит она мало; она скорее мала, чем велика ростом, худенькая, как и подобает в одиннадцать лет; она совсем не смущается, когда ее рассматривают...» — писал его величество мадам де Ментенон из Монтаржи, куда поехал встречать юную принцессу.

А на следующий день в Фонтенбло состоялось знакомство невесты с женихом.

Чопорный герцог Бургундский дважды поцеловал ей руку, помог расположиться в карете, после чего они отправились в Версаль.

Король лично занимался воспитанием девочки. Мария-Аделаида посещала открытую в 1684 году мадам де Мен-тенон школу в Сен-Сире недалеко от Версаля. Вместе с его величеством она часто совершала прогулки, слушала хоро-вое пение в капелле и церковные проповеди. Вместе с придворными дамами она готовила пирожные в Менажерии или удила рыбу в пруду Швейцарцев. Со своим женихом она встречалась раз в две недели в присутствии множества придворных, и постепенно эти встречи становились все более непринужденными, в конце концов будущим супругам было позволено танцевать друг с другом и вместе играть.

В декабре состоялась свадебная церемония, но она была чисто символической.

«После пышного обеда весь двор проводил новобрачных в их покои. По приказанию короля мужчины удалились, и принцесса разделась в присутствии дам, — пишет Жорж Ленотр, — рубашку ей подавала английская королева. Раздевшись в соседней комнате с помощью английского короля, принц возлег на ложе жены. Полог оставался раздвинут, и через несколько минут муж был уведен к себе».

По-настоящему осуществиться брак должен был только через два года, и до этого момента герцог Бургундский мог видеть свою жену только в присутствии третьего лица, беседовать с ней и сопровождать ее в церковь. Обоих супругов все это вполне устраивало.

Мария-Аделаида оказалась чрезвычайно обаятельной девочкой, при дворе ее любили все, и не только король, но даже чопорная мадам де Мен-тенон. А родной дед — Филипп Орлеанский — просто души в ней не чаял.

«Дряблые щеки, толстые губы, слишком выпуклый лоб, “нос, который ничего не говорит”, — Мария-Аделаида, как

видно не блещет красотой, но обладает удивительным обаянием и шармом, — пишет Ж.-К. Птифис. — Насмешливая болтливая прелестница искрится живым, необузданным весельем, что придаст ей вид маленькой шалуньи, решившей устроить праздник. Она прыгает с одного кресла на другое, сидит на коленях у короля или у госпожи де Ментенон. Она “обнимает их, целует, ласкает, беспокоит их, надоедает, роется в их столах, в бумагах и письмах, распечатывая и читая некоторые из них, несмотря ни на что...” — это свидетельство Сен-Симона. За столом она гримасничает, разделявает сыр-пленка руками, окуная пальцы в подливку, и фамильярничает со своим свекром. Король прощает ей все капризы и выходки, посмеиваясь над ее детской непринужденностью, которая отвлекает его от повседневных тяжелых забот и мыслей».

После того как в 1699 году брак принца и принцессы вступил в законную силу, они стали любящими супругами, несмотря на то, что имели совершенно несхожие характеры. Для них вполне верным оказалось утверждение, что противоположности сходятся.

Мария-Аделаида была веселой резвунькой и вела жизнь, состоящую исключительно из удовольствий. Герцог Бургундский был строг и вечно погружен в размышления о смысле бытия, читал Платона, много и истово молился, прося Господа наставить его на истинный путь, и готовился к великим свершениям. Любимым развлечением принца было написание диссертации, одно название которой говорит о многом: «О значении, приданном Константинопольским собором слову “филиокве”».

Однажды в беседе с королем Мария-Аделаида заметила, что если бы она внезапно умерла и затем воскресла, то нашла бы своего мужа вторично женатым на монашке.

Неспонятно, каким образом это сочеталось, но, несмотря на всю свою серьезность, герцог Бургундский был нежным и романтичным супругом. «Находясь в разлуке, он всегда упрекал себя за нетерпение, с каким стремился к ней, и старался победить чрезмерность своих чувств, — пишет Жорж Ленотр. — Он посылал ей нежнейшие письма и, выдавив из пальца капельку крови, рисовал пылающее сердце с именем Марии-Аделаиды. В ответ она писала такими же чернилами, но обмакивала свое перо в кровь, извлеченную из пальца придворной дамы мадам де Магон. А наивный влюбленный муж покрывал эти письма, один вид которых “приводил в смятение его разум”, пылкими поцелуями».

Этой милой супружеской паре, к сожалению, не суждено было жить долго и счастливо, а умерли они почти одновременно, — с разницей всего лишь в шесть дней. От кори, которой заразилась сначала Мария-Аделаида, а потом и герцог Бургундский... Мария-Аделаида умерла 12 февраля, а ее муж — 18 февраля 1712 года.

В этом браке родилось трое детей. Все трое — мальчики, и все трое были названы Людовиками, словно супруги предчувствовали, что выживет только один из них. Так и произошло. Первый Людовик, герцог Бретонский, не прожил и года. Второй — прелестный пятилетний малыш — умер от кори почти одновременно с родителями 8 марта 1712 года.

И 17 марта Лизелотта Пфальцская написала в дневнике: «Вчера меня заставила плакать маленькая собачка дофина. Бедное животное взойшло на возвышение в домовой церкви (Версаля) и начало искать своего хозяина в том месте, где он, молясь, последний раз становился на колени». 24-го она записала: «В святая святых (то есть в кабинете

короля) много говорили о прошлых делах, но ни слова не сказали о настоящих — ни о войне, ни о мире. Больше не говорят ни о трех наследниках, ни о герцогине из страха напомнить о них королю. Как только он начинает об этом говорить, я перевожу разговор на другую тему и делаю так, как будто я не расслышала».

И только третьего Людовика, которому в то время едва исполнилось два года, чудом удалось спасти.

Все произошедшее было настолько неожиданно и ужасно, что ослепленный горем король заподозрил злой умысел и счел, что его внука, его супругу и их сына отравили... И его гневный взор обратился на того, кому это могло быть выгодно. На Филиппа II, герцога Орлеанского, амбициозного молодого человека, которому когда-то, — вот сейчас это и припомнили! — предсказали корону. Филипп был оскорблен подобным подозрением до глубины души и сам предложил его величеству отправить его в Бастилию, раз уж тот подозревает его в столь ужасных злодеяниях. Но никаких доказательств у Людовика не было, да и, поразмыслив более трезво, он отказался от обвинений. В смерти его любимого внука и его супруги можно было винить скорее врачей, которые, не умея предпринять ничего полезного, изображали бурную деятельность, бесконечно устраивая больным кровопускания и давая им рвотное. То что самый младший ребенок был спасен — заслуга его гувернантки, мадам де Вангадур, отказавшейся подчиняться предписанием докторов. Эта женщина спасла французский престол от смены династии. Она сохранила в живых единственного оставшегося в живых наследника Людовика XIV — будущего короля Людовика XV.

Ужасная катастрофа, но ничего мистического нет в том, что во время эпидемии один за другим умирают члены одной семьи.

Однако Смерть не покинула королевский дворец.

Спустя два года, 5 мая 1714 года, пострадав на охоте, скончался от внутреннего кровотечения Карл Французский, герцог Беррийский, младший сын короля, не оставив после себя потомства, — все трое его сыновей в браке Марисей-Луизой Орлеанской умирали в младенчестве.

Из внуков Людовика XIV оставался в живых только Филипп, но он не мог наследовать французский престол. Незадолго перед смертью бездетный король Испании Карлос II назначил его своим наследником, и в 1700 году тот уехал на новую родину.

Таким образом, все надежды Людовика XIV и всего королевства были направлены на мальчика Людовика, герцога Анжуйского. Но, учитывая несчастья, преследующие королевскую семью в последние годы, надежда эта была весьма зыбкой.

Поэтому король решился на беспрецедентный шаг.

Он нарушил династический устав и возвел в ранг принцев крови с правом наследования престола двоих своих внебрачных сыновей от герцогини де Монтеспан — герцога дю Мэн и графа Тулузского.

Общественность негодовала, — ведь подобное решение шло вразрез с основными законами Франции! Корона не является собственностью короля, и он не может распоряжаться ею по своему усмотрению!

Но кто может спорить с Людовиком XIV?

21 мая 1714 года Парижский парламент безропотно зарегистрировал новый эдикт.

А в августе по настоянию герцога дю Мэн и мадам де Ментенон король составил тайное завещание, в котором ограничил власть своего племянника Филиппа Орлеанского, которому, безусловно, — и от этого никуда не деться, — предстояло стать регентом при малолетнем Людовике XV. Герцог Орлеанский назначался главной Совета, но не имел права принимать решения в одиночку, не посоветовавшись с его членами: герцогом дю Мэном, графом Тулузским, канцлером, главой финансового совета и прочими важными господами, которым доверял король. Все решения должны были приниматься большинством голосов.

Памятуя о завещании, оставленном некогда его собственным отцом и ограничивающем власть регентши — Анны Австрийской, Людовик XIV сильно сомневался, что и его собственное завещание будет исполнено. В глубине души он понимал, что герцог Орлеанский предприимчивее, умнее и талантливее его детей, так или иначе он сможет взять власть в свои руки.

Поэтому, вручая завещание президенту Парижского парламента, Людовик сказал ворчливо, имея в виду супругу и сына:

— Они его хотели, мне надоедали, не давали покоя, что бы я ни говорил. Ладно, отныне я купил себе право на отдых.

Король устал. Он чувствует, что время его уходит.

Так и есть, — ему остается жить чуть более года...

Глава 31

ПРОЩАНИЕ

Людовику XIV уже 76 лет. Во времена, когда 60-летние люди считались глубокими стариками, — этот возраст более чем почтенный, дожить до которого почти невероятно. Од-

нако король живет, мужественно преодолевая хвори и напасти и бессмысленную жестокость неумелых врачей, которые скорее мучают его, чем лечат. Людовик с детства был очень терпелив и безропотно исполнял все указания врачей, приносили ли они хоть какую-то пользу или только вред, разрешая им обращаться с собой как с самым обычным пациентом. Крепкий организм успешно справлялся с этой двойной напастью — болезнями и лечением.

Самые интимные подробности из жизни членов королевской семьи всегда были народным достоянием, не обошло это правило и королевские недуги. Весь двор был в курсе, когда у его величества запор, а когда диарея, по каким дням ему ставят клизму и когда у него обостряется подагра.

А история с лечением свища у Людовика XIV, произошедшая еще в 1686 году, послужила предметом пристального внимания не только придворных, но и всех французов. Еще и потому, что болезнь эта была распространена у аристократов, если и не так же широко, как подагра, но близко к тому.

Справлялись с этим недугом в основном хирургически и далеко не всегда удачно. Поэтому, прежде чем взяться за короля, врачи решили поставить эксперимент и выбрали добровольцев, которые должны были проверить на себе самые разные способы лечения: притирания, мази, отвары, промывания лечебными травами. Вдруг можно будет обойтись без радикальных методов? Но никакие методики не принесли улучшения.

Тогда врачи решились на операцию, но прежде чем проделать ее, первый королевский хирург Феликс много практиковался на добровольцах, чтобы как следует набить руку.

Наконец 18 ноября 1686 года торжественный момент настал. «Как только пробило 8 часов, все вошло в комнату короля, увидели его крепко спящим, что показывало: он со-

вершилось в такой момент, когда другие сильно волновались бы! — пишет Франсуа Блюш. — Когда его разбудили, он спросил, все ли готово и здесь ли Лувуа; и так как ему ответили, что министр в приспешной и что все готово, он стал на колени и начал молиться. После этого он поднялся и сказал громко: “Господи, да будет воля твоя”. Лег опять на свою кровать и приказал Феликсу начинать операцию; Феликс сделал ее в присутствии Бессьера, самого знаменитого хирурга Парижа, и де Лувуа, который все время держал руку короля, а мадам де Менгенон стояла около камина.

Король совершенно не кричал и сказал только: “Господи!”, когда ему сделали первый надрез, — а ведь во время операции не использовалось никакой анестезии! Когда же все было почти закончено, он сказал Феликсу, чтобы тот его несколько не пугал и обращался с ним, как с обычным человеком его королевства; и тогда Феликс сделал ему еще два надреза ножницами, а потом подставил чашу и пустил ему кровь из вены, но сделал это не так удачно, как операцию, которую сделал отлично, а здесь он задел мускул руки короля».

Выздоровление его величества праздновал весь Париж, был отслужен молебен в Нотр-Дам-де-Пари. После чего устроен большой прием в Ратуше. А девицы из приюта Сен-Сир спели королю кантату, сочиненную специально по этому случаю их настоятельницай. Начинаясь она словами «Боже, храни короля...». Говорят, что какой-то англичанин услышал это песнопение и оно так ему понравилось, что он привез его к себе на родину, где оно послужило основой для английского гимна.

Страдания короля не были напрасными. Знаменитая операция положила начало новой хирургии, использующей надрезы, — это было изобретение хирурга Феликса, — и дата 18 ноября 1686 года стала поворотным моментом в истории

хирургии. Отныне французы стали меньше бояться ножниц, ланцета, скальпеля, и «большая операция» на какое-то время стала даже модной, все хотели повторить подвиг короля и таким образом почувствовать общность с его величеством.

Но эта операция — пожалуй, единственный значительный успех в лечении короля. В преклонном возрасте болезни его обостряются все чаще, и неумелые попытки врачей облегчить страдания совершенно тщетны. Лизелотта Пфальцская даже считала, что его величество прожил бы дольше, если бы не постоянные промывания, доводившие его порой до кровавого поноса. Но, возможно, это и не имело значения, — Людовик XIV умирал потому, что пришло его время.

Летом 1715 года король начал стремительно слабеть.

Мадам де Ментенон жаловалась в письмах: «Приходится терпеть его мрачное настроение, его уныние, его недомогания; иногда у него из глаз ни с того ни с сего льются слезы, и он не может сдерживать их, или ему внезапно делается дурно. Он утратил вкус к беседе. Случается, что кто-либо из министров приносит ему дурные новости. Если хотят, чтобы я присутствовала при этом совете, меня зовут, если нет, то я удаляюсь...»

Людовик быстро уставал, его мучили боли в суставах, но он старался не обращать на это внимание, продолжая исполнять свои обязанности в привычном для себя режиме. Он давал аудиенции, он принимал послов, он присутствовал на советах и даже удостоивал вниманием какие-то придворные увеселения.

Но однажды вечером, когда его величество укладывался спать, его вид не на шутку испугал врача Дажо, который чуть позже напишет: «Он мне показался мертвым, когда я увидел его раздетым. Никогда еще человек мощного телосложения не превращался за такой короткий промежуток времени в ходячий скелет, казалось, плоть его быстро таяла».

Начиная с 19 августа король уже не покидал своих апартаментов, — придворный хирург обнаружил черное пятно у него на ступне и понял, что начинается гангрена. Он попросил его величество согласиться на проведение консилиума лучших придворных врачей. И 21 августа Людовика посетили четыре знаменитости медицинского факультета. Полностью одобрив диагноз Фагона и способ его лечения, они все же осмелились прописать его пациенту микстуру кассии, а потом дать слабительное, — куда уж без этого!

25 августа король чувствовал себя настолько плохо, что попросил дать ему последнее причастие, после которого сделал важные распоряжения, назначил маршала Вильруа воспитателем дофина, долго беседовал с канцлером Вуазеном и генеральным прокурором Демарс, а потом пригласил Филиппа Орлеанского, чтобы помириться с ним. Его слова очень трогательны:

«Мой дорогой племянник, я составил завещание, согласно которому вы сохраняете все права, которые вам даст ваше рождение. Я поручаю вам дофина; служите ему так же честно и преданно, как вы служили мне... Если его не станет, власть перейдет в ваши руки. Я знаю ваше доброе сердце, ваше благоразумие, вашу храбрость и ваш ум; я убежден, что вы возьмете на себя заботу о достойном воспитании дофина и что сделаете все возможное для облегчения участи подданных королевства».

Прекрасные слова, но потом король добавил: «Я сделал некоторые распоряжения, кои считал разумными и справедливыми для блага королевства, но поскольку все предусмотреть невозможно, то в случае необходимости внести какие-либо изменения будет сделано то, что будет сочтено необходимым».

Очень туманное заявление, которое Филипп Орлеанский поймет вполне, только когда увидит тайное завещание короля.

На следующий день король попрощался с будущим Людовиком XV, давая ему последние наставления, которые пятилетний малыш вряд ли запомнил. По крайней мере, будущее покажет, что он не особенно внял словам великого прадеда о том, чтобы никогда не забывать о своих обязанностях и по мере сил облегчать участь народа. Впрочем, — об этом никогда особенно не заботился и сам Людовик XIV.

В последующие дни король попрощался со всеми близкими. Лизелотта Пфальцская пипшет: «Прощаясь, он сказал мне такие нежные слова, что я не знаю, как я тут же не рухнула без чувств. Он сказал, что всегда любил меня, и даже больше, чем я могла подозревать, что он сожалеет о том, что доставил мне некоторые огорчения... Я бросилась перед ним на колени, схватила его руку и прижалась к ней губами, а он поцеловал меня. Потом он обратился к другим дамам и призывал их к единству. Я сперва подумала, что он обращается ко мне, и ответила ему, что буду слушаться Его Величество до конца своих дней. Он повернулся ко мне и сказал, улыбаясь: “Это не вам я говорю, я знаю, что вам не надо давать таких советов, ибо вы женщина очень разумная; это я говорю другим принцессам”».

А 28 августа в Париже вдруг появился какой-то знахарь, чтобы предложить чудодейственное «средство от гангрены», которое наверняка поможет королю. На вкус это жуткая гадость, непонятно, из чего оно сделано, но, цепляясь за последнюю надежду, король принимает его. И действительно на некоторое время ему становится лучше... В самом ли деле снадобье сработало или это был эффект плацебо? Или, как это часто бывает

перед смертью, организм просто выплеснул последние силы, подарив королю смелости и ясности мыслей, избавив его от мучительной боли перед уходом в мир иной?

Так или иначе, ничто уже не могло ему помочь.

30 августа началась агония. Весь день Людовик находился в полубессознательном состоянии.

Ночью 31 августа священники прочли молитвы для умирающих, и его величество, хотя и находился уже в объятиях смерти, произнес совершенно отчетливо: «Ave Maria» и «Credo». А последние его слова были: «О Господи, приди мне на помощь, поскорее помоги мне!»

Утром 1 сентября 1715 года король умер.

Эпилог

LE ROI EST MORT

Он правил 72 года, дольше, чем кто-либо еще из европейских монархов. Это целая эпоха, охватить которую взглядом очень сложно... Сколько было всего: поражений, побед, унижений и триумфа, крушения надежд и осознания тщеты всего земного.

Образ Людовика XIV никого не оставляет равнодушным, его или любят или ненавидят. Но им, безусловно, восхищаются. Потому что он абсолютно эгоцентричен и вместе с тем самопожертвенно отдается государственным интересам. Он бывает жесток и умест проявлять снисходительность. Он умест любить всем сердцем и с легкостью убивает равнодушных тех, кто любит его.

Его величество не был святым, он совершил множество ошибок, — ему вменяют в вину, и совершенно справедливо,

бесконечные войны, истощившие Францию, отмену Нантского эдикта и преследования янсенистов. Но под властью Людовика XIV Франция стала величайшей мировой державой. Победительница и на суше и на море, сокрушившая наконец самого давнего своего врага, — Испанию, она стала крупнейшей колониальной державой. Никогда доселе она не достигала такого могущества.

При правлении великих королей жить нелегко, но гораздо тяжелее жить при правлении королей жалких. Людовик XV не оправдает надежд прадеда, живя в свое удовольствие и поживая на лаврах, он добьется того, что королевская власть быстро лишится авторитета. Людовик XVI доведет страну до катастрофы, которая выльется в кровавую бойню революции. И все это время французы с грустью будут вспоминать своего «короля-солнце» и сожалеть о своем великом прошлом.

Восемь дней тело Людовика XIV было выставлено в Версале для прощания, а в ночь на девятые сутки его перевезли в королевскую усыпальницу Сен-Дени, где король упокоился в подземной крипте рядом с теми, кого он любил и кто любил его.

А в реестре могил версальского прихода вскоре появилось скромное свидетельство, ничем не выделяющееся среди прочих: «В первый день сентября тысяча семьсот пятнадцатого года скончался великий, очень могущественный и замечательный король Франции, Людовик XIV славной памяти, в возрасте семидесяти семи лет в своем дворце и был перенесен в Сен-Дени в девятый день названного месяца в присутствии мессира Жана Дюбуа, каноника Сен-Каптена, капеллана королевского оркестра и мессира Пьера Мангури, священника Конгрегации Миссионеров, которые подписались вместе с нами».

Список использованной литературы

На французском языке:

¹ *Capectigue Jean Baptiste Honoré Raymond. La marquise de Montespan Athénaïs de Rochecouart-Mortemart: Les splendeurs de Versailles. Paris: Adamant Media, 2001.*

² *Desprat Jean-Paul. Madame de Maintenon. Paris: Perrin, 2003.*

³ *Erlanger Philippe. Monsieur, frère de Louis XIV. Paris: Perrin, 2004.*

⁴ *Petitfils Jean-Christian. Louise de La Vallière. Paris: Perrin, 2011.*

На русском языке:

¹ *Блюш Франсуа. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998.*

² *Блюш Франсуа. Ришелье. М.: Молодая гвардия, 2006.*

³ *Бретон Ги. В интимном окружении королей и фавориток. М.: Персвст, 1993.*

⁴ *Бретон Ги. От Великого Конде до Короля-солнце. М.: Персвст, 1994.*

⁵ *Глаголева Екатерина. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII.*

⁶ *Дешодт Эрик. Людовик XIV. М.: Молодая гвардия, 2011.*

⁷ *Ивошина Людмила. Мазарини. М.: Молодая гвардия, 2007.*

⁸ *Ленотр Жорж. Повседневная жизнь Версаля при королях. М.: Молодая гвардия, 2003.*

⁹ *Мань Эмиль. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII. СПб.: Евразия, 2002. М.: Молодая гвардия, 2007.*

¹⁰ *Птифис Жан-Кристиан. Людовик XIV. Слава и испытания. СПб.: Евразия, 2008.*

¹¹ *Рео, Таллеман де. Запоминающиеся истории. Л.: Наука, 1974.*

¹² *Сен-Симон. Мемуары. М.: Прогресс, 1991.*

¹³ *Эрланже Филипп. Филипп Орлеанский. Регент. М.: ИЦ ЭНАС, 2008.*

¹⁴ *Шоссинан-Ногаре Ги. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей. М.: Молодая гвардия, 2003.*

Упоминаемые в книге художественные произведения:

¹ *Александр Дюма. Людовик XIV. Биография. М.: Захаров, 2008.*

² *Александр Дюма. Три мушкетера. М.: АСТ, 2008.*

³ *Александр Дюма. Двадцать лет спустя. Минск: Юнацтва, 1990.*

⁴ *Александр Дюма. Викоит де Бражелон. М.: Художественная литература, 1979.*

⁵ *Анн и Серж Голом. Анжелика. М.: Цснтрполиграф, АСТ, 2007.*

⁶ *Жюльетта Бенцони. В альковах королей. М.: Эксмо-пресс, 1999.*

⁷ *Жюльетта Бенцони. Король нищих. М.: Эксмо-пресс, 1996.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. Vive le roi!	3
Глава 1. Чудо милости Господней	5
Глава 2. Кто настоящий отец?	16
Глава 3. Людовик XIII: излишне Благочестивый	23
Глава 4. Анна Австрийская: королева с алмазными подвесками	41
Глава 5. Джулио Мазарини: кардинал-мирянин	63
Глава 6. Самый необыкновенный мальчик	77
Глава 7. «Великие короли не были возвращены в радости»	86
Глава 8. Лев, Обезьяна и супруга Лиса	95
Глава 9. Герцог де Бофор: король рынков	110
Глава 10. Совершеннолетие короля	118
Глава 11. Герцогиня де Монпансье: яблочко от яблони	122
Глава 12. Королевские развлечения	128
Глава 13. Коронация	134
Глава 14. Распорядок дня	139
Глава 15. Мария Манчини: первая любовь короля	143
Глава 16. Заложники мира	151
Глава 17. Смерть кардинала	164
Глава 18. Месье, брат короля	167
Глава 19. Генриетта Английская: невестка и возлюбленная	181
Глава 20. Луиза де Лавальер: прекрасная хромоножка	197
Глава 21. Печальная участь герцогини Орлеанской	217
Глава 22. Лизелотта из Пфальца	229
Глава 23. Франсуаза де Монтеспан: прелестное чудовище	238
Глава 24. Анжелика де Фонтанж: глупый ангел	246
Глава 25. Жир повешенного пополам с кровью летучей мыши	252
Глава 26. Смерть королевы	263
Глава 27. Мадам де Ментенон: вторая жена короля	264
Глава 28. День короля	283
Глава 29. Людовик Великий Дофин	289
Глава 30. Проклятие королевского дома	302
Глава 31. Прощание	309
Эпилог. Le Roi est mort	315
Список использованной литературы	317

Научно-популярное издание

History files

Умнова Татьяна Викторовна
Прокофьева Елена Владимировна

**ЛЮДОВИК XIV
ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ «КОРОЛЯ-СОЛНЦЕ»**

Выпускающий редактор *А.А. Скороход*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.11.2013. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 10. Тираж 2000 экз. Заказ № 1993.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ISBN 978-5-4444-0942-8

реклама

12+

www.365days.ru

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

*ВСЕ О РОССИЙСКОЙ
и мировой истории*

Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!

Людовик XIV вошел в историю как «король-солнце», и, пожалуй, именно его можно назвать самым знаменитым среди французских монархов. Мало найдется людей, не слышавших о нем. Для одних Людовик — герой захватывающих любовных историй, для других — повелитель великолепнейшего в истории двора, для третьих — основатель Версаля, самого роскошного загородного поместья в Европе. Людовик появляется на страницах популярнейших романов Александра Дюма, Анн и Сержа Голон, Жюльетты Бенцони, Людовик становится героем множества кинофильмов и даже знаменитого мюзикла... Научно-популярных книг о нем написано также немало, но большинство из тех, которые доступны русскому читателю, рассказывают о Людовике XIV — короле, политике, военачальнике.

Новая книга Татьяны Умновой и Елены Прокофьевой повествует о личной жизни «короля-солнце», о его семье, о ближайшем окружении, о повседневных привычках, о пороках и добродетелях. Обо всем, что обычно игнорируется серьезными историками, но позволяет создать ясное представление о том, каким человеком был этот великий король.